

НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК ТАДЖИКИСТАНА
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ ИМЕНИ А.
ДОНИША

На правах рукописи

АМИРШОЕВ СИЁВУШ НУРМУХАММАДОВИЧ

**ВКЛАД ТАДЖИКОВ В ПОЛИТИЧЕСКОЕ, СОЦИАЛЬНО-
ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И КУЛЬТУРНОЕ РАЗВИТИЕ
КИТАЯ В XIII–XV ВВ.**

Специальности 5.6.1. – Отечественная история

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени кандидата исторических наук

Научный руководитель:
доктор исторических наук,
профессор Х. Ш. Камолов

Душанбе – 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА I. МИГРАЦИЯ ТАДЖИКОВ В КИТАЙ.....	19
1.1 Основные факторы миграции таджиков в Китай до начала XIII века	19
1.2 Принудительная миграция жителей Великого Хорасана в Китай в XIII веке.....	37
1.3.Миграция таджиков в Китай и ее влияние на китайское общество в XIII–XV веках.....	64
ГЛАВА II. ВКЛАД ТАДЖИКОВ В ПОЛИТИЧЕСКИЕ, СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И КУЛЬТУРНЫЕ ДЕЛА ИМПЕРИЙ ЮАНЬ (1271–1368) И МИН (1368–1644).....	96
2.1 Династия Саида Аджала Бухари и укрепление государственного управления в Китае	96
2.2 Адмирал, дипломат, исследователь Мухаммад Хаджи – организатор масштабных военно–торговых морских экспедиций в период правления династии Мин	108
2.3. Вклад великого везира Ахмада Фанакати и известного архитектора–изобретателя Ихтияруддина в развитие государственного строя и архитектуры в Китае	122
2.4 Деятельность таджикских ученых в китайских научных кругах (в XIII-XV вв.).....	141
2.5. Таджики в культурной жизни Китая в XIII-XV веках	167
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	194
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ	201

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы. Исследование вклада таджиков в политическое, социальное и культурное развитие Китая в XIII–XV веках представляет собой актуальную тему, охватывающую широкий спектр исторических, культурных и социальных аспектов. Указанный период характеризуется интенсивным развитием Великого Шелкового пути, в рамках которого миграционные потоки из Великого Хорасана в Китай становились значимым фактором формирования культурного и политического ландшафта империй Юань и Мин.

Миграция таджиков в Китай в этот исторический период сопровождалась их активным участием в государственном управлении, военном деле, строительстве общественно–значимых объектов (мечетей, школ, административных зданий), что способствовало интеграции исламских культурных традиций в общий культурный ландшафт Китая. В этом контексте определение роли и вклада таджиков в формирование китайской культуры в средневековом периоде становится актуальным.

Актуальность данного исследования обусловлена не только необходимостью анализа миграционных процессов и социальных связей между Великим Хорасаном и Китаем, но и выявлением степени их влияния на архитектуру, искусство, религиозные практики, политические структуры и культурные традиции. В условиях современного мирового сообщества, ориентированного на укрепление культурных связей и международного сотрудничества, осмысление исторического опыта взаимодействия различных народов приобретает особую значимость.

Исследование роли таджиков в формировании и развитии китайской цивилизации в XIII–XV веках углубляет понимание культурного многообразия исторических процессов и способствует сохранению и осмыслению мирового культурного наследия. В письменной традиции рассматриваемого периода выходцы из Великого Хорасана обозначались различными терминами, такими как «мусульмане», «хуэй–хуэй», «сэму» и другими, отражавшими преимущественно религиозные, социальные или административные

характеристики. Сопоставительный анализ этих обозначений и связанных с ними описаний позволяет рассматривать упоминаемые группы как элементы единого исторического явления, которое в настоящем исследовании обозначается термином «таджики».

Особое внимание заслуживает деятельность известных таджикских личностей, в частности Саида Аджаля Бухари и его семьи, представители которой оказали значительное влияние на китайское общество в XIII–XIV веках. Их активное участие в политической, культурной и общественной жизни Китая свидетельствует о важности взаимодействия между таджиками и китайцами в эти периоды. Исторические источники также фиксируют участие других таджикских семейств, деятельность которых была связана с важными процессами внутри страны. Среди них особое место занимает Ихтияруддин, известный как «создатель Ханбалыка» (Пекин), и его сын Мухаммадшах, принявших участие в строительстве и планировке столицы Китая. Братья Исмаил и Аловуддин проявили себя в области военных технологий. Байло Ахмат, более известный как Ахмад Фанакати, выступал видным политическим и общественным деятелем, оказывавшим влияние на финансовую политику империи Юань. Ученики шейхульислама Сайфиддина Бохарзи занимали различные государственные и научные должности в числе которых Кади Бахауддин Бахаи, занимавший должность министра, и Бахауддин Кундузи, возглавлявший научное сообщество Ханбалыка, а также многих других выдающихся личностей. Помимо этих фигур, в источниках упоминаются и другие представители таджикских кругов, чья деятельность была связана с ведением государственных дел, развитием инфраструктуры, военным делом и научными занятиями в период монгольского правления в Китае.

Современная значимость данной темы состоит в том, что выявление исторических основ межкультурного взаимодействия и трансграничной дипломатии позволяет разрабатывать эффективные модели международного сотрудничества и мирного сосуществования. Таким образом, исследование вклада таджиков в развитие Китая в XIII–XV веках важно не только для

реконструкции исторических процессов, но и для понимания их влияния на современную мировую политику и межкультурные отношения.

Степень изученности темы исследования. Изучение вклада таджикского народа в политическое, социальное и культурное развитие Китая в период XIII–XV веков представляет собой сложную и многогранную проблему, которая в научной литературе остаётся недостаточно раскрытой и систематизированной. В существующих исследованиях достаточно подробно освещены миграционные маршруты таджикских групп, а также торгово–экономические связи с Великим Хорасаном. Однако сведения о влиянии и роли таджиков в социально–политической и культурной сферах Китая в эпохи империй Юань и Мин остаются фрагментарными и неопределёнными.

В научных работах, посвящённых данной тематике, таджикский фактор нередко рассматривается лишь в контексте широкой историко–географической системы Великого Шёлкового пути, где китайская сторона выступает важным звеном торгово–культурных обменов с регионами Великого Хорасана и Ирана. При этом специфический вклад таджикских общин в формирование китайского социокультурного пространства этого периода остаётся недостаточно осмысленным и требует дальнейшего углубленного изучения.

Для систематизации уровня разработанности темы предлагается разделить имеющиеся исследования на несколько ключевых групп, отражающих разные аспекты миграции, экономических связей и культурно–политического влияния таджиков в Китае XIII–XV веков.

Первая группа включает исследования советских учёных советского периода, посвящённые истории Великого Хорасана, а также их взаимодействиям с Китаем в XIII–XV веках, которые заложили основы дальнейшего изучения данной проблематики. Особое место занимают труды В. В. Бартольда, где были заложены основы исследования политической и социальной истории региона, подробно рассмотрено влияние монгольских завоеваний, миграционные процессы, этногенез таджиков и их культурное

влияние на соседние страны¹. Б. Г. Гафуров провёл подробный анализ истории таджиков и их культурных связей, затрагивая вопросы расселения и миграции². Среди историко-этнографических исследований и интерес представляют коллективные разработки и отдельные книги. М. В. Крюков, В. В. Малявин и М. В. Софонов в книге «Китайский этнос на пороге средних веков», анализировали формирование китайского этноса на рубеже древности и средневековья, отмечая роль семужэнь/хуэй, переселившихся из Великого Хорасана³. В статье Н. Н. Негматов, Н. Т. Рахимов⁴, рассматривается связи с Китаем. А подборка работ этих учёных формирует прочную теоретическую базу для изучения вклада таджиков в развитие региона и их связей с Китаем в XIII–XV веках.

Ко второй группе относятся научные труды, монографии, научные статьи и исследования таджикских учёных, опубликованные в период государственной независимости Республики Таджикистан. Среди них следует выделить таких историков, как Э. Рахмон⁵, Д. Давлатали⁶, А. Саидов⁷, А. Нурмухаммад⁸, Х. Камол⁹, Н. Муроди¹⁰ и другие. Их работы содержат глубокий анализ принудительного переселения, функционирования исторических торговых маршрутов, включая Великий Шёлковый путь, а также политических,

¹ Бартольд, В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия [Текст] / В. В. Бартольд. – М., 1963. – Т. I. – С. 763; Он же. Таджики. Исторический очерк [Текст]. – М., 1963. – Соч. – Т. II, ч. 1. – 1024 с.; Он же. Работы по отдельным проблемам истории Средней Азии. – М., 1964. – Соч. – Т. II, ч. 2. – 661 с.; Он же. Работы по исторической географии [Текст]. – М., 1965. – Соч. – Т. III. – 713 с.

² Гафуров, Б. Г. Таджики [Текст]: Древнейшая, древняя и средневековая история / Б. Г. Гафуров. – Душанбе: Ирфон, 1989. – Книга 1.– 371 с.; Он же. Таджики [Текст]: Древнейшая, древняя и средневековая история. // Душанбе: Ирфон, 1989. – Книга 2. – 379 с.

³ Крюков, М. В., Малявин, В. В., Софонов, М. В. Китайский этнос на пороге средних веков [Текст] / М. В. Крюков., В. В. Малявин., М. В. Софонов. – М.: Наука, 1979. – 338 с..

⁴ Негматов, Н.Н., Рахимов, Н.Т. Уструшано-Ходжентский узел Великого шёлкового пути [Текст]:Формирование и развитие трасс Великого шёлкового пути в Центральной Азии в древности и средневековье / Н.Н. Негматов., Н.Т. Рахимов. – Ташкент: ТДК, 1990. – 204 с.

⁵ Рахмон, Э. Тоҷикон дар онаи таърих-Аз Ориён то Сомониён [Матн] / Э. Рахмон. – Душанбе: Ирфон, 2011. – 400 с.

⁶ Давлатзода, Д. Д. Мусульмане [Текст]: подлинная история расцвета и упадка / Д. Д. Давлатзода. – Москва: ЛитРес, 2020. – Книга 2. – 383 с.

⁷ Саидов, А. Вазъи сиёсии Хуросони Бузург ва Эрон дар асри XIII – нимаи аввали асри XIV [Матн] / А.Саидов. – Душанбе, 2025. – 628 с.

⁸ Нурмухаммад, А. Давлатдории тоҷикон дар асрҳои IX-XIV [Матн] / А. Нурмухаммад. – Душанбе, 1999. – 1008 с.

⁹ Камол, Х. Авомили ба сари ҳокимијат омадани Сомониён [Матн]: Баррасиҳо ҳаводиси таърихии садаҳои VII-IX-и Хуросони Бузург дар асоси манобеи таърихӣ. – Душанбе: Дониш, 2022. – 324 с.

¹⁰ Низомиддин М. Согдийцы и китайская цивилизация [Текст] / М. Низомиддин. – Худжанд: Таджикский государственный Университет права, бизнеса и политики, 2014. – №1. – 359 с.

культурных и социальных связей между таджикским народом и Китаем в XIII–XV вв. Материалы этих исследований освещают роль таджиков в формировании многонационального пространства в период правления династий Юань и Мин, открывая перспективы для дальнейшего научного изучения.

Третья группа охватывает труды учёных из стран Центральной Азии, в которых исследуются не только пути переселений, но и более обширные формы взаимодействия народов, включая взаимное воздействие культурных и государственных строений Великого Хорасана и Китая в средневековые времена. К этой группе труды А. Ш. Кадырбаева¹, В. Е. Еремеева² и А. К. Камалова³, формирующие базовое представление о названных процессах. При этом остаются недостаточно изученными такие вопросы, как последовательность и внутренние механизмы культурного сближения, роль знатных таджикских родов в развитии межобластных связей, а также влияние Великого Хорасана на политическую и культурную жизнь империи Юань и Мин.

В рамках четвертой группы внимание сосредоточено на исследованиях китайских учёных, посвящённых роли этнических меньшинств, включая таджиков, в период династий Юань и Мин. Одно из наиболее детальных исследований, посвящённых вкладу таджикских семей в социально-экономическое и культурное развитие Китая, содержится в труде Финг Цин Юаня «Фаръанги исломї ва эронї дар Чин» («Исламская и иранская культура в Китае»), переведённом на персидский язык иранским учёным

¹ Кадырбаев, А. Ш. Тюрки и иранцы в Китае и Центральной Азии XIII-XIV вв [Текст] / А. Ш. Кадырбаев. – Гылым, 1990. – 158 с.; Он же. Кадырбаев А.Ш. «Таджики» Китая: история и современность // Общество и государство в Китае. –М.: 2010. – Т.40, №1. – 472 с.; Он же. «Почтенные мусульмане» - хуэй и дунгане // Научный Востоковедческий журнал «Иран-Наме» Алматы, 2011.– №3 (19). – 259 с.; Он же. Мусульманские языки и мусульманский культурный Ренессанс в Китае при Юань // Научный журнал: «Общество и государство в Китае»– ИВРАН, 2013. –№1. – Т. 43.– 608 с.; Он же. Ренессанс ирано-арабской мусульманской культуры в Китае под властью монголов и этногенез хуэй и дунган XIII–XIV вв. – Иран-наме, 2007. – № 3. – 71 с.

² Еремеев, В.Е. Наука в эпохи Юань и Мин [Текст] / В.Е. Еремеев // Общество и государство в Китае. – ИВ РАН. – 2012. – 395 с.

³ Камалов, А.К. Древние уйгуры. VIII-IX вв [Текст] / А.К. Камалов. – Алматы: Наш мир, 2001. – 216 с.; Он же. Камалов А.К. Знатный согдиец на службе у тюрок и Танской империи // Центральная Азия: диалог цивилизаций в XXI веке. Материалы международной конференции. – Алматы, 2003.

Мухаммаджаводом Умедворни¹. Кроме того, значимыми являются рукописи, путевые заметки и биографии, археологические исследования и монографии авторов по современной историографии таджикско-мусульманских общин Китая: Чэнь Юань (陈垣)², Чжан Гуанда (張廣達)³, Лян Чжэ (梁喆)⁴, Линь Мэйцунь (林梅村)⁵, Ван Цзилин⁶, Чэнь Дэчжи⁷ и др. Данные работы освещают положение таджиков в государственной системе, влияние персидского языка, морские экспедиции Чжэн Хэ, архитектурные достижения, вклад знатных таджикских семей, а также другие аспекты их культурной, экономической и исторической деятельности в указанный период.

Пятая группа заслуживает отдельного рассмотрения исследований данной проблематики зарубежными учеными. В их трудах особое внимание уделяется политическим-социальным, миграционным и культурным процессам между Средней Азией и Китаем, раскрываются связи Востока и Запада, а также вклад персидских и мусульманских общин в историю Китая XIII–XV вв. Работы Р. Израили⁸, Г. Мензиса⁹, Л. Леватеса¹⁰, К. В. Моргана¹¹, Дж. Н. Липмана¹² и Ж. П. Ру¹³ рассматривают участие таджикско-персидских народов

¹ Финг Цинь Юань. Исламская и иранская культура в Китае [Текст]: Персидский перевод Мохаммада Джавада Умединория / Финг Цинь Юань. – Тегеран, 1998. – 291 с.

² 陳垣. 《元西域人華化考》 (Исследование ассимиляции народов Западного региона в эпоху Юань). 「稿本」. 八卷. – 北京-1934.

³ 张广达. 《大食》 (Да-ши) // 中国大百科全书》. 上海 : 上海辞书出版社 · 1992. 第1卷.

⁴ Лян Чжэ / 梁喆. Роль императора Чжу Юаньчжана в проникновении ислама в Китай // Общество и государство в Китае. – Издательство: Институт востоковедения Российской академии наук. – Москва, 2014. – №1 Том-44. – 589 с.

⁵ 林梅村. 波斯文明的洗礼 (Крещение персидской цивилизацией – Заметки о поездке в Иран). – 2012伊朗考察记之四.

⁶ Ван Цзилин. О влиянии исламского архитектурного искусства на Китай по данным архитектурных деталей, найденных при раскопках руин столицы Юань – Даду [Текст] / Ван Цзилин. // Археологический институт провинции Цзянси. –2000. – 155 с.

⁷ Чэнь Дэчжи. Всеобщая история Китая [Текст] / Чэнь Дэчжи. – Шанхай: Шанхайское народное издательство, 1997. – Т.1. – 831 с.

⁸ Israeli, R. Islam in China [Text]: religion, ethnicity, culture and politics / R. Israeli. – Lexington Books Maryland, 2002. – 350 p.

⁹ Menzies G. 1421: The Year China Discovered America. – William Morrow Paperbacks, 2008. – 650 p.

¹⁰ Levathes, L. When China ruled the seas: the treasure fleet of the Dragon Throne, 1405-1433 [Text] / L. Levathes. – New York: Oxford, University Press, 1996. – 252 p.

¹¹ Kenneth, W. Morgan. Islam, the Straight Path: Islam Interpreted by Muslims [Text] / W. Kenneth // Chapter 9: Islamic Culture in China by Dawood C. M. Ting. – New York, 1958. – 453 p.

¹² Jonathan Neaman Lipman. Familiar strangers [Text]: a history of Muslims in Northwest China. – Honk Kong: Hong Kong University Press, 1998. – 266 p.

¹³ Jean-Paul Roux. Histoire de l'Iran et des Iraniens [Text]: Des origines à nos jours. – Fayard, 2006. – 528 p.

в военной сфере, морской торговле и экспедициях, их роли в распространении ислама, а также их достижения в астрономии, математике, медицине и других областях.

Эти исследования представляют ценный аналитический материал о миграционных процессах и социальных аспектах, связанных с присутствием таджиков и других мусульманских групп в Китае в XIII–XV веках. Они обогащают наше понимание о взаимодействии между этническими группами в историческом контексте и демонстрируют важность этого влияния на формирование культурного и социального облика Китая в указанный период.

Цель и задачи исследования. Целью данного исследования является всестороннее изучение роли и вклада таджиков в политическое, социальное, экономическое и культурное развитие Китая в период XIII–XV вв.

В связи с этим определены следующие задачи:

- Изучить миграцию таджиков в Китай в XIII–XV вв. и причины переселений, включая принудительные переселения из Великого Хорасана.
- Проанализировать политическую деятельность таджикских семей в Китае XIII–XV вв. и их участие в управлении государственными структурами.
- Рассмотреть участие и вклад таджиков, в экоэкономику Китая включая торговлю и ремесла.
- Выявить механизм влияния таджиков на социальные процессы, включая интеграцию в китайское общество и формирование общинных структур.
- Исследовать вклад таджикских ученых, писателей и интеллектуалов в развитие науки и образования в Китае.
- Оценить степень культурного обмена между таджиками и китайцами, в том числе передачу знаний, идей и технологий.
- Сделать комплексную оценку вклада таджиков в политическое, социальное и культурное развитие Китая в указанный период.

Источниковая база исследования. Источниковая база данного исследования формируется исходя из цели и задач диссертации, направленных

на всестороннее изучение роли и вклада таджиков в политическое, социальное, экономическое и культурное развитие Китая в XIII–XV вв. Для раскрытия поставленных задач использованы разнообразные источники, позволяющие проследить миграционные процессы, участие таджиков в государственной и хозяйственной деятельности, их интеграцию в китайское общество, а также вклад в науку, образование и культуру. Такой комплексный подход позволяет выявить взаимосвязь между миграцией, общественной деятельностью и культурно–научным влиянием таджиков.

В связи с этим диссертант подразделяет привлекаемые источники в хронологической последовательности:

1) Одним из ключевых источников, позволяющих понять исторические корни культурных и политических связей Великого Хорасана с Китаем, является труд китайского буддийского монаха Сюань–цзана (600–664 гг.) «Записки о Западных странах эпохи Великой Тан», «Да Тан си юй цзи» (大唐西域记)¹ созданный по итогам его путешествия в Индию через Бактрию, Согдиану, Самарканд и Фергану. В сочинении содержатся вольные сведениями о географии, этнографии, экономике и религиозной жизни стран Великого шёлкового пути. Текст составлен в 646 г. в Чанъане на 12 цзюаней, хранился при дворе Тан и в монастырских собраниях, затем был включён в буддийский канон «Дайцзандзин» (大藏经)². В XIX веке произведение было переведено на французский язык С. Жюльеном (1857–1858 гг.)³ и на английский С. Биллом (1884 г.)⁴ а русские переводы XX–XXI вв. основывались на китайских

¹ Сюань–цзан. Записки о Западных странах [эпохи] Великой Тан (Да Тан си юй цзи) / пер. с кит. Н.В. Александровой // Ин-т востоковедения РАН. – М.: Восточная литература, 2012. – 463 с.

² Буддийский канон «Дайцзандзин» (大藏经) - собрание буддийских текстов, включая сутры, комментарии и трактаты, составленное в Китае и используемое как основной канонический корпус для буддийской литературы. См.: T. Takakusu. A Record of the Buddhist Religion as Practised in India and the Malay Archipelago (A.D. 671–695). Oxford: Clarendon Press, 1896, [Такакусу, Т. Запись о буддийской религии, практикуемой в Индии и Малайском архипелаге (A.D. 671–695). – Оксфорд: Кларендон Пресс, 1896. – С. 304]; Zürcher, Erik. The Buddhist Conquest of China. Leiden: Brill, 2007. Цюрхер, Э. Буддийское завоевание Китая: распространение и адаптация буддизма в раннем средневековом Китае. – Лейден: Брил, 2007. – С. 472.

³ Julien, S. Mémoires sur les contrées occidentales [Text] / S. Julien. – Paris: L’Imprimerie impériale, 1858. – Vol. 1-2.

⁴ Beal, S. Si-Yu-Ki: Buddhist Records of the Western World, Translated from the Chinese of Hiuen [Text] / S. Beal. – Tsiang (A.D. 629) . – London, 1884. – Vol. 1-2. – 726 p.

канонических изданиях. Источник ценен тем, что фиксирует участие согдийцев и бактрийцев, предков современных таджиков, в передаче религиозных текстов, торговле, политических и культурных связях, оказавших влияние на развитие Китая.

2) Следующим важным источником исследования является труд государственного деятеля императорского рода (династии Сун), Чжао Жукуо (趙汝适, 1170–1231). Наиболее известное его произведение, «Чжу фань чжи» (諸蕃志, «Описание всего иноземного», 1225)¹, в котором представлены сведения о географии, этнографии, морской торговле, организации портов и фанфанов (иностранных кварталов), а также о роли центральноазиатских купцов в торговых и культурных связях. Текст сохранился благодаря переписыванию в императорских библиотеках и использованию в официальных исторических сводах (Сун ши, Вэньсянь тункао). В 1911 году он был переведён на английский Ф. Хиртом и В. Рокхиллом под названием Chau Ju-kua: His Work on the Chinese and Arab Trade in the Twelfth and Thirteenth Centuries² [Чжао Жукуо. Его работа о развитии китайско–арабской торговли в XII–XIII веках под названием «Чжу фань чжи»]. Источник ценен для исследования, поскольку фиксирует участие согдийцев и бактрийцев в торговле и культурном обмене с Китаем.

3) Другим важным источником является многотомное сочинение Ибн ал–Асира (1160–1234) «аль–Камиль фи–т–тарих» («Полный свод истории») представляющее собой универсальную хронику, в которой последовательно отражены политические события, общественные процессы и культурные явления различных эпох. Этот труд было издан европейским востоковедом К. Дж. Торнбергом в 14 томах (1851–1876)³, а позднее получил несколько

¹ Чжао Жуга. Чжу фань чжи. Описания иноземных стран [Текст]: Важнейший историко-географический источник китайского средневековья / Чжао Жуга. // исслед., пер. с китайского, comment. и прил. М.Ю. Ульянова. – М., 2018. – 407 с.

² Hirth F., Rockhill W. Chau Ju-kua: His Work on the Chinese and Arab Trade in the Twelfth and Thirteenth Centuries [Text] / F.Hirth., W. Rockhill. – St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1912. – 288 p.

³ Ибн ал-Асир. Ал-Камил фит-та'рих [Текст] / Ибн ал-Асир. – Подготовил к изданию Торнберг 1851-1876. – Т. 1-XIV,

арабских изданий: в Каире (9 томов, 1929–1940; 12 томов, 1982–1983)¹ и в Бейруте (9 томов, 1980)². Значительная часть трудов Ибн аль-Асира, посвящённая монгольским завоеваниям, была переведена на русский язык В. Г. Тизенгаузеном³. Произведения Ибн аль-Асира является важным источником для изучения социально–политических процессов и трансформаций в Центральной Азии IX–XIII вв.

4) Следующий источник представляет собой труд персидского историка Ата–Малика Джувейни (1226–1283) «Тарих–и джахангушай» («История мирозавоевателя»), написанный в середине XIII в. Джувейни занимал различные должности при монгольских ханах и имел возможность пользоваться официальными документами. Его рукописный труд сохранился и был впервые опубликован в Лондоне в 1916 году в английском переводе второй части под редакцией Мирзы Мухаммада ибн Абдуль–Ваххаба аль–Казвини (соавтор, Суман Мишра)⁴. Источник ценен сведениями о переселении таджиков и хорезмийцев в Китай и их роли в административной и хозяйственной системе династии Юань.

5) Особое место занимает «Книга о разнообразии мира» Марко Поло (1254–1324)⁵, записанная около 1298 г. на основе его рассказов в Генуе. Текст дошёл в десятках рукописных версиях на латинском, итальянском и французском языках. Одной из наиболее авторитетных публикаций является издание Г. Йуля и Г. Кордье (Лондон, 1903)⁶. Произведение важно тем, что фиксирует присутствие иранских и центральноазиатских общин в Китае и их роль в торгово–ремесленной деятельности.

6) Рашидаддин Фазлуллах (1247–1318), персидский историк, врач, учёный–энциклопедист визирь государства Ильханов, автор книги «Джами ат–

¹ Ибн ал-Асир. Ал-Камил фит-та'рих [Текст] / Под ред. Абд ал-Ваххаба ан-Наджара. – Каир, 1929-1940. – Т. 1-1X. –

² Ибн ал-Асир. Ал-Камил фит-та'рих [Текст] / Ибн ал-Асир. – Бейрут, 1980. – Т. 1-1X.

³ Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды [Текст]. – СПб., 1884. – Т. 1.

⁴ Mirza Muhammad Ibn Abdul Wahhab-e-Qazwini. The Tarikh-e-Jahan Gusha of Alauddin Ata Malik-e-Juwayni [Text] // Part 002. - London: Unknown Publisher, 1916. – 395 p.

⁵ Марко Поло. Книга о разнообразии мира. [Текст] / Марко Поло. – Пер: И. Минаева. – Москва, 2005. – 478 с.

⁶ Yule H., Cordier H. The Travels of Marco Polo [Text] / H. Yule., H. Cordier. – London, 1903. – P. 567

таварих» («Сборник летописей»)¹. Труд был создан в начале XIV в. и задумывался как универсальная всемирная история. В этом труде представлены сведения о народах Центральной Азии, их миграциях и участии в управлении монгольской империей. Источник ценен для изучения политической и экономической деятельности таджиков, а также их интеграции в административные структуры Китая XIII–XIV вв.

7) Немаловажным является «Путешествие Ибн Баттуты» (1330–1349 гг.), труд марокканского путешественника и юриста Ибн Баттуты (1304–1369)², который подробно описывает его путешествие по Центральной и Южной Азии, Индии и Юго–Восточной Азии, включая посещение ключевых торговых центров Средней Азии, Ургенча, Самарканда и Бухары. Произведение ценно для изучения участия таджиков в торгово–экономических и культурных связях с Китаем, фиксируя их присутствие в ключевых торговых маршрутах и городах вдоль Великого шёлкового пути.

8) Из китайских хроник следует выделить «Юань–ши» (元史, «История династии Юань»), составленная в 1369 г. по указу первого императора Мин. Она насчитывает 210 цзюаней (томов) и входит в официальный канон 24 официальных династийных историй Китая. Издавалась многократно, в том числе в серии «Чжунхуа шуцзюй» (Пекин, 1976)³. Текст выдержан в четырех классических частях: 1. «Бэньцзи» (本紀), анналы императоров Юань; 2. «Бяо» (表), генеалогические и хронологические таблицы; 3. «Чжи» (志), монографии по различным аспектам (традиции, экономика, науки и др.); 4. «Лечжуань» (列傳), биографии значимых лиц эпохи Юань. Источник содержит сведения о структуре власти, государственных должностях, миграции и этническом составе населения Китая, включая информацию о вкладе и влияние таджикских семей и их роли в политической и экономической сферах.

¹ رشیدالدین فضل الله همدانی. جامع التواریخ. – تهران، ۱۳۷۳. – ج-۲. – ص. ۲۹۷۷

² ابن بطوطة. رحلته ابن بطوطة. – ج-۲. – ص. ۲۲۱۹

³ 宋濂 编. 《元史》 (Юань–ши [Текст]: История династии Юань). – 北京: 中华书局, 1976. – 210 卷.

9) Завершает хронологический ряд «Мин ши» (明史, «История династии Мин»)¹, официальная династийная хроника, отражающая события XIV–XV вв. Главным редактором работы выступил историк Чэнь Чжэнь (陈震), а подготовка текста велась при династии Цин в период с 1645 по 1657 гг. Хроника, состоящая из 332 цзюаней, основана на «Мин шилу», официальных летописях минских императоров. По традиции династийных хроник её структура включает правительственные записи, монографии, биографии и дискуссии. Источник представляет ценность для изучения интеграции таджиков в китайское общество, их участия в торговле и ремёслах, а также их вклада в культурно–научное развитие страны.

Предметом исследования являются исторические сведения, отражающие влияние таджиков на политическую, социально–экономическую и культурную жизнь Китая в XIII–XV вв. Особое внимание уделяется их участию в развитии государственных институтов, хозяйственной жизни, религиозных и культурно–научных практик, а также роли таджикских общин в межкультурных взаимодействиях периода династий Юань и Мин.

Объект исследования представляет собой политические, социально–экономические и культурные взаимодействия между Китаем и регионами Великого Хорасана в XIII–XV веках.

Хронологические рамки исследования охватывают период XIII–XV вв. Нижняя граница определяется событиями начала XIII в., когда в результате монгольских завоеваний были установлены новые политические и культурные контакты между Китаем и народами Великого Хорасана. Верхняя граница обусловлена концом XV в., когда в Китае окончательно утвердились власть династии Мин, а процессы межкультурного взаимодействия приобрели иные формы, что знаменовало завершение рассматриваемого этапа культурного влияния народов Великого Хорасана. Этот временной интервал позволяет

¹ 陈震 编. 《明史》 (Мин ши [Текст]: История династии Мин). –北京: 中华书局, 1974. – 332 卷.

выявить динамику и особенности взаимодействия между таджиками и китайским обществом.

Географические границы исследования охватывают территорию Китая и регионы Центральной Азии, включая Великий Хорасан. Особое внимание уделяется ключевым политическим и культурным центрам, через которые проходили миграционные потоки таджиков, а также городам и поселениям, где происходило их участие в управлении, торговле, строительстве и культурно-научной деятельности в XIII–XV веках.

Методология исследования. Для проведения исследования применялся комплекс исторических методов анализа и интерпретации источников, включая археологические данные, письменные тексты и работы современных ученых. Археологические находки предоставляют сведения о материальной культуре и образе жизни таджиков в Китае, а письменные источники позволяют реконструировать политическую и социальную ситуацию того времени. Современные исследования также предоставляют новые аналитические подходы и интерпретации, что способствует более глубокому пониманию темы. Кроме того, использовались методы сбора и систематизации данных, включая сравнительный анализ, что позволило выявить влияние таджиков на политическую, социально-экономическую и культурную жизнь Китая в XIII–XV веках.

Научная новизна данного исследования заключается в комплексном изучении роли и вклада таджиков в политическое, социально-экономическое и культурное развитие Китая XIII–XV веков на основе системного анализа исторических источников, археологических данных и современных научных исследований. Работа восполняет существующий пробел в изучении малоизученных аспектов взаимодействия таджиков с китайским обществом и выявляет новые исторические факты и взаимосвязи. Научная новизна проявляется также в том, что впервые:

- выявлены масштабы и причины миграции таджикских групп в Китай, а также случаи переселения из Великого Хорасана, носившие вынужденный характер;
- раскрыта политическая деятельность таджикских семей и их участие в управлении государственными структурами Китая;
- проанализировано экономическое участие таджиков, включая торговлю, ремёсла и хозяйственную деятельность;
- определено влияние таджиков на социальные процессы и культурную жизнь Китая, включая интеграцию в общество и деятельность выдающихся личностей в науке и образовании;
- проведён анализ межкультурного взаимодействия таджиков и китайцев, включая передачу знаний, идей и технологий;
- выполнена комплексная оценка вклада таджиков в политическое, социальное и культурное развитие Китая XIII–XV веков.

Практическая значимость исследования. Результаты диссертации могут быть использованы для углубленного изучения истории Центральной Азии и Китая в XIII–XV веках, а также для разработки образовательных и просветительских программ по истории таджикских общин и их влияния на китайскую цивилизацию. Материалы исследования способствуют расширению учебных курсов по средневековой истории Китая и Великого Шелкового пути, интеграции исторических данных в музейные экспозиции и культурно–исторические проекты.

Кроме того, выявленные механизмы миграции, межкультурного взаимодействия и интеграции таджиков могут быть использованы в современных исследованиях международных отношений и культурного обмена, а также при подготовке публикаций и научно–популярных материалов, направленных на укрепление понимания исторических связей между Центральной Азией и Китаем.

Таким образом, диссертация расширяет академические знания о роли таджиков в истории Китая и создаёт практический инструмент для анализа

исторических предпосылок современных межкультурных и международных процессов.

Основные положения, выносимые на защиту:

- в XIII–XV веках таджики оказывали заметное влияние на политическую, социально–экономическую и культурную жизнь Китая, участвуя в формировании государственных институтов, хозяйственных структур, науки, образования, архитектуры и религиозных практик;
- миграция таджиков из Великого Хорасана способствовала интеграции культурных и религиозных традиций в китайское общество, создавая условия для межкультурного взаимодействия в период династий Юань и Мин;
- таджикские семьи и общины играли важную роль в управлении государственными структурами, развитии торговли и ремесел, а также в становлении образовательных и научных центров, что подтверждается анализом исторических источников;
- вклад таджикских ученых, писателей и интеллектуалов способствовал распространению знаний, технологий и культурных практик между Великим Хорасаном и Китаем;
- систематический анализ источников из Великого Хорасана, Ирана и Китая позволяет реконструировать политические, социально–экономические и культурные контакты таджиков с китайским обществом, выявляя новые аспекты исторического взаимодействия;
- исследование выявляет значимость таджиков как важного элемента формирования многонационального и культурно разнообразного пространства Китая в XIII–XV веках, что расширяет понимание исторического опыта межэтнического и межкультурного взаимодействия.

Апробация исследования. Ключевые выводы диссертационной работы были обсуждены и апробированы в рамках Недели науки (18.04.2025) на семинаре «Исследование истории таджикского народа глазами сотрудников Института», а также в ходе внутренних научных дискуссий, проводившихся в 2025 году на базе Института с участием историков и специалистов по

Центральной Азии. Это способствовало уточнению отдельных аспектов исследования, проверке достоверности источниковой базы и формированию целостного представления о роли таджиков в политической, социально-экономической и культурной жизни Китая в XIII–XV веках.

Основные положения диссертации отражены в семи публикациях автора, в том числе в пяти статьях, опубликованных в ведущих рецензируемых научных журналах, включённых в перечень ВАК РФ. Работа была обсуждена и получила положительную оценку на заседании отдела древней, средневековой и новой истории Института истории, археологии и этнографии имени А. Дониша Национальной академии наук Таджикистана (выписка из протокола № 9 заседания Отдела древней, средневековой и новой истории от 18 ноября 2025 г., г. Душанбе).

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, двух глав, включающих восемь разделов, заключения, а также списка источников и научной литературы.

ГЛАВА I. МИГРАЦИЯ ТАДЖИКОВ В КИТАЙ

1.1 Основные факторы миграции таджиков в Китай до начала XIII века

Взаимоотношения между таджикскими и китайскими народами уходят своими корнями в далекие исторические периоды. История миграции таджиков на территорию современного Китая тесно связана с экономическими, культурными и политическими процессами, которые развивались вдоль Великого Шелкового пути, одного из ключевых торговых и культурных маршрутов Евразии.

Для того чтобы определить исторические аспекты миграции таджикского народа в Китае, необходимо обратиться к началу I тыс. до н.э. Именно в этот период формировалась первая волна миграции таджиков, главным образом обусловленная их активной торговой деятельностью на Великом Шелковом пути.

Особое место в этой истории занимают согдийцы, предки современных таджиков, которые на протяжении нескольких столетий активно участвовали в трансазиатской торговле. Согдийские купцы и ремесленники, используя сеть караванных путей, связывавших Китай с Центральной Азией и Ближним Востоком, не только перемещались через территорию Китая, но и закреплялись в отдельных регионах, создавая устойчивые торговые и культурные общины. Эта постоянная экономическая и культурная активность способствовала тому, что персоязычное население постепенно оседало в китайских регионах, особенно в западных и северо-западных территориях, включая районы нынешнего Синьцзяна и провинции Ганьсу¹.

Наиболее наглядным подтверждением тесных торговых связей между таджикскими (согдийскими) общинами и Китаем служат сохранившиеся документы согдийцев. В работах А. А. Фреймана², В. А. Лившица³, а также М.

¹ Кадырбаев, А. Ш. Иранские народы в Китае история и современность / А. Ш. Кадырбаев // Иран-наме. – Алматы. – 2007. – № 2. – С.100

² Фрейман, А. А. Согдийские документы с горы Муг [Текст]: Описание, публикации и исследование документов с горы Муг / А. А. Фрейман. – Москва: Издательство восточной литературы, 1962. – Вып. I. – С. 92.

³ Лившиц, В. А. Согдийские документы с горы Муг [Текст]: Юридические документы и письма / В. А. Лившиц. – Москва: Издательство восточной литературы, 1962. – Вып. II. – С. 220.

Н. Боголюбова и О. И. Смирновой¹ подробно анализируются древнейшие согдийские тексты, датируемые II веком н. э., а также найденные документы VIII в. на горе Муг в современном Таджикистане, и показывают высокий уровень организации торговли согдийцев и их культурных связей с Китаем².

В 1969 году японские специалисты расшифровали согдийский договор о продаже рабов, найденный на кладбище Астана в Турфане. Основываясь на достижениях японских специалистов, профессор Линь Мэйцун в 1992 г. опубликовал статью "Согдийские договоры купли-продажи рабов и работорговля на Шелковом пути". По его мнению, уже в конце I в. из западных регионов в Китай стали завозить иностранных рабынь, а уже при династии Восточная Хань согдийские купцы ездили из городов Чанъянь и Лоян в северо-западный город Сучжоу (ныне провинция Ганьсу), чтобы продать иностранных рабынь ханьской знати и трактирам в Лояне. Линь Мэйцун также считает, что, согласно тексту договора, монахи, выступавшие в роли покупателей рабынь, были не ханьцами, а согдийцами по фамилии Ши, постоянно проживавшими в Гаочане³.

Среди согдийских рукописей, обнаруженных вблизи Дуньхуана в начале XX века, особое внимание исследователей привлекли фрагменты так называемых «Старых согдийских писем». Одно из них, письмо купца Нанайвандака, адресованное его начальнику Варзаку в Самарканде, содержит редкое свидетельство политической катастрофы в Китае начала IV века. В этом послании сообщается о бегстве китайского императора из столицы Лоян (в согдийском тексте – Сарага) в условиях голода и массовых беспорядков, а также о разрушении ключевых городов империи, таких как Кайюань (Нгапа) и Чанъянь (Хумдан). Автор письма с тревогой пишет: «Император, как говорят, от голода бежал из Сараги, и его дворцы и крепости охвачены огнём... Сараги

¹ Боголюбов М. Н., Смирнова О. И. Согдийские документы с горы Муг [Текст]: Хозяйственные документы / М. Н. Боголюбов., О. И. Смирнова. – Москва: Наука, 1963. – Вып. III. – С. 128.

² Фрейман, А. А. Согдийские документы с горы Муг [Текст]: Описание, публикации и исследование документов с горы Муг / А. А. Фрейман. – Москва: Издательство восточной литературы, 1962. – Вып. I. – С. 38-41.

³ Ло Цзяян. Великий шелковый путь [Текст]: историко-культурный обзор //Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Санкт-Петербургский государственный университет. – Санкт-Петербург. – 2018. – С.85.

больше нет! Нгапа исчезла! А они разграбили Хумдан, страну до самой Ниним и за пределами Нгапы – племена сюну, которые ещё вчера были подвластны императору»¹.

Тон письма проникнут искренней скорбью, характерной для купца, чьи торговые интересы рушатся на глазах. Документ не только отражает масштабные последствия падения династии Западная Цзинь, но и свидетельствует о высокой степени осведомлённости согдийских торговых общин, находившихся далеко от Китая, о географии и политической обстановке в стране.

Это активное участие согдийцев в межрегиональной торговле стало основанием для их многочисленного присутствия в Танской империи (618–907 гг.). Как отмечает А. К. Камалов, среди всех ираноязычных народов именно согдийцы стали крупнейшей и наиболее влиятельной диаспорой в Китае того периода. Их многочисленные переселения были вызваны как экономическими интересами, так и политическими обстоятельствами в степных регионах Центральной Азии. Согдийцы играли ключевую роль в функционировании внутреннего и внешнего рынка Китая, занимая позиции купцов, переводчиков, а также командиров военных гарнизонов. Некоторые из них, как, например, Ань Лушань, достигали высоких постов в армии и администрации, что свидетельствует о глубокой инкорпорации согдийской элиты в структуру имперской власти. Таким образом, таджики стали не просто крупнейшей ираноязычной общиной Китая, но и одной из ключевых трансмиссионных групп между культурами Ирана, Средней Азии и Танского Китая. Их вклад был настолько значим, что в ряде регионов (например, в Ордосе) были учреждены специальные административные единицы – шесть округов ху, населённые преимущественно согдийцами².

Таджики в Танской империи рассматривались как внутренние иноземцы (неканьцы). При этом они не были маргинализованной группой: напротив,

¹ Sims-Williams, Nicholas; Hamilton, A. The Sogdian Ancient Letters [Text]. – London: The British Library, 2000, – pp. 45-63

² Камалов, А. К. Тюрки и иранцы в Танской империи [Текст] / А. К. Камалов. – Алматы, 2017. – 289 с.

занимали заметные позиции в ключевых сферах – торговле, военном деле и даже политике.

Изначально таджики активно участвовали в караванной торговле по Шёлковому пути, выступая посредниками между Центральной Азией и китайскими рынками. Их знание языков, дипломатический опыт и культурная гибкость делали их ценными фигурами в трансграничном обмене. Они обслуживали не только купеческие миссии, но и дипломатические делегации, а также исполняли обязанности переводчиков и чиновников в приграничных регионах. Наряду с экономической деятельностью, таджики привлекались и к военной службе, особенно в период активной экспансии Танской империи в Западный край (Сиюй) и на северо-запад. Некоторые представители таджикской элиты получали военные и административные назначения, в ряде случаев – в приграничные губернаторства, что, однако, порождало и внутренние напряжения между этническими группами и центральной властью. В целом, V–VII века стали периодом подъема таджикской колонизации, однако во второй половине VIII века, в период правления династии Тан, в результате ряда политических событий таджики утратили свои позиции. Одним из факторов этого стала вспышка восстания, возглавленного представителем одной из таджикских семей – Ань Лушанем (Рухшоном) в 755–763 годах.

Ань Лушань (安祿山), (р. ок. 703 ум.757) – генерал танской армии, происходивший из среды таджикской знати. Его мать Ашида (阿史德氏), была таджичкой согдийского происхождения. О происхождении его отца существуют разные мнения: Некоторые источники называют отца Канг «康», что указывает на возможную родословную из Кан-гуо (康国) – Бухары¹. Сам он

¹ В альтернативной версии, рассматриваемой китайскими историками, особенно по текстам Танской хроники и «Ань Лушаньские дела» (《安祿山事迹》), утверждается, что его отец был представителем Ан-гуо (安国) - исторически обозначавшего область вокруг Бухары. В этом случае формирование фамилии «Ань» происходит от Ан-гуо, что отражает союзную или семейную связь с этими регионами.

Сохранившиеся китайские записи подчёркивают, что «Ань» в его фамилии - не просто случайный клан, а указание на связь с регионом Ан-гуо, то есть с исторической Бухарой. Таким образом, наиболее вероятно, что его отец действительно происходил из Бухары - что объясняет происхождение фамилии Ань и тесную связь с центральноазиатскими элитами. Это указывает на глубокое и многоэтническое происхождение Ань Лушаня - мать согдийского, а отец таджикско-бухарского происхождения.

вырос в многоэтничной среде, владел китайским и персидскими языками, и сумел добиться выдающейся карьеры. В 755 г. Ань Лушань поднял одно из крупнейших восстаний в истории Китая, стремясь свергнуть Танскую династию и создать собственное государство династию Ян (новая империя). Ему удалось захватить восточную столицу Лоян и провозгласить себя императором. Среди ближайших сподвижников Ань Лушаня были также выходцы из согдийских родов, что свидетельствует о заметной роли согдийской диаспоры в политике и военном деле Китая того времени.

«Восстание, которое подняли “четыре согдийца”, как были названы учеными Ань Лушань и его преемники, стало крупнейшим событием, вызванным танской политикой в отношении “внутренних” иноземцев». В китайских письменных источниках указывается, что главари восстания были из согдийских родов: это Ань Лушань, его сын Ань Синсюй, преемник Ань Лушаня – Ши Симин, а также Кан А из Кюл–Таркана. В конце 755 года Ань Лушань повел свои войска на столицу Чанъань. Придворные схватили и казнили его сына, который находился в столице. Всего за месяц мятежники захватили восточную столицу Лоян, и Ань Лушань провозгласил себя первым императором новой династии Ян. Из–за ухудшения болезни, грозившей ему полной слепотой, Ань Лушань не покинул Лоян. «30 января 757 года его подчиненные – советник Ян Чжуан и евнух Ли Чжуэр – вошли в шатер командующего и убили его»¹. Мятежники некоторое время скрывали смерть Ань Лушаня. Однако затем, чтобы сохранить единство восставших, его сын Ань Синсюй был объявлен преемником, принял командование армией мятежников и провозгласил себя императором².

Восстание под предводительством Ань Лушаня считается одним из крупнейших конфликтов в истории Китая в раннем Средневековье. Оно происходило и продолжалось при правлении трёх императоров династии Тан. Последствия восстания были катастрофическими – колоссальные человеческие

¹ Гумилёв, Л. Древние тюрки [Текст]: История образования и расцвета Великого тюркского каганата (VI–VIII вв. н.э.) / Л. Гумилёв. – М, 2003. – С.251

² Там же. – С.252

и материальные потери. По некоторым данным, погибла треть населения страны: почти все провинции были разорены, а само восстание, согласно переписи населения Китая VIII века, унесло жизни 36 миллионов человек, что составляло шестую часть населения Земли того времени. Таким образом, восстание Ань Лушаня считается самым кровопролитным событием в истории человечества до начала Второй мировой войны (1939–1945 гг.).

С усилением императорской власти в период Тан и переходом восточного участка Шелкового пути под контроль династии Тан, согдийцы были отстранены от торговых источников и крупных доходов. В 754 году произошли природные катастрофы, начался голод, и народ впал в нищету. В этот год бедности население страдало от алчности чиновников и необоснованного увеличения налогов – это стало одной из главных причин восстания Ань Лушаня. Восстание получило поддержку различных социальных слоев, в том числе и согдийцев: одни непосредственно участвовали в мятеже, другие оказывали материальную и моральную помощь, согдийские купцы обеспечивали передачу необходимой информации и выполняли другие поручения. В конце своей деятельности Ань Лушань пытался подчинить себе власть империи Тан, создать собственное государство и обеспечить благоприятные условия для согдийцев в Китае¹.

Поражение восстания стало тяжелым ударом по положению согдийцев и согдийской диаспоры в Китае. Все согдийцы, независимо от степени их участия в мятеже, подверглись давлению и преследованиям. Из страха перед репрессиями многие скрывали свое происхождение, меняли имена и фамилии. Согдийцы утратили свои позиции в торговле на Шелковом пути.

Тем временем, несмотря на преследования, некоторые согдийцы сумели сохранить свое присутствие, укоренившись в торговом бизнесе. Они отступили от публичной роли, сосредоточившись на морской торговле и перенаправив активность в безопасные порты Цюаньчжоу, Янчжоу, частично в Гуанчжоу.

¹ Рахимов Н.Т. Согдийцы в Танской империи [Текст]: восстание Ань Лушаня //Ученые записки Худжандского государственного Университета им. академика Б. Гафурова / Н.Т. Рахимов. –Худжанд. – 2020. – №1. – С.218.

Особое место среди них заняли купцы, которые восстановились в этих узловых точках торговли и обеспечили возрождение международных маршрутов. Так, уже в конце VIII – начале IX вв. подъём торговли с Западом позволил персидским и согдийским купцам вновь укрепить свои позиции. Они успешно интегрировались в местные экономические нутра, но уже более осторожно, слиты с китайским обществом и менее заметны как отдельная этническая группа¹.

Исследователи отмечают, что в 1980 году во время археологических раскопок в деревне Нан–Цзяо (в районе Нинся–Хуэй) на территории современного Китая, были обнаружены захоронения, принадлежащие семейству Ши. Был составлен список из 21 родственника (согдийцев) из города Кеш (г. Шахрисабз), относящегося к родам Кан (Самарканд) и Ань (Бухара). Этот факт подтвержден одним из самых престижных научных журналов мира «Acta Asiatica» (Акта Азиатика), издаваемым Институтом восточной культуры в Японии². Основываясь на этом факте, Аракава Масахуру в своем исследовании «Согдийцы и королевское семейство Сиой в государстве Гаочань» пришел к выводу, что в списке государственных служащих в Турфане встречаются имена нескольких лиц с фамилией Ши, что также свидетельствует о влиянии персоязычных представителей на государственные дела в тот период³.

В древнекитайских текстах согдийцы встречается чаще всего под именем «Девять фамилий Чжао–у» (昭武九姓, zhāowǔjǐxìng) или «иноzemцы девяти фамилий» (九姓胡, jiǔxìnghú), нечистокровные иноземцы (杂种胡, zázhǒnghú), иноземцы Сутэ (粟特胡, sùtèhú). В лингвистическом отношении они говорят на одном из языков восточной подгруппы иранской ветви индоевропейской семьи, а письменность согдийского языка восходит к

¹ Raphael Israeli. Islam in China [Text]: religion, ethnicity, culture and politics. – Lexington Books Maryland, 2002. – pp. 40-60.

² Камалов, А. Проблемы истории и культуры согдийцев и тюрок Центральной Азии и Китая в трудах японских исследователей [Текст] / А. Камалов // Ираннаме. – Алматы. – 2008. – №1. – С.60.

³ Низомиддин, М. Согдийцы и китайская цивилизация. [Текст] / М. Низомиддин // Таджикский государственный Университет права, бизнеса и политики. – Худжанд. – 2014. – №1. – С.78-85;

арамейской письменности¹. Согласно древним западным источникам, родные края согдийцев были расположены по Зеравшану между Амударьей и Сырдарьей, кроме того на согдийских землях было много больших и малых оазисов и существовали различные города-государства, в том числе крупнейший был дом Кан (康国) чаще всего представляющий все рода. Помимо него существовали большой дом Ань (安国) в Бухаре, дом Восточный Дунцоа (东曹国) в Уструшане, дом Цао (曹国) в Кабудане, дом Западный Си (西曹国) в Иштихане, дом Ми (米国) в Маймурге, дом Хэ (何国) в Кушании, дом Ши (史国) в Кеше и дом Ши (石国) в Чаче. Несмотря на то, что демаркационная линия этих владений чаще всего была неустойчива и изменялась в разный период истории а нередко и вовсе делились между десятью и более правителями, но все же в древнекитайских источниках они фиксируются под единым названием «девять фамилий Чжао»—у. Однако за всю свою долгую историю согдийцы так и не создали своего единого государства, долгое время находились под властью одной державы и подвергались постоянным нападениям со стороны других держав, но сумели сохранить свой правящий род, выработать стойкость и хорошую приспособляемость и стать одной из великих торговых держав на Шелковом пути в средние века².

Таджикские поселения распространялись по территории Забайкалья, Амура и Приморья. Они имели множество общин в столицах Чанъани и Лояне, а также в степях Монголии и юге Маньчжурии. В Лояне в VI в. проживало 10 тыс. иностранцев, тогда как всего в городе насчитывалось 109 тыс. дворов. Подавляющее большинство иностранных купцов были таджиками. Известно, что в 717 г. при перестройке города Инчжоу на северо-восточных границах империи Тан для торговых людей из Согда были отведены специальные кварталы. В хрониках Сыма Гуана 787 г. сообщается, что все уроженцы «Сиой» – «Западных областей», включая согдийцев и другие иранские народы,

¹ Жун Синьцзян. Чжунгу чжунго юй сутэ вэньмин («Средневековый Китай и культура Согда»). – Пекин, 2014.

² Ло Цзяян. Великий шелковый путь [Текст]: историко-культурный обзор / Ло Цзяян //Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Санкт-Петербургский государственный университет. – Санкт-Петербург. – 2018. – С.85

долго жившие в Китае, имели китайских жён¹. Северо-западные территории китайской империи времён Лянчжоу отличались поразительным этнокультурным разнообразием и выступали в роли настоящего «плавильного котла» народов. Так, в городе Увэе из семи кварталов пять были населены выходцами из других стран. Среди них особое место занимали представители Согда и Персии, чьё влияние ощущалось не только на улицах, но и на рынках, где расчёты нередко велись драхмами – валютой Сасанидского Ирана. Приезжие из «страны Кан» (так китайцы называли Согд) вовсе не являлись временными гостями – напротив, их численность и экономическая мощь позволяли им активно участвовать в политической жизни Китая. Известны случаи, когда купеческие династии из региона Коканд выдвигали своих представителей на важнейшие посты при северокитайских дворах: такие фигуры, как Кан Сюань или Хэ Шикай, становились всесильными советниками и символами своего времени. Существенная численность таджикоязычного населения и их устойчивая экономическая позиция способствовали формированию данной общины как значимого фактора в политической жизни Китая².

Представители иранских и центральноазиатских народов, имевшие прочные позиции в международной торговле, специализировались преимущественно на реализации предметов роскоши: украшений, редких металлов, изысканной посуды и породистых лошадей. Восприятие этих купцов в среде китайского населения отражает характеристика, приведённая в летописи времён Тан: «Когда в стране Кан рождается младенец, ему кладут в рот сладость, а ладони смазывают kleem, желая, чтобы, став взрослым, он говорил приятные речи и деньги “прилипали” к его рукам»³. Китайцы отмечали их склонность к торговле, стремление к прибыли и готовность отправлять

¹ Крюков М.В., Малявин В.В., Софонов М.В. Китайский этнос на пороге средних веков [Текст] / М.В.Крюков., В.В.Малявин., М.В. Софонов. – М., 1979. – С.198-215.

² Кадырбаев, А. Ш. Иранские народы в Китае [Текст]: история и современность // Иран-наме. – Алматы. – 2007. – № 2. – С.100

³ Шефер, Э. Х. Золотые персики Самарканда [Текст]: Книга о чужеземных диковинах в империи Тан / Э. Х. Шефер; пер. с англ. И. Л. Ежова. – М.: Наука, 1981. – С.33-35.

молодых людей за границу уже с двадцатилетнего возраста. Многие из них достигали Китая, где всегда находили возможность для заработка.

Иакинф Бичурин в «Собрании сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена», отмечает, что Бухара и Самарканд входили в состав обширной страны Согд, которая отличалась высоким уровнем урбанизации и развития торговли¹. По сведениям китайских хроник, которые анализирует Бичурин, в эпоху Тан (618–907 гг.) именно купцы из Бухары и Самарканда вели активные караванные перевозки товаров, таких как шёлк, пряности, драгоценности и лошади, между Китаем и западными странами².

Бухара, по данным Бичурина, славилась как центр текстильного производства и обработки шёлка, что делало её важным поставщиком товаров для китайского рынка³. В свою очередь, Самарканд играл роль ключевого торгового и культурного центра: оттуда в Китай поступали не только товары, но и культурные элементы, религиозные идеи, ремесленные технологии и астрономические знания⁴.

В истории Китая нередко происходила смена династий. Во времена династии Сун (XI–XII) к власти пришёл император Чжао Сюй, при котором таджики заняли большинство ключевых постов в сфере торговли, включая руководящие должности и позиции в Министерстве торговли. Все торговые операции также находились под их контролем. Если обратиться к истокам, можно увидеть, что в Китае изначально не возникало серьёзных конфликтов с таджиками, многие императоры относились к ним благожелательно. Особенно важным моментом в истории таджикского народа в Китае стало правление императора Шэнь–цзуна из Северной Сун (1067–1085 гг.), при котором произошёл один из значимых эпизодов связанный с их деятельностью в стране.

В 1070 году, стремясь укрепить северо–восточные границы против киданьской династии Ляо, император Шэнь–цзун династии Северная Сун

¹ Бичурин, И. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена [Текст] / И. Я. Бичурин. – М.: 1950. – Часть I. – 469 с.

² Там же. – С.51.

³ Там же. – С. 52

⁴ Там же. – С. 53.

принял решение пригласить значительное количество таджикских воинов и их семьи из частей Великого Хорасана¹. Первые переселенцы, приглашённые по инициативе императора, составляли около 5 300 человек и прибыли из Бухары, которая в то время являлась одним из крупнейших культурных и политических центров региона². Им была отведена территория между Кайфэном и Яньцзином (современным Пекином). Этот шаг был частью масштабной военной стратегии: создать живой «демографический буфер» между Сун и Ляо, укрепить как военное, так и экономическое присутствие в регионах, ослабленных войной. Причина по которой он хотел поселить таджикских воинов в Пекине заключалась в том, что император считал их благородными воинами, в отличие от китайских воинов того времени. Из-за частой смены династий в Китае не все подданные были верны императору, власти того времени признавали благородство и преданность мусульман (таджиков)³.

В 1080 году состоялась вторая, более масштабная волна переселения: на китайскую территорию прибыли ещё около 10 000 таджиков, включая женщин и детей. Эта волна носила более оседлый характер. Переселенцы были размещены в таких провинциях, как Хэнань, Шаньдун, Аньхой, Хубэй, Шаньси и Шэньси. Главой обоих переселений был эмир из Бухары, известный в китайских хрониках как Су Фэй-эр⁴ (索菲尔) или Амир Саид Бухари. Он был официально принят императорским двором, получил княжеский титул и стал важной фигурой в истории китайского ислама. Согласно традиции, именно ему приписывается переименование ислама в Китае с термина «закон арабов» (大食

¹ Финг Цинь Юань. Исламская и иранская культура в Китае [Текст]: Персидский перевод Мохаммада Джавада Умединория / Финг Цинь Юань. – Тегеран, 1998 – С.85-112.

² Raphael Israeli. Islam in China [Text]: religion, ethnicity, culture and politics / Israeli. Raphael. – Lexington Books Maryland, 2002. – P. 284-291.

³ Jonathan Neaman Lipman. Familiar strangers [Text]: a history of Muslims in Northwest China / Hong Kong University Press. – Honk Kong, 1998. – С.35.

⁴ Су фэй-эр был Бухарским эмиром, который был приглашен в Китай императором династии Сун и получил титул принца от китайского императора. Он сыграл решающую роль в формировании мусульманского народа Хуэй в Китае и дал исламской религии ее нынешнее название на китайском языке. Су фэй-эр, его звали на китайском языке, So-fei-er. Было высказано предположение, что его имя на языке оригинала было Суфаир или Зубайр. По мнению М.Т. Хоутсма в «Первой исламской энциклопедии» ...Фа-Сян утверждает, что Амир Саид (Суфэйра) является предком Сайд Аджал Шамсиддин Умара однако некоторые скептически отнеслись к этому заявлению и считают, что это подделка, чтобы скрыть прибытие Сайда Аджала в Китай с монголами.

法, Dàshí fǎ) на новое название – «религия хуэй–хуэй» (回回教, Huíhuí jiào), откуда позже произошло название народа хуэй (Hui)¹.

Таджикский военачальник Амир Саид и его люди были первыми таджиками, поселившимися в Китае по приглашению императора. Су Фэй–эр и его соратники не только выполняли военные задачи, но и интегрировались в административные функции, торговлю и межэтническую жизнь. Его потомки занимали высокие посты при дворе Сун, например, сын стал губернатором Шаньдуна, а внуки и правнуки выполняли военные и управленческие обязанности вплоть до династии Юань².

До Амира большинство мусульман в Китае были арабами, поэтому китайцы, особенно во времена династий Тан и Сун, называли ислам Тashi–Фа, т.е. «Закон арабов», Амир Саид Бухари, посчитал неправильным называть Тashi–фа как «Закон арабов» и изменил этот термин на «Хуэй–хуэй Цзяо», что означает «Религия мусульман». Император сразу же согласился, и с тех пор китайских мусульман стали называть «Хуэй» и нельзя было назвать их арабами. По этой причине китайцы высоко ценили Амира и называли его «отцом» ислама в Китае³.

Таджикские семьи со временем адаптировались к местной культуре, женились на китаянках и активно включились в социальную, экономическую и военную жизнь империи. Именно в период VII–X вв. начались процессы, которые в дальнейшей исторической перспективе привели к формированию тех групп населения, которые сегодня составляют таджикскую общину Китая. В их культурных практиках постепенно переплетались собственные традиции и местные китайские формы. Эта волна миграции стала одним из ключевых факторов в становлении и институционализации будущей таджикской общины и её укоренении на территории Китая.

¹ Zizhi Tongjian (资治通鉴). Compiled by Sima Guang, 1084. [Translations in: various sinological editions]. Vol. 17 (Song Dynasty section) - see annotated editions for pp. on Su fei-erh.

² Финг Цинь Юань. Исламская и иранская культура в Китае [Текст] Персидский перевод Мохаммада Джавада Умединория / Финг Цинь Юань. – Тегеран, 1998. – С.85-112.

³ Raphael Israeli. Islam in China [Text]: religion, ethnicity, culture and politics / Israeli. Raphael. – Lexington Books Maryland, 2002. – P.283-284.

Формирование народа хуэй–хуэй (современных хуэй), главным образом связано с монгольскими западными походами, которые в XII веке привели к массовому переселению больших групп таджиков из Великого Хорасана в Китай.

Уже до массовых военных миграций, начиная с середины VII века, на территории Китая проживали арабские и персидские торговцы, которых современные исследователи обозначают как «предшественников хуэй–хуэй».¹ Данный термин используется для разграничения этой ранней группы от основной массы хуэй–хуэй, пришедшей из областей Великого Хорасана в ходе монгольских походов XIII века². Период существования «предшественников хуэй–хуэй» охватывает около пяти столетий, с середины VII до XII века.³ К моменту массовых миграций в XII столетии они уже в значительной степени ассимилировались в местное население и стали частью новой этнической группы хуэй–хуэй, название которой закрепилось в эпоху Монгольской империи (с 1206 г.) и династии Юань в Китае (1271–1368 гг.).⁴ Таджикские переселенцы, прибывавшие в Китай ещё до монгольских завоеваний и относимые к «предшественникам хуэй–хуэй», в основном занимались торговлей, поддерживая сухопутные и морские маршруты Шёлкового пути между Центральной и Западной Азией и Китаем⁵. Эти торговые контакты сопровождались интенсивным культурным обменом, охватывавшим регионы Индийского океана, Южно–Китайского моря и собственно Китай. Основными носителями подобных связей были таджики, но в них участвовали также христиане, евреи, манихеи и представители иных конфессий⁶.

Предки китайских таджиков «Хуэй» или «Хуэй–цзу» («почтенные, правоверные мусульмане» кит. упр. 回族, пиньинь huízú, то есть «народность

¹ Raphael Israeli. Islam in China [Text]: religion, ethnicity, culture and politics / Israeli. Raphael. – Lexington Books Maryland, 2002.. – C.84.

² Fletcher J. The Naqshbandiyya in Northwest China. In [Text]: Studies on Chinese and Islamic Inner Asia / J. Fletcher. – Aldershot: Variorum, 1995. – C. 325-327.

³ Lescot, R. Les Hui-hui [Text]: musulmans chinois / R.Lescot. – Paris: Maisonneuve, 1953. – C. 47-49.

⁴ Rossabi, M. Khubilai Khan [Text]: His Life and Times / M. Rossabi. – Berkeley: University of California Press, 1988. – C. 205-208.

⁵ Frank, A. Islamic Historiography and “Bulghar” Identity Among the Tatars and Bashkirs of Russia [Text] / A. Frank. – Leiden: Brill, 1998. – C.115.

⁶ Lieu S.N.C. Manichaeism in Central Asia and China [Text] / S.N.C. Lieu. – Leiden: Brill, 1998. – C.146.

хуэй»), их также называют «Дунгане – 东干人», или “Хой–хой”¹, были из таджикских племен «Даши», мигрировавших из Центральной и Западной Азии. Часть из них составляли таджики Великого Хорасана. Предки Хуэй (их также называют Дунган), которые в период династий Юань и Мин проживали в Юньнане и Нинься, прибыли из Бухары и Самарканда.

В китайских исторических хрониках, объединяют таджиков и арабов в единую монолитную группу, объединяя их под общим названием «Даши» (大, буквально «люди в чёрной одежде»)², что отражает путаницу в их восприятии. Это свидетельствует о сложном и неоднозначном восприятии иностранцев. В ряде памятников описываются таджики из государства Боса (波斯, Персия)³ и выходцы из стран Даши⁴, причём термин «Даши го жэнь» (大食國人) первоначально использовался для обозначения выходцев из арабских земель, а впоследствии стал применяться шире. Исследователь Бай Шоу-и полагает, что слово «Даши» восходит к персидскому «tāzīk», которым таджики называли арабов.⁵ Со временем этот термин в китайских и тюркских текстах закрепился за таджиками и другими ираноязычными общинами Центральной Азии. Так, Махмуд аль-Кашгари в своём сочинении «Диван лугат ат-турк» прямо соотносит тазиков (таджиков) с персами.⁶ В китайских хрониках, включая «Цзю Тан шу» (舊唐書) и «Ляо ши» (遼史), термин «Даши» используется применительно к центральноазиатским таджикским сообществам, что подтверждает его широкое значение в исторической литературе⁷.

¹ Кафаров, П. О магометанахъ въ Китаѣ, [Текст]: Труды членовъ Российской Духовной Миссии, издание второе / П. Кафаров. – г. Пекин, типографія Успенского монастыря при Русской Духовной міссії, 1910. – том 4,

² Дубровская, Д.В. Трагедия на краю Великого Шелкового пути [Текст]: неоднозначные причины и непредвиденные последствия Янчжоуской (760 г.) и Гуанчжоуской резни (879 г.). / Д. В. Дубровская // Вестник Института востоковедения РАН.– Москва, 2020. – № 2. – С.374

³ Dillon M. "China's Muslim Hui Community [Text]: Migration, Settlement and Sects. – London-2013. – P.208)

⁴ Zhang Guangda (張廣達). “Dashi (大食)” in Zhongguo da baike quanshu (中國大百科全書). Zhongguo lishi (中國歷史). – Beijing: Shanghai, 1992. – Vol. 1. – pp. 140-154.

⁵ Ши Шу. Разнообразие религиозной жизни Китая при империи Тан в 618 – 907 [Текст]: по исследованиям современных китайских ученых / Ши. Ши. – Санкт-Петербург, 2006. – С.155

⁶ Махмуд ал-Кашгари. Диван лугат ат-турк [Текст] / пер. с араб. и комм. А. Егеубаева, М. Томанова, А. Кононова и Е. Наджипа. – Алматы: Дайк-Пресс, 2005. – С.250-260.

⁷ Zhang Guangda 張廣達 (1992). "Dashi 大食", in Zhongguo da baike quanshu 中國大百科全書, Zhongguo lishi 中國歷史 (Beijing/Shanghai: Zhongguo da baike quanshu chubanshe), Vol. 1, 144-145.

Персы, обозначаемые в китайских источниках как «Боси» (波斯)¹, начали активно переселяться в Китай в период династии Тан. Иакинф Бичурин в своём труде «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена», подробно описывает этот процесс и влияние персов на развитие китайского общества².

Таджики активно оседали в прибрежных городах, таких как Гуанчжоу, Янчжоу и в столице Чанъань³. Они основывали торговые дома, вели международную торговлю, особенно в сферах шелка, благовоний, драгоценных камней и металлов. Бичурин отмечает, что в крупных городах существовали целые "персидские кварталы", имевшие автономные права на внутреннее самоуправление⁴. Культурный вклад переселившихся персов был значителен. Они привнесли в Китай элементы своей религии (зороастризма и раннего ислама), медицинские знания, математические и астрономические идеи⁵. По свидетельству Бичурина, среди персов было много врачей, астрономов и архитекторов, которые находились на государственной службе в Китае⁶.

Чтобы узнать больше об этнической принадлежности этого народа, особенно «хуэй–цзу» (60% которых являются таджики Великого Хорасана), мы обратились к трудам известных ученых в области китаеведения.

Известные российские ученые В.В. Бартольд и П. Кафаров, говоря о появления мусульман в юго–центральном Китае, предполагают, что они, вероятно, были потомками арабских и иранских купцов, открывших морские торговые пути в Китай в период правления династии Тан. Согласно интерпретации, российского китаяведа О.И. Завьяловой, говорится следующим образом: «Известно, что во времена правления династии Тан, первые

¹ Hansen, V. The Silk Road [Text]: A New History / V.Hansen. – Oxford: Oxford University Press, 2012. –P. 87-88; Iranica Online. Chinese-Iranian Relations viii. Persian Language and Literature in China // Encyclopaedia Iranica. – 2017. [Электронный ресурс]: <https://www.iranicaonline.org/articles/chinese-iranian-viii> (дата обращения: 19.02.2025).

² Бичурин, И. Я. Собрание сведений о народах [Текст]: обитавших в Средней Азии в древние времена / И. Я. Бичурин. – М.: 1950. – Часть I. – С. 86.

³ Бичурин, И. Я. Собрание сведений о народах [Текст]: обитавших в Средней Азии в древние времена / И. Я. Бичурин. – М.: 1950. – Часть I. – С. 88.

⁴ Там же. – С. 89.

⁵ Там же. – С. 90.

⁶ Там же. – С. 102.

представители мусульманских народов (хуэй–цзу) прибыли в Китай по двум основным маршрутом – по морю и по суше, получившим сначала в западной и затем в китайской литературе название «Шелковых путей». Намного позже, во времена монгольской династии Юань (1271–1363 гг.), большинство мусульман различного происхождения мигрировали в Китай по Шелковому пути»¹.

Академик Бартольд отмечает, что "термин Hui "Хуэй" или же "Хой" иногда используется китайскими писателями для обозначения мусульман, иногда тюрок, и особенно уйгуров»².

К сожалению, академик Бартольд В.В. не поясняет, какую этническую группу он подразумевает под термином "мусульмане". Он пишет отдельно "мусульмане", "тюрки" и "уйгуры", подразумевая народы Средней Азии, в то время как на самом деле в домонгольское время в этом регионе правили персоязычные таджики. Не случайно некоторые историки называют Мавераннахр "Страной таджиков". Термин "мусульмане" часто использовался для обозначения коренных, оседлых таджиков³.

Время от времени со стороны отдельных авторов, не имеющих представления о раскрывающих правду первоисточниках, написанных на восточных языках, выдают искаженные рассуждения о принадлежности хуэй–цзу к тем или иным народам. Весьма точно охарактеризовал такие заблуждения Палладий Кафаров, который писал: «Здесь кстати заметить, до какой степени неточно называют китайских магометан татарами, как будто магометане суть не что иное, как татары. Последние составляют ветвь тюркского племени и не имеют ничего общего с магометанами ни по происхождению, ни по языку. Если в прежние времена и могла быть такая примесь к ним тюркского племени, то она поглощена массою магометанского населения в Китае и не оставила

¹ Завьялова, О. И. Великий Шелковый путь и персидская составляющая современного китайского ислама [Текст] / О. И. Завьялова //Человек и культура Востока.– 2014. – № 4. – 97 с.

² Бартольд В. В. Сочинения [Текст]: Общие работы по истории Средней Азии / В. В. Бартольд. – М.: Наука, 1963. – Т. II. – С. 58

³ Давлатзода, Д. Д. Мусульмане [Текст]: подлинная история расцвета и упадка / Д. Д. Давлатзода. – Москва: ЛитРес, 2020. – Книга 2. – С.383.

после себя следов»¹. Кафаров однозначно отделяет «туркские племена» от «магометанского населения», хотя основным населением Средней Азии в домонгольский период были таджики-мусульмане и различные тюркские племена, частично мусульмане.

До монгольского завоевания Великий Хорасан обладал не только высокоразвитым ремесленным производством и цеховыми организациями, но и прогрессивной системой земледелия с орошением. Таджики хуэй-цзу (представители народов Хуэй, большинство из которых мигрировали из Центральной и Западной Азии), используя эти сельскохозяйственные достижения, значительно улучшили аграрный сектор Китая на больших территориях. Хуэй-цзу также стали непревзойденными мастерами в ювелирном деле, кузнечестве, гончарном и ткацком производстве, а также в швейном и плотницком ремесле и кулинарии². К тому же, выходцы из Мавераннахра, особенно из Бухары и Самарканда, обладали выдающимися торговыми способностями. Сегодня китайские мусульмане хуэй-цзу продолжают работать в этих сферах, добиваясь больших успехов в бизнесе и торговле. Некоторые из них входят в число самых состоятельных и влиятельных граждан Китая. Современные хуэй-цзу представляют собой этническую группу, сформировавшуюся, в основном, из мигрантов из этих областей, а со временем к ним присоединились представители других народов, включая ханьцев, монголов и уйгуров. Признано, что культура хуэй-цзу сложилась преимущественно в эпоху династии Юань³.

Можно предположить, что наиболее талантливые мастера и ремесленники, обладавшие исключительными навыками в изготовлении высококачественных изделий, были переселены из Великого Хорасана в Каракорум, Бешбалык и Ханбалык (нынешний Пекин). Общая численность этих мигрантов, включая жителей Великого Хорезма, а также женщин и

¹ Кафаров, П. О магометанах в Китае [Текст] Труды членов Российской Духовной миссии / П. Кафаров. – Пекин, 1910. – Т. IV. – С.203

² Raphael Israeli. Islam in China [Text]: religion, ethnicity, culture and politics / Raphael Israeli. – Lexington Books Maryland,2002. – P.57

³ Финг Цинь Юань. Исламская и иранская культура в Китае [Текст]: Персидский перевод Мохаммада Джавада Умединория / Финг Цинь Юань. – Тегеран, 1998 – С. 06-22

девушек, могла достигать нескольких миллионов человек. Это объясняет не только их вклад в экономическое развитие Юанской империи, но и их активное участие в военных кампаниях, что подтверждается многочисленными историческими источниками. Переселенцы сыграли важную роль как в укреплении армии, так и в дальнейшем расширении территорий империи.

Одной из немногих персоналий персидского происхождения, упомянутых, в связи с этим периодом, является Шараф Али Шах Марвази – купец и учёный из Мерва, который посетил Китай в XI веке. Он описывает, что: «...иранские купцы, в том числе из Мерва и Балха, занимались здесь торговлей слоновой костью, специями, тканями и ювелирными изделиями»¹.

Этот отрывок подтверждает, что таджикская миграция была глубоко укоренена в экономической структуре южного Китая. Шараф Али Шах не только зафиксировал её существование, но и описал торгово-ремесленные сети, которые связывали Центральную Азию и Китай. Его свидетельства считаются ранним и достоверным описанием мусульманского (и в частности – таджикско-иранского) присутствия в регионе.

В ряде фрагментов автор книги упоминает переселение таджиков в Китай без указания конкретных имён, но с обозначением их происхождения (например, из Кашана, Самарканда, Балха, Хорасана, Марва). Эти переселенцы выступали в роли купцов, ремесленников, переводчиков, а также учёных и преподавателей. Основные сферы их деятельности были сосредоточены в экономически активных портах и торговых центрах. Отмечается, что в ряде случаев китайские городские или районные топонимы восходят к названиям таджикских городов либо связаны с именами переселенцев из этих регионов, например: "...некоторые китайские населённые пункты получили названия в честь таджикских городов или выходцев из них (например, Кашан) ..."².

¹ Финг Цинь Юань. Исламская и иранская культура в Китае [Текст]: Персидский перевод Мохаммада Джавада Умединория / Финг Цинь Юань. – Тегеран, 1998 – С.96

² Там же. – С.116-163

Это позволяет предположить, что некоторые таджикско-персидские семьи стали основателями кварталов или даже населённых пунктов, что придаёт их миграции устойчивый характер.

Некоторые из них адаптировались к местным условиям, но сохраняли свою религиозную и этнокультурную самобытность. В специально отведённых районах они создавали устойчивые общины с собственными культовыми сооружениями, рынками, школами и правовыми институтами, что обеспечивало им относительную автономию и способствовало сохранению культурной самобытности в китайском контексте¹. Важную роль в интеграции таджикских мигрантов играли такие институты, как кадхудо, местные мусульманские лидеры, выполнявшие функции как административных представителей, так и духовных наставников.

Значимость этих наблюдений заключается в том, что они позволяют рассматривать XIII век как ключевой этап формирования таджикского присутствия в Китае. Уже в первые века контактов заложились основы их адаптации к китайским правовым, социальным и языковым условиям. Особую роль сыграло появление нового наименования «хуэйхуэй цзяо» (回回教), введённого эмиром Су Фэй-эром, которое стало важным элементом этнического самоопределения и в дальнейшем трансформировалось в название народа хуэй. Таким образом, именно эпохи Тан и особенно Сун можно рассматривать как ключевой этап становления таджикских общин в Китае, не как временных иноземных групп, а как устойчивой и признанной части китайского общества.

1.2 Принудительная миграция жителей Великого Хорасана в Китай в XIII веке

В XIII веке Великий Хорасан представлял собой один из ключевых культурных и экономических регионов Востока. Города Нишапур, Мерв, Герат,

¹ 荣新江. 中古中国与粟特文明 (Средневековый Китай и культура Согда). – Beijing: 北京大学出版社, 2014. – C. 266-291.

Балх, Самарканд и Бухара были не только административными центрами, но и крупными очагами ремесла, науки и литературы. Здесь действовали школы философии и богословия, трудились известные астрономы и врачи, развивалась торговля по Великому шёлковому пути. Благодаря этому Великий Хорасан служил важнейшим звеном, соединявшим таджикского народа с Китаем, через его города проходили торговые караваны, везшие шелк, фарфор и чай в сторону Ближнего Востока и Европы, а в обратном направлении бумагу, ремесленные изделия, медицинские знания и философские идеи, оказавшие влияние на китайскую культуру. Таким образом, Великий Хорасан играл не только значительную роль в становлении и укреплении персоязычной культуры, но и способствовал формированию интеллектуальных и экономических связей с Китаем.

Развитая инфраструктура Великого Хорасана привлекла внимание монгольских завоевателей. Для империи, возникшей в кочевой среде и испытывавшей недостаток городских традиций, ремесленных навыков и научных знаний, города региона представляли ценность как источник квалифицированных мастеров. Политика монголов заключалась в разорении значительной части городских центров при одновременном изъятии наиболее искусных представителей ремесла и учёных специалистов¹.

Монгольское нашествие XIII века стало одним из самых разрушительных событий в истории таджикского народа. Завоевания монгольских армий под предводительством Чингис-хана изменили политическую и демографическую карту региона, включив территории Великого Хорасана и Восточного Ирана в состав стремительно растущей империи. Одним из важнейших инструментов консолидации власти монголов являлась практика массовых переселений, особенно затрагивавшая ремесленников, архитекторов, врачей, астрономов и иных представителей образованных слоёв общества. Эти группы вывозились вглубь империи, прежде всего в Северный Китай, ставший в дальнейшем ядром

¹ Рашид-ад-Дин. Сборник летописей [Текст]: Джами ат-таварих. / Пер. с перс. Л. А. Хетагурова. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. – Т. 1. – С.152-153.

династии Юань (1271–1368). По свидетельствам средневековых историков Ибн ал-Асира,¹ Джувейни,² Рашидаддина³ и Джузджани⁴ в результате нашествий из Великого Хорасана в рабство было уведено значительное количество ремесленников, число которых достигало сотен тысяч. Об этом же, но уже спустя столетие после монгольских завоеваний, упоминает арабский путешественник Ибн Баттута, посещавший Хорезм, Бухару, Самарканд и Китай, фиксирует факт о том, что среди порабощённых встречались и дети⁵.

Одним из регионов, наиболее пострадавших от нашествия войск Чингисхана, был Великий Хорасан, историко-географическая область, включавшая территории современного северо-восточного Ирана, Афганистана и части Средней Азии⁶. В 1220–1221 гг. города Великого Хорасана: Самарканд, Бухара, Нишапур, Мерв, Герат, подверглись разрушению и массовым депортациям населения. Вслед за этим сформировался масштабный поток принудительных миграций, охватывавший десятки тысяч человек, переселённых в Монголию и Северный Китай.

В то время сельские районы и деревни, расположенные вокруг крупных городов и областных центров, были густонаселены. Согласно историческим источникам, в частности Насави, монгольские войска при начале военной кампании не сразу переходили к осаде укреплённых городов, а в первую очередь наносили удары по окрестным деревням и селениям⁷. Там происходили массовые грабежи и убийства, после чего уцелевших жителей использовали для обеспечения военных действий. Насави подробно описывает тактику монголов: «отряды всадников рассредоточивались во все стороны; если тысяча всадников

¹ Ибн ал-Асири. Аль-Камиль фи-т-тарих [Текст] / Пер. с араб. Хамид Риза Асири. – Тегеран: Асатир. – Т.14. – С.447.

² Джувейни, Ата-Мелик. Чингис-хан [Текст]: История Завоевателя Мира / Пер. с перс. Е. Е. Харитоновой. – М.: Издательский дом «Магистр-Пресс», 2004. – С. 690.

³ Рашид ад-Дин. Сборник летописей (Джами ат-таварих) [Текст] / Пер. с перс. Л. А. Хетагурова. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. – Т. 1. – С. 490-494, 502-503, 517-519.

⁴ Минхадж ад-Дин Джузджани. Табакат-и Насири [Текст] / Пер. с перс., комм. А. К. Арендса. – Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1957. – С. 556, 559, 564-566, 568, 574.

⁵ Ибн Баттута. Путешествия [Текст] / Баттута. Ибн. – М.: Наука, 1966. – С.82-83

⁶ Камол, Ҳ. Авомили ба сари ҳокимият омадани Сомониён [Текст]: Баррасиҳои ҳаводиси таърихии садаҳои VII-IX-и Хурасони Бузург дар асоси манобеи таърихӣ. – Душанбе: Дониш, 2022. – С. 21-44

⁷ Насави, Шихаб ад-дин Мухаммад. Жизнеописание султана Джалаляддина Манкбурни [Текст] / Пер. с араб. З.М. Буниятова. – Москва, 1996. – С.74-76.

готовилась к набегу, то две–три тысячи жителей деревень и сельских областей гнали вперед, возлагая на них работы по возведению подкопов и применению метательных орудий. В результате города падали, не оставалось ни одного дома, который не был бы сожжён, и ни одного двора, где бы жители не лишились своего имущества»¹.

Атамалик Джувейни в своём труде, описывая последствия завоеваний, отмечал, что «там, где были города, превращались – в деревни, а где были деревни – в пустыню»². В главах, посвящённых захвату Нишапура и Мерва, он свидетельствует, что после падения Нишапура в 1221 г. монгольские войска уничтожили большую часть населения, а уцелевших ремесленников и мастеров переселили в улусы Чингис–хана: «Они взяли ремесленников и мастеров, которых было неисчислимое множество, и распределили их по своим улусам»³.

Подобная практика отмечена и при захвате Мерва, Самарканда и Бухары. В каждом из этих случаев большая часть жителей подвергалась истреблению, тогда как узкая группа специалистов отбиралась и отправлялась в Монголию и Китай. Эти действия носили системный характер и стали основой для будущей политики массовых переселений.

Масштабы катастрофы особенно ярко проявились в крупнейших центрах Хорасана, Нишапуре, Мерве, Герате, Балхе и Ургенче. В Ургенче было уничтожено огромное число горожан, а сам город подвергся стольному разорению, что восстановить его прежнее значение оказалось невозможным⁴. Переселенцы из Великого Хорасана оказались в разных частях империи, от Каракорума до северного Китая⁵. Многие из них способствовали внедрению технологий, ранее неизвестных в Китае, каменного строительства, керамики, металлического литья и текстильных ремёсел. Эти данные подтверждаются также в китайском хронике «Юань ши» («История династии Юань»), где

¹ Насави, Шихаб ад-дин Мухаммад. Жизнеописание султана Джалаладдина Манкубурни [Текст] / Пер. с араб. З.М. Буняитова. – Москва, 1996. – С.74-76.

² Джувейни, Ата-Малик. История завоевателя мира [Текст] / Пер. с перс. Л. А. Хетагурова. – М.: Восточная литература, 1958. – С. 145-147.

³ ىاشگن اه ج خىرات. ىنىوچ كىلماتع. ص. ٧٣٨. ج. ٣.

⁴ Ибн ал-Асир. Аль-Камиль фи-т-тарих / Пер. с араб. Хамид Риза Асир. – Тегеран: Асатир. – Т.14. – С. 206.

⁵ Сайф ибн Мухаммад ибн Якуб аль-Хирави. Таърихномаи Хирот [История Герата] [Текст]/ ред. Мухаммад Зубайр ас-Сиддики. – Тегеран, 1973. (Офсетное издание 1943 года, Калькутта). – С. 304

говорится о том, что в XIII веке в северных районах Китая появились поселения ремесленников, происходивших из западных земель (西域 – сиуюй гунцзян), их использовали при строительстве новых крепостей, дворцов и религиозных сооружений в Северном Китае¹. Таким образом, миграции из Хорасана стали частью более широкой стратегии «перераспределения» человеческих ресурсов по территории империи.

В свидетельствах средневековых источников содержатся описания масштабов человеческих потерь и разрушений, вызванных монгольскими нашествиями в Великом Хорасане и сопредельных землях. Сайфи Хирави сообщает, что при втором захвате Герата в 1222 году из приблизительно 1 600 000 жителей в живых осталось лишь 16 человек². Другой автор, Джузджани, указывает ещё более ужасающую цифру: по его словам, число погибших в Герате достигло 2 400 000 человек³. Аналогичные сведения встречаются и в описании Марва, где Джувейни⁴ и Мирхонд⁵ указывают, что из 1 300 000 жителей города в живых остались лишь четверо⁶. Хотя приводимые авторами численные данные, вероятно, завышены, тем не менее эти свидетельства указывают на чрезвычайно высокий уровень разрушений и массового насилия, характерных для монгольских нашествий.

В хрониках также упоминается, что Утрап был полностью уничтожен, при этом погибло свыше 20 000 человек⁷. В Бухаре, согласно источникам, город был разрушен, убито более 30 000 жителей; оставшееся население подверглось насилию и мобилизации на принудительные работы⁸. В Самарканде число убитых превышало 70 000, а около 30 000 ремесленников и мастеров оказались

¹ 宋濂 编. 《元史》 (Юань-ши [Текст]: История династии Юань). – 北京: 中华书局, 1976. – 133 卷.

² Сайф ибн Мухаммад ибн Яъкуб аль-Хирави. Таърихномаи Хирот [История Герата] [Текст] / ред. Мухаммад Зубайр ас-Сиддики. – Тегеран, 1973. (Офсетное издание 1943 года, Калькутта). – С. 118

³ Минхадж ад-Дин Джузджани. Табакат-и Насири [Текст] / Пер. с перс., комм. А. К. Арендса. – Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1957. – С. 559.

⁴ Джувейни, Ата-Малик. История завоевателя мира [Текст] / Пер. с перс. Л. А. Хетагурова. – М.: Восточная литература, 1958. – С. 128

⁵ Мирхонд. История Равзату-с-сафо [Текст] / Мирхонд. – Тегеран, 1366 х.ш. – Т. 5. – С. 115.

⁶ Абдуқаҳҳор, С. Вазъи сиёсии Хурросони Бузург ва Эрон дар асри XIII – нимаи аввали асри XIV [Текст] / С. Абдуқаҳҳор. – Душанбе, 2025. – С. 252-259.

⁷ Джувейни, Ата-Малик. Там же. - С. 83

⁸ Ибн ал-Асир. Аль-Камиль фи-т-тариҳ [Текст] / Пер. с араб. Хамид Риза Асир. – Тегеран: Асатир. – Т.14. – С. 143.

в плену¹. Особенно трагичной стала судьба Ургенджа: по разным данным, там было убито от 1 200 000 до 2 400 000 человек; город подвергся частичному затоплению, библиотеки и культурные памятники были уничтожены, а более 100 000 женщин, детей и ремесленников уведены в плен.²

И. П. Петрушевский на основании письменных источников отмечает, что «численность населения могла быть меньше, чем указано в источниках, однако данные о систематическом и практически полном уничтожении жителей густонаселённых городов и полном разорении районов, встречающиеся в разных источниках, не вызывают сомнений».³

Современник событий, Ибн Асир, описывая тиранию монголов, отмечает, что многие годы воздерживался от воспоминаний об этих событиях, поскольку считал их чрезвычайно страшными и ужасающими. Он подчеркивает, что кто бы ни стал свидетелем этих событий, невозможно было спокойно их пересказывать; масштаб трагедии был настолько велик, что охватывал всё население, особенно таджиков. Ибн Асир констатирует, что подобных катастроф, сравнимых по жестокости и разрушениям, история человечества ранее не знала, за исключением легендарного явления Яджуджа и Маджуджа.⁴

Аналогичные картины опустошения источники фиксируют и в Балхе, Газне, Нисо, Хироте, Казвине, Хамадане и многих других городах и крепостях региона, где население либо уничтожалось, либо обращалось в рабство.⁵ Современные исследователи, в частности Нурмухаммад Амиршохи, оценивают общие потери населения Хорасана и сопредельных областей не менее чем в десять миллионов человек.⁶

¹ Рашидаддин. Джами ат-таварих [Текст] / Пер. с перс. Л. А. Хетагурова. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. – Т. 1 С. 502-503; Джувейни, Ата-Малик. Там же. - С. 128

² Ибн ал-Асир. Там же. – С. 206; Рашидаддин. Там же. – С. 516; Мирхонд. Там же. Т. 5. – С. 106; Джувейни, Ата-Малик. Там же. - С. 101.

³ Петрушевский, И. П. Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII–XV веков [Текст] / И. П. Петрушевский. – М.: Изд-во АН СССР, 1960. – С. 492.

⁴ Ибн аль-Асир, Иzzадин Али. Таърихи комили бузурги Ислом ва Эрон [Полная история Ислама и Ирана]. Пер. с араб. Али Хошими Хоири. – Тегеран: Научное издательство, 1371 х.ш. – Т. 32. – С. 124-126.

⁵ Абдукаххор, С. Вазъи сиёсии Хурносони Бузург ва Эрон дар асри XIII – нимаи аввали асри XIV [Матн] / С. Абдукаххор. – Душанбе, 2025. – С.252-259.

⁶ Амиршоҳӣ, Н. Қатли оми тоҷикон ва инҳидоми шаҳрҳо дехоти эшон; мушкилоти мавзӯъ // Таърихи ҳалқи тоҷик. – Ҳуҷанд, 2008. – С. 309-317.

В период правления Угэдэя, как упоминает историк Джузджани в «Табакати Насири», монгольское командование формировало крупные военные подразделения для походов на запад, включая Ирак и Аран. Часть армии включала около пятидесяти тысяч монгольских воинов, тогда как вторая состояла примерно из ста тысяч всадников, набранных из числа пленённых жителей Хорасана.¹ Фактически, из числа пленённых формировалась армия, превосходившая по численности собственные войска монголов, что свидетельствует о масштабах мобилизации местного населения.

Подобные сведения находят подтверждение и в других источниках, в том числе у Джувейни, который писал о войсках, в составе которых находились монголы и таджики, действовавшие в Иране в середине XIII века. В хрониках указывается, что в походе 1256 года под началом Хулагу-хана в Иран и Ирак значительная часть армии состояла из мусульман Хорасана, составлявших около двух третей войска.² Причём в его составе можно было встретить не только таджиков, но и тюркоязычных воинов, в частности, уйголов из Туркестана. Позднее эти формирования использовались в военных кампаниях на территории Китая, что способствовало объединению Южного и Восточного Китая и становлению государства династии Юань.

Особое внимание заслуживает расхождение в датировках, отмеченное у средневековых авторов. Так, по данным Д. Д. Давлатзоде в книге «Мусульмане: подлинная история расцвета и упадка», Джузджани относит формирование хорасанских войск к 1226–1227 годам, тогда как Джувейни упоминает войска таджиков («лашкари тожик»), находившиеся на берегу Аламута в 1256 году, то есть примерно через три десятилетия. Очевидно, что речь не идёт о единой армии, так как маловероятно, что одно соединение могло сохранять боеспособность в течение столь длительного времени, учитывая возраст большинства воинов. Наиболее вероятно, что имела место последовательная мобилизация значительных масс таджикского населения Великого Хорасана,

¹. ناصری طبقات جوزجانی ۱۵۸ ص. - ۲۲. طبقه - ۲. ج. عظام لک جوی نی. تاریخ جهان گشای - ص ۸۳۷. ج. - ۳.

вовлечённых сначала в военную систему Монгольской империи, а позднее в структуру государства Юань, где их роль значительно возросла.¹

Переселение таджиков из Хорасана происходило в различных формах, среди которых особенно распространённым было принудительное перемещение ремесленников и учёных после захвата городов. Сохранились сведения, что после падения Ургенча и Мерва десятки тысяч жителей этих центров были распределены по категориям, включая воинов, женщин, детей и мастеров. Наиболее ценных специалистов направляли в Китай и Монголию для нужд империи.² Особое значение придавалось ремесленникам, включая строителей, кузнецов, каменотёсам и оружейников, а также учёным и медикам, среди которых были астрономы и врачи. Немаловажную роль играли купцы, интегрированные в монгольскую систему караванной торговли.

Персидский хронист Атамалик Джувейни приводит данные о событиях 1219–1221 годов в Великом Хорасане, согласно которым при взятии Самарканда около 30 000 ремесленников были распределены по различным улусам Монгольской империи.³ В «Сборнике летописей» Рашидаддин отмечает, что после захвата Нишапура в 1221 году в Китай было направлено более 10 000 специалистов, значительная часть которых составляли врачи, астрономы и архитекторы.⁴ Помимо этого, мастера керамики, бумагоделия и металлургии пользовались высоким спросом и впоследствии получили широкую известность в Китае в период правления монголов.⁵

Массовое переселение таджикского населения в Китай изменило этнодемографическую структуру отдельных регионов. В северных провинциях появляются целые кварталы, населённые выходцами из Великого Хорасана. Советский исследователь С. А. Плетнёва указывала, что монгольская политика

¹ Давлатзода, Д. Д. Мусульмане [Текст]: подлинная история расцвета и упадка. – Москва: ЛитРес, 2020. – Книга 2. – С. 383.

² Бартольд, В. В. История культурной жизни Туркестана. – Л.: Изд-во АН СССР, 1927. – С.16-28.

³ Джувейни, Ата-Малик. История завоевателя мира [Текст] / Пер. с перс. Л. А. Хетагурова. – М.: Восточная литература, 1958. – С. 128

⁴ Рашид-ад-Дин. Сборник летописей [Текст] / Пер. с перс. Л. А. Хетагурова. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. – Т.1. – С. 312–314.

⁵ 孙仲匀. 《中国与中亚文化关系史》(История культурных контактов Китая и Средней Азии). - 北京: 中国社会科学出版社, 1985. – 第214-216页.

депортаций была частью «целенаправленного переноса центров городской культуры в Китай», и именно таджикские мастера сыграли ключевую роль в развитии ремесла и архитектуры Пекина XIII века¹.

В. В. Бартольд оценивал число переселённых из Великого Хорасана в Китай примерно в десятки тысяч человек. Он полагал, что цифра Джувейни о 30 тысячах ремесленников из Самарканда заслуживает доверия, так как подтверждается косвенными данными других источников².

Английский историк Д. Морган считает, что суммарное количество переселённых в Китай в XIII в. из Великого Хорасана могло составить до 50 тысяч человек, включая ремесленников, врачей, архитекторов и учёных³.

Американский исследователь Дж. Сандерс более осторожен и называет цифру около 20–30 тысяч депортированных в Китай жителей региона, отмечая, что высокая смертность в пути и ассимиляция затрудняют более точные оценки.⁴

Точные данные о численности переселенцев разные, однако исследования, проведённые В. В. Бартольдом и Д. Морганом, позволяют оценить масштабы этих перемещений в десятки тысяч человек только в первые десятилетия после монгольских завоеваний. Очевидно, что речь идёт о последовательной мобилизации населения Великого Хорасана в рамках военной и административной системы Монгольской империи, а позднее государства Юань, где их вклад стал особенно значимым.

В китайской официальной хронике «Юань ши» содержатся сведения о «переселённых мастерах из западных земель» (西域工匠 – сиуюй гунцзян). В разделе, посвящённом строительству столицы Даду, упоминается участие «нескольких тысяч западных мастеров», прибывших в Китай в 1230–1240–х гг.⁵ Кроме того, в биографическом разделе «Юань ши» встречаются имена отдельных специалистов из Самарканда и Нишапура, служивших при дворе

¹ Плетнёва, С. А. Кочевники средневековья [Текст] / С. А. Плетнёва. – М.: Наука, 1990. - С. 201–204.

² Бартольд В. В. Сочинения [Текст] / В. В. Бартольд. – М.: Наука, 1963. – Т. II. – Ч. 1. – С. 254–256.

³ Morgan, D. The Mongols. – Oxford: Blackwell, 1990. - P. 112–115.

⁴ Saunders J. The History of the Mongol Conquests. – London: Routledge, 1971. - P. 155–157.

⁵ 宋濂 编. 《元史》 (Юань-ши [Текст]: История династии Юань). – 北京: 中华书局, 1976. – 西域工匠.

Хубилая. Это указывает, что депортированные таджики не растворились в массе населения, а оставили заметный след в культурной жизни Юань.

В Северном Китае, где монголы обосновали столицу в Даду (совр. Пекин), переселенцы сыграли ключевую роль в восстановлении городского хозяйства, разрушенного в результате войны с чжурчжэнами. Архитекторы и каменотёсы из Самарканда и Нишапура участвовали в строительстве дворцовых ансамблей, мостов, оборонительных стен. Китайский историк Сунь Чжун-ци отмечает, что именно «люди из западных земель» обучали местных мастеров новым методам кладки и декоративной обработки камня.¹ Помимо строительных работ, переселенцы оказывали влияние на текстильное и керамическое производство: технологии глазурованной керамики и изразцов, широко применявшиеся в Хорасане.²

Принудительное переселение населения Великого Хорасана в XIII веке стало одним из ключевых последствий монгольских завоеваний. Среди угнанных в Каракорум, Бешбалык и Ханбалык (совр. Пекин) особое место занимали наиболее квалифицированные ремесленники и мастера, чьи знания и навыки использовались как в хозяйственной, так и в военной сфере монгольской империи. Общая численность переселённых, включая женщин и девушек, могла достигать нескольких миллионов человек. Эти миграции обеспечивали функционирование ремесленных мастерских, производивших оружие, строительные материалы, предметы быта и продовольственные товары, а также способствовали развитию городской инфраструктуры и укреплению армии завоевателей.

Значительная часть этих переселенцев оказалась в Китае ещё со времён первых походов Чингис-хана. Уже тогда сотни тысяч жителей крупных городов Великого Хорасана, среди которых преобладали таджики, были угнаны в Монголию и Китай. Именно благодаря их труду в XIII веке была возведена

¹ 孙仲匀. 《中国与中亚文化关系史》(История культурных контактов Китая и Средней Азии). - 北京: 中国社会科学出版社, 1985. - 第214–216页.

² Чэн Дэчжи. Всеобщая история Китая. Т. 1. – Шанхай: Шанхайское народное издательство, 1997. – С. 276.

столица Монгольской державы Каракорум,¹ где главным языком повседневного общения нередко становился фарси, являвшийся тогда единственным литературным языком для таджиков Средней Азии. При этом сами монголы сохраняли кочевой образ жизни и не стремились к оседлости, что лишь усиливало значение переселённых мусульман и китайцев в развитии городского хозяйства.²

Переломный этап наступил в 1259–1260 годах, когда борьба за власть между Хубилаем и Аригом Букой сделала труд пленных ещё более востребованным. После смерти последнего всемонгольского великого хана Мункэ в 1259 г. во время его похода на Южную Сун обострилась борьба за трон между внуками Чингис–хана. Главными претендентами были младшие братья умершего Мункэ – Аригбуга, находившийся в столице Монгольской империи Каракоруме и Хубилай, командовавший монгольскими войсками в Китае, которые тогда вели боевые действия против Южной Сун³. Хубилай, претендовавший на верховную власть, поставил перед собой задачу восстановления разрушенного Пекина (Чжунду) и создания рядом с ним новой столицы Даду. Для реализации этих грандиозных проектов требовались специалисты, уже имевшие опыт строительства Каракорума.

Утвердившись на престоле после смерти Мунке, Хубилай перенёс столицу в Китай. Как пишет Рашидаддин, он «обосновал свою ставку в древней столице китайцев, городе Ханбалык, который по–китайски называли Чжунду».⁴ В результате значительная часть населения, включая ремесленников из Великого Хорасана, была переселена из Монголии в Северный Китай. Став императором (Кааном), Хубилай систематически использовал труд таджикских пленников при возведении оборонительных сооружений, дворцов и ремесленных мастерских, благодаря чему Даду превратился в один из

¹ Завьялова, О.И. Великий шёлковый путь и персидская составляющая современного китайского ислама [Текст] / О.И. Завьялова. – 2014. – № 4. – С. 96.

² Кадырбаев, А.Ш. «Таджики» Китая [Текст]: история и современность / А.Ш. Кадырбаев // Общество и государство в Китае. – М.: 2010. – Т.40. – №1. – С. 180

³ Тихвинский С.Л. (гл. ред.). История Китая с древнейших времён до начала XXI века: в 10 т. [Текст]: Династии Юань и Мин (1279–1644). /Отв. ред. А.Ш. Кадырбаев, А.А. Бокщанин. – М.: Наука, 2016. – Т. 5. – С. 678.

⁴ رشیدالدین فضل الله همدانی. جامع التواریخ. ج-۲، تهران-۱۳۷۳، ص. ۹۰۰

крупнейших политических и культурных центров региона. С этого момента судьба пленных таджиков окончательно связалась с Китаем, именно их трудом были восстановлены городские кварталы Чжунду и построен новый город Даду, в центре которого возвышался «великолепный дворец под названием Карши [дворец]».¹

Таким образом, переселённые из Великого Хорасана мастера сыграли ключевую роль в создании новой столицы Юаньской империи и в значительной степени определили культурный и экономический облик средневекового Китая.

Следует отметить, что переселение таджиков в Китай в период монгольского владычества имело преимущественно насильственный характер. Среди переселённых особое место занимали архитекторы, строители и ремесленники, о которых неоднократно упоминал Рашидаддин.² Эти мастера внесли значительный вклад в возведение городских центров, но их роль не ограничивалась только строительной сферой. Часть переселённого населения была включена в систему административного управления, что способствовало укреплению власти монгольской администрации в удалённых областях.³ Подобная политика обеспечивала приток квалифицированных специалистов, инженеров, зодчих и управлёнцев, без которых строительство новой столицы и организация эффективного государственного аппарата оказались бы невозможными.

В качестве примера можно привести бухарского таджика Сайды Аджалла Шамсиддина Умара (1211–1279), занимавшего высокие государственные посты в монгольской империи Юань в Китае. Он пользовался значительным уважением среди населения. По словам Рашидаддина, «Имя Сайд Аджалл среди таджиков [Китая] пользовался большим почетом и уважением и монголы также ... знают, что это имя у них почтеннейшее из

¹ رشیدالدین فضل الله همدانی. جامع التواریخ. ج-۲، تهران-۱۳۷۳، ص. ۹۰۰ - ۹۰۱

² Рашид-ад-Дин. Сборник летописей (Джами ат-таварих). [Текст] / Пер. с перс. Л. А. Хетагурова. – М. Л.: Изд-во АН СССР, 1952. – Т. 1.– С. 140-150, 170-175.

³ Финг Цинь Юань. Исламская и иранская культура в Китае [Текст]: Персидский перевод Мохаммада Джавада Умединия. – Тегеран, 1998. – С.116-194

имён».¹ С этим именем связано переселение части таджиков и арабов на юго-запад Китая, в провинцию Юньнань. Согласно сведениям из Юань ши, «в Юньнани проживало множество мусульман, все знают, что они происходили от людей, пришедших с Сайдяньчжи...».²

Исторические сведения такие как данные из «Юань ши» и «Джами ат-таварих» и другие, указывают, что при расширении власти монгольской державы на южные земли Китая для объединения местных княжеств были сформированы смешанные военные отряды, включавшие монгольские, китайские и среднеазиатские контингенты.³ Среди последних значительную часть составляли переселённые таджики, участие которых стало решающим фактором в разгроме войск государства Дали [Дай-ли] и присоединении его территории к Китаю.⁴ На этих землях была создана новая административная единица Караджанг, первым правителем которой стал Сайд Аджалл Шамсиддин. После его назначения в Ханбалык на должность министра управление областью было поручено его сыну Насираддину, что закрепило династическую преемственность власти в регионе.

В 30-х годах XIII века три тысячи таджикских ремесленников, жителей Самарканда на севере Китая, построили город Самали, который превратили в подобие больших самарканских садов.⁵ Китайские источники упоминают о существовании этого города в 1331 году, то есть через 100 лет после его основания.⁶ Например, Рашидаддин пишет о целых городах, возведенных таджиками недалеко от Пекина. Один из этих городов, город Самали, построенный самарканцами недалеко от Пекина: «Большинство населения города составляют выходцы из Самарканда, которые посадили много

¹ رشیدالدین فضل الله همدانی. جامع التواریخ. ج-۲، تهران-۱۳۷۳، ص. ۹۴۹.

² Кадырбаев А. Ш. Таджики. Китая [Текст]: история и современность // Общество и государство в Китае Москва / А. Ш. Кадырбаев. – 2010. – №1. – С.472;

³ Рашид-ад-Дин. Сборник летописей (Джами ат-таварих). [Текст] / Пер. с перс. Л. А. Хетагурова. – М. Л.: Изд-во АН СССР, 1952. – Т.1. – С. 143-150.

⁴ 宋濂 编. 《元史》 (Юань-ши [Текст]: История династии Юань). – 北京: 中华书局, 1976. – 58 卷.

⁵ رشیدالدین فضل الله همدانی. جامع التواریخ. ج-۲، تهران-۱۳۷۳، ص. ۹۰۳.

⁶ Кадырбаев А.Ш. - «Почтенные мусульмане» - хуэй и дунгане [Текст] / А.Ш. Кадырбаев // Иран-Наме. – Алматы. –2011. – №3 (19). – С.259;

фруктовых садов по своим традициям»¹. Кроме того, упоминается деревня длиной около 8 км, известная как Шаньцзи, которую таджики называли Дехи Чула или «Ём² Сайд Аджалла».³

Возведённые таджикскими ремесленниками, угнанными в плен из Великого Хорасана, города и деревни отличались высоким уровнем благоустройства, многочисленными садами и зелёными насаждениями. Так, вдоль дороги, соединявшей Самали с Чжуанду, высаживались фруктовые деревья и виноградники, а рядом протекали ручьи с чистой водой.⁴ Эти слова Рашидаддина подтверждают высокое мастерство переселивших таджиков из Великого Хорасана, которые имели тысячелетний опыт в области сельского хозяйства. И это в то время, когда их родина была превращена в безжизненную пустыню.

По сведениям, приведенным таджикским историком XIII в. Сайфи Хирави в его книге «Тарихномаи Хирот» («Летопись Герата»), в те времена в Китае проживали тысяча семей... таджикских ткачей из Герата, подаренные одной из жен Чингис-хана по имени Кутлуг Элшай Тулей-ханом при взятии Герата. Эти ткачи и мастера по пошиву одежды производили самую качественную одежду, которую поставляли в том числе во двор императора монгольской империи. Увидев высокое качество одежды, Угэдэй-хан берет их себе, а Кутлугу взамен дарует города в Туркестане.⁵

Сопоставляя сведения разных источников, можно представить масштаб принудительных переселений таджиков из Великого Хорасана в Монгольскую империю и Китай. Если, как отмечают хроники, только из одного хорасанского города было уведено около тысячи семей ткачей, то общее число переселённых мастеров, оружейников, архитекторов, гончаров, ювелиров, садоводов, врачей и представителей других профессий, должно было исчисляться десятками тысяч. Эти ремесленники и учёные сначала попадали в Монголию, а затем их

¹ رشیدالدین فضل الله همدانی. جامع التواریخ. ج-۲، تهران-۱۳۷۳، ص. ۹۰۳-۹۱

² Ём (тадж.)- станция смены почтовых лошадей

³ رشیدالدین فضل الله همدانی. جامع التواریخ. ج-۲، تهران-۱۳۷۳، ص. ۹۱۶

⁴ رشیدالدین فضل الله همدانی. جامع التواریخ. ج-۲، تهران-۱۳۷۳، ص. ۹۰۳-۹۱

⁵ سیفی هروی "پیراسته تاریخنامه هرات" ، ص. (۲۷)۳۷

переселяли в северные и центральные районы Китая, где они становились важным фактором экономического и культурного развития.

Во времена династии Юань политика переселений обрела институциональные формы. В документах упоминаются так называемые «дома ремесленников» (工匠戶, гунцзян ху), закреплённые за государственными мастерскими.¹ Эти семьи, происходившие из Центральной и Западной Азии, обслуживали императорский двор и армию.

Рашидаддин в своём труде «Джами ат-таварих» подробно описывает судьбы многих таджикских учёных и деятелей, угнанных из городов Великого Хорасана: Самарканда, Бухары и Кундуза. Среди них он называет Мавляну Хамидуллана Самарканди (ученика шейхульислама Сайфиддина Бохарзи), кадия Бахауддина Бахаи, Бахауддина Кундузи, Умара Киргизи, Шоди Жучонга и других известных личностей. По его словам, всех этих людей именовали «таджикскими эмирами» или «знатными таджиками», подчёркивая их высокий статус и то, что «каждый из них был правителем отдельной провинции».² Эти сведения свидетельствуют о том, что переселённые мусульмане не только сохранили своё значение, но и сыграли ключевую роль в структуре власти и общества.

Эти данные соответствуют с наблюдениями современного американского исследователя Фредерика Старра, который в книге «Маърифати гумшуда» («Утраченное просвещение») отмечает, что «в Пекине и других городах проживало столь значительное количество учёных и ремесленников из Центральной Азии, что именно они придавали монгольскому государству яркий центрально-азиатский блеск.³ Таким образом, даже спустя века прослеживается очевидная линия преемственности: переселение таджиков не только обеспечило монгольскую империю квалифицированными

¹ Hoffmann B. Forced Migrations and Slavery in the Mongol Empire (1206–1368) [Text] / B. Hoffmann // The Cambridge World History of Slavery. – Cambridge: CUP, 2016. – С. 214–230.

² رشیدالدین فضل الله همدانی. جامع التواریخ. ج-۲، تهران-۱۳۷۳، ص. ۲۹۲۳.

³ Фредерик Старр. Маърифати гумшуда. [Матн] / тарч. А. Мамадназаров. – Душанбе, 2016. – С.503.

специалистами, но и способствовало культурному «переносу» традиций Великого Хорасана в Китай.

Важные детали содержатся и в сочинениях хорасанского историка Джузджани. Он указывает, возведения Угэдэя на престол, политика по отношению к мусульманам изменилась: по его приказу в городах Тангут, Тамагач, Тибет и других регионах начали строить мечети. Переселённую знать и мастеров из Ирана и Турана (то есть из Великого Хорасана) распределяли по ключевым центрам Туркестана и северным областям империи Тамгача и Тангута. Более того, Джузджани отмечает, что сам Угэдэй повелел обращаться с мусульманами «как с братьями», выдавать за них замуж монгольских женщин и не препятствовать заключению браков с их дочерьми.¹

Изучив сведений средневековых авторов, включая Рашидаддина и Джузджани, а также интерпретации современных исследователей, таких как Фредерик Стэрр, позволяет сделать вывод о том, что переселение таджиков из городов Великого Хорасана в Китай не носило добровольный характер. Эти перемещения являлись частью целенаправленной политики монгольских правителей, направленной на мобилизацию человеческих ресурсов покорённых территорий для укрепления экономики и административного контроля в новых столицах и провинциях империи.

Примером массового присутствия переселённых таджикских специалистов служит портовый город на востоке Китая, Зайтун (современный Цюаньчжоу), который посетил Ибн Батута. Он описывает этот город как один из крупнейших в регионе, с развитой инфраструктурой для мусульман: соборными мечетями, завиями, базарами, кадиями и шейхами, которые решали религиозные и судебные вопросы общины.²

Ибн Батута особо отмечает, что в Зайтунском порту существовал крупный квартал, где мастерские занимались производством одежды, оружия и различных ремёсел. Всего там трудилось около 1600 мастеров, каждый с

¹ ناصری طبقات جوزجانی. ص ۱۵۱. ج ۲.
² ص ۱۹۹. ج ۲. طوطه اب ن رح لة ب طوطه اب ن

несколькими подмастерьями, и все они находились в положении рабов Каана. Их передвижения были строго ограничены, жилища располагались за пределами дворца, посещение базара допускалось, а выход за городские ворота запрещён. После десяти лет службы рабам позволяли свободно перемещаться.¹

Очевидно, что эти мастера не были обычными рабами или купленными работниками, они были вывезены из крупных городов Великого Хорасана в результате военных действий, что делает их перемещение частью системной политики монгольской империи по использованию квалифицированной рабочей силы. Масштаб их численности и уровень мастерства, достигнутый в городах Великого Хорасана, позволяет предположить, что аналогичных специалистов нельзя было найти в менее развитых регионах или среди кочевых сообществ. На рубеже XIII века центрами высокого уровня ремёсел считались именно города: Бухара, Самарканд, а также более отдалённые экономические центры мусульманского Востока, такие как Багдад и Дамаск.

Миграция таджиков в Китай в период XIII–XV веков представляет собой один из ключевых эпизодов демографической и культурной трансформации Восточной Азии. Эти процессы оказали существенное влияние на формирование городских центров, ремесленной инфраструктуры, научного и инженерного потенциала северного Китая, а также на административную организацию государств, возникших на территории бывшей Монгольской империи.² Наиболее масштабное переселение наблюдалось в эпоху монгольской династии Юань (1271–1368) и продолжалось частично при последующей династии Мин (1368–1644). Основой для их изучения служат как письменные источники средневековых хронистов, так и современные исследования, в частности работы Финг Цинь Юаня «Исламская и иранская культура в Китае»³, позволяет проследить причины, характер и результаты этих миграций.

¹ ۲۰۴-۲۰۳ - ج. طوطه اب ن رح لة ب طوطه اب ن

² 陳垣. 元西域人華化考 (Текстовые исследования хуэй-хуэй западных регионов в период династии Юань) 「稿本」. (八卷). –北京-1934.

³ Финг Цинь Юань. Исламская и иранская культура в Китае [Текст] /Перс. перевод Мохаммада Джавада Умединия. – Тегеран, 1998. – С.291.

Период правления династии Юань, основанной монголами под руководством Хубилай-хана, играет ключевую роль в истории таджиков в Китае, так как в это время использование принудительных переселений населения служило средством укрепления власти и поддержания стабильного функционирования государства. Масштабные разрушения, вызванные монгольскими завоеваниями в XIII веке, включая падение Великого Хорасана и других крупных городов, стали катализатором перемещений населения. В процессе этих перемещений значительная часть таджикских специалистов была включена в административно-экономическую систему Юань, где их навыки использовались для строительства городов, дворцов, оборонительных сооружений, а также развития ремесел и науки.¹ Источники такие как «Юаньши» и «Джами ат-Таварих» указывают, что большинство этих людей были вынуждены покинуть родину, зачастую в условиях насилия, разрушения их городов и угнетения, и рассматривались монгольской властью как «военная добыча» или рабочая сила для нужд империи².

Завоевание империи Южный Сун и создание новых административных центров требовали значительных трудовых ресурсов, для чего монгольская власть активно использовала принудительно переселённых таджиков. Они формировали специализированные мастерские, участвовали в строительстве, развивали ремесла и технологии, перенесённые из городов, таких как Самарканд, Бухара, Мерв и Нишапур. При этом перемещённые специалисты не рассматривались как простые рабочие, их знания и опыт использовались в стратегически важных сферах.³

Официальный исторический свод «Юаньши», составленный в 1369 году в первые годы правления династии Мин, является фундаментальным

¹ Кадырбаев, А.Ш. «Таджики» Китая [Текст]: история и современность / Кадырбаев, А.Ш. // Общество и государство в Китае. – Москва, 2010. – №1.– С. 180-183;

² شیدالدین فضل الله همدانی. جامع التواریخ. ج-۲، تهران-۱۳۷۳، ص. ۲۹۷۷

³ Kenneth W. Morgan. Islam, the Straight Path [Text]: Islam Interpreted by Muslims // Chapter 9: Islamic Culture in China by Dawood C. M. Ting. – New York, 1958. – P.453.

источником для изучения политики династии Юань в отношении таджиков¹ и их роли в административной и культурной жизни государства. В период правления династии Юань (1271–1368 гг.) Китай находился под властью монгольской династии, став одной из основных частей бывшей Монгольской империи, территория которой простиралась от Восточной Азии до Центральной Азии и Ближнего Востока. В этих условиях политика императоров Юань была направлена на эффективное управление многоэтничным и многокультурным государством.²

Согласно «Юань ши» (元史), одной из главных причин миграции таджиков в Китай стала целенаправленная политика монгольских правителей, которые стремились привлечь в свои земли специалистов из таджикских регионов. Согласно тексту Юань ши, эти специалисты, обладающие опытом управления, иностранными языками и практическими навыками, занимали ключевые посты, что помогало монголам укреплять контроль над территорией и эффективно развивать инфраструктуру, включая строительство ирригационных систем и транспортных систем.³

В «Юань ши» отражено, что переселенцы получили особый статус «сэму»⁴ (色目人), что отличало их от как коренного населения, так и других этнических групп в империи. Этот статус не только предоставлял им определённые юридические и социальные привилегии, но и стимулировал приток таджикского народа в китайские земли, так как они могли рассчитывать на защиту и поддержку со стороны государства. Аналогично «Islam during the

¹ В «Юань ши» этоним «таджики» в современном значении не употребляется. В официальных китайских хрониках персоязычные выходцы из Хорасана и Мавераннахра фиксируются главным образом в составе группы «сэму» (色目人) и под обобщающим наименованием «хуэйхуэй» (回回).

² Юань ши (元史, История династии Юань) [Текст] / Под ред. Сунь Ли, Ван И. – Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 1976. – Т. 134-135.

³ 宋濂 编. 《元史》 (Юань-ши [Текст]: История династии Юань). – 北京: 中华书局, 1976. – 210 卷. 元史.

⁴ В период правления династии Юань термины «色目人» (сэму) и «回回» (хуэйхуэй) использовались для обозначения мусульман, происходивших преимущественно из частей Мавераннахра и Хорасана включая народы, предков современных таджиков. Эти группы, как правило, говорили на персидском языке и имели соответствующее этнокультурное происхождение.

В эпоху Мин значительная часть мигрантов и их потомков постепенно адаптировалась к китайской среде: они нередко принимали китайские фамилии, заключали межэтнические браки и включались в местное общество под обозначением «хуэй» (回), при этом продолжая исповедовать ислам. По происхождению речь шла преимущественно о выходцах из персидско-центральноазиатского региона (персы, тюрки).

Yuan dynasty» («Ислам во времена династии Юань») отмечает, что таджики были включены в касту Сему, которая занимала второе место после монголов, и активно участвовала в правительственные структурах.¹

Таким образом, «Юань ши» показывает, что принудительная миграция таджиков в Китай во времена империи Юань также имела ярко выраженный политический и экономический характер, это была политика государственного стимулирования, направленная на усиление контроля над территориями и развитие империи с помощью квалифицированных и лояльных кадров из мусульманского мира.

В некоторых случаях, как было отмечено значительная часть таджикских семей мигрировали вынужденно, как результат насилия, потери родины, потери инфраструктуры и угнетения. Особенно подчёркивается, что эти люди «утратили надежду вернуться на родину, остались без родины и без крова».²

Таджикские ремесленники и специалисты не считались простыми беженцами, а становились частью управленческих и хозяйственных структур империи. В новых условиях они оказывали существенное влияние на развитие Китая, занимая ключевые позиции в строительстве, ремеслах, науке и торговле, и фактически интегрировались в жизнь страны, несмотря на исходно вынужденный характер своего переселения. Они были не просто беженцы, но и жертвы стратегических решений, захваченные воины, ремесленники, архитекторы и купцы были включены в империю как часть административной системы. В Китае они больше не считались иностранцами, а, наоборот, стали «занимать активную позицию хозяев»³.

Несмотря на военные причины, значительную роль в миграции играли экономические интересы. Однако более значимым в долгосрочной перспективе оказалось именно добровольное переселение. Торговцы из стран Таси (объединённый термин для обозначения мусульманских территорий) ежегодно

¹ Frank, A. D. Islam across the Oxus [Text] / A. D. Frank, // Islam and Asia: A Cultural, Social, and Political History / ed. by Y. M. L. Marsh. – Cambridge: Cambridge University Press, 2024. – P. 348.

² Финг Цинь Юань. Исламская и иранская культура в Китае [Текст] /Персидский перевод Мохаммада Джавада Умединия. Тегеран, 1998. – С.163.

³ Там же. – С.194

пересекали путь в Китай, часть из них оставалась жить, создавая общины в городах Чжуннань, Гуанчжоу, Чюаньчжоу и других. Как отмечает Р. Д. Мачесни, опираясь на свидетельства Рашидаддина, в период становления государства Юань наблюдалось масштабное перемещение сотен тысяч иранских мастеров и учёных в Китай, что способствовало укреплению его административных и научных институтов¹. Эти торговые связи укреплялись благоприятной политикой китайских императоров, которые даже строили мечети для прибывших купцов и солдат, например в Чжун Оне, что создавало условия для оседлой жизни.

Миграция в таком контексте приобретал характер не только вынужденного переселения, но и мобилизации ресурсов под нужды монгольской империи Юань. Речь шла об организованном привлечении специалистов, занятых в возведении административных центров, оборонительных укреплений, религиозных комплексов, торговых рядов, банных помещений и караван-сараев.² Архитектурный облик сохранившихся мечетей в Чюаньчжоу, Гуанчжоу и Ханчжоу демонстрирует использование элементов персидской, центральноазиатской и тимуридской строительной традиции, адаптированной к условиям китайской среды.³

По данным каталога выставки «The World of Khubilai Khan: Chinese Art in the Yuan Dynasty» [Мир Хубилая: китайское искусство эпохи династии Юань], организованной Метрополитен-музеем, именно переселённые мастера внесли значительный вклад в развитие декоративно-прикладного искусства XIII–XIV вв. Их влияние прослеживается в архитектуре, керамике, ювелирном деле, где наблюдается синтез китайских и иранских традиций.⁴

Кроме того, причиной миграции таджиков была обусловлена и более широкими геополитическими процессами – завоеваниями монголов,

¹ Machesney, R. D. Persian Influence on Mongol Administration [Text] / R. D. Machesney // Journal of Asian Studies, 1998. – vol. 57. – №4. – P. 215.

² Lane, G. The Phoenix Mosque of Hangzhou and the Persians of Medieval China [Text] / G. Lane. – London: University of London, 2018. – P.45-60.

³ Jinyuan Feng. Architectural Styles of Mosques in China [Text] // From Anatolia to China: Islamic Art and Architecture. – Leiden ; Boston: Brill, 2009. – P. 45-78.

⁴ Metropolitan Museum of Art. The World of Khubilai Khan [Text]: Chinese Art in the Yuan Dynasty. – New York, 2010. – C. 55-60.

интеграцией различных регионов и созданием новых торговых путей, таких как Великий шёлковый путь. В этих условиях таджикские торговцы и ремесленники находили в Китае благоприятные условия для своей деятельности, что дополнительно способствовало их переселению и закреплению.

В эпоху Юаня отношения таджикского народа с Китаем получили новое развитие, которое представлялось своего рода возрождением древнего влияния таджикской культуры на этой земле. После монгольского инцидента число мусульман в Китае стало увеличиваться, по словам китайского исследователя Финг Цинь Юаня, «после ислама искренние экономические отношения, торговля, дружественная и миролюбивая внешняя политика привели к миграции многих мусульман в Китай и открыли новую эру в дружественных отношениях между Китаем и странами Запада»¹.

Период правления династии Юань (1271–1368) характеризуется масштабной социальной и этнической инженерией, в рамках которой таджики (хуэй–хуэй) занимали промежуточное положение в иерархии, уступая монголам, но превосходя китайцев–хань по ряду привилегий, включая налоговые льготы, доступ к государственной службе и право на владение землёй. Социальная организация таджикских общин в Китае с XIII по XV век отличалась высокой степенью институциональной автономии и уникальным синтезом религиозных и светских функций. В результате миграций формировались компактные общины, способные сохранять собственные административные и социальные нормы.²

Внутреннее управление таджикских общин основывалось на институциональных моделях, аналогичных городскому самоуправлению на Ближнем Востоке, и отличалось высокой степенью автономии.³ Ключевой

¹ Финг Цинь Юань. Исламская и иранская культура в Китае [Текст] / Персидский перевод Мохаммада Джавада Умединия. – Тегеран, 1998 – С.272

² 张金銘. 元代地方行政制度研究 (Исследование системы местного управления в эпоху Юань). - 合肥: 安徽大学出版社, 2001. - С. 76–80.

³ Cho W. Negotiated Privilege: Strategic Tax Exemptions Policies for Religious Groups and the Mongol-Yuan Dynasty in 13th-Century China. - Leiden: Brill, 2018. - P. 1–24.

фигурой являлся кад-худа (каддхо)¹, глава общины, который одновременно исполнял функции суда, администрации и посредника между общиной и китайскими властями. Он разрешал внутренние споры, руководил общественными мероприятиями и представлял интересы таджиков в дипломатических и торговых вопросах. Хотя кад-худа действовал относительно независимо внутри общин, его полномочия ограничивались китайской государственной властью, и при нарушении предписанных правил он мог быть наказан, вплоть до смертной казни, что подчёркивает двойственную лояльность общин: внутреннюю к собственным традициям, внешнюю к империи.²

Организация махалли, существовавшая ещё в период Тан и Сун, в эпоху Юань приобрела институциональную форму и стала главным механизмом самоуправления таджикских общин.³ Эта структура позволяла сохранять культурную идентичность и правовые нормы, несмотря на принудительные перемещения, и была адаптирована к китайской государственной системе. Махалла функционировала как «мини-община», в которой законы и традиции таджиков применялись в повседневной жизни, одновременно обеспечивая интеграцию переселённых групп в политическую и экономическую систему империи.

Помимо целенаправленных мер по перемещению ремесленников, важную роль в миграционных процессах играли также торговые контакты. Великий Шелковый путь и морские торговые маршруты связывали таджиков и Китай, что способствовало формированию крупных таджикских торговых общин в южных портах Китая, таких как Цюаньчжоу и Гуанчжоу. Эти портовые города, расположенные на пересечении международных торговых путей, превращались

¹ Кад-худа (или каддхо) являлся высшим представителем мусульманской общины. Он выступал как глава администрации района, исламский судья, имам мечети, посредник между мусульманской общиной и китайскими властями, а также проповедник и религиозный авторитет. Ему принадлежало исключительное право разбирать споры внутри махалли, и китайские власти не вмешивались в дела мусульман, если они решались в пределах юрисдикции каддхо. Его решения основывались исключительно на шариате и предписаниях Корана.

² Финг Цинь Юань. Исламская и иранская культура в Китае [Текст] / Персидский перевод Мохаммада Джавада Умединория. – Тегеран, 1998 – С. 26-27.

³ Endicott-West E. Mongolian Rule in China [Text]: Local Administration in the Yuan Dynasty. – Leiden: Brill, 1989. – P. 50-75.

в своеобразные анклавы, где таджики, лишённые выбора, формировали собственные кварталы, сохраняющие элементы родной культурной среды.¹ Подобные переселения сопровождались созданием торговых и ремесленных объединений, а также образовательных учреждений, однако инициатива их появления исходила не только от самих мигрантов, но и от властей, использовавших их знания и навыки в государственных интересах.²

Таким образом, миграция таджиков в Китай в XIII–XV веках представляла собой многогранный процесс, включавший насильственного перемещения учёных и ремесленников, экономическую экспансию через торговлю, культурно–религиозный обмен и военные конфликты. Этот комплекс факторов не только формировал демографический и культурный ландшафт Китая в эпоху Юань и Мин, но и оказывал долговременное влияние на развитие мусульманских общин и международных связей региона.

Известный русский китаевед Палладий Кафаров (1817–1887) в своих исследованиях описывает процессы миграции и ассимиляции различных народов, особенно мусульман (хуэй), в Китай во времена завоеваний Чингисхана, а также их укоренение в китайском обществе следующим образом: «Наконец, когда завоевания Чингис–хана открыли широкий путь через Среднюю Азию между Востоком и Западом, вслед за завоевателями в новую страну, в Китай, двинулись из Сирии, Ирана, Мавераннахра и Уйгурии арабы, персы, таджики и уйгуры, с семьями и целыми родами, в качестве военнопленных, добровольных переселенцев, учёных, ремесленников и торговых людей. Многие из них, более или менее образованные, пользовались важными правами и особым вниманием монгольских ханов, занимали высокие должности в правительстве, становились воеводами, губернаторами городов и правителями провинций Китая. С учетом тех преимуществ, которые были им предоставлены по сравнению с местными жителями богатой Срединной

¹ 孙仲匀. 《中国与中亚文化关系史》(История культурных контактов Китая и Средней Азии). - 北京: 中国社会科学出版社, 1985. - 第256页.

² Хилленбранд, Р.Г. Торговля и культурные контакты между Ираном и Китаем [Текст] / Р.Г. Хилленбранд // Восток и Запад. – 2007. – №2. – С.267.

империи, они больше не думали о возвращении на свою родину и оставались в Китае на всю жизнь. Именно из этих разноплеменных переселенцев магометанского исповедания образовалась основная масса китайских магометан. Благодаря наследственному преемству и выгодам промышленности и торговли они укоренились на китайской земле и сохранили свой особенный характер до сих пор, в то время как представители других религий и народов – эликэунь (христиане несториане), чжухуды (иудеи), боланьги (франки), доли (лулли, цыгане) и другие – давно исчезли или, как иудеи, исчезают». ¹

В своих дневниках, русский ученый и путешественник Н. М. Пржевальский, совершивший многочисленные поездки в Китай, описывает «хуэй–хуэй», под названием «дунгане» следующем образом: «Дунгане, окитаезированные магометане, которые занимают второе место по количеству среди присининского населения. Пржевальский описывает, что общее число мусульман в уезде Синин провинции Ганьсу составлял примерно 50–60 семей. Он также пишет, что, по словам самих «дунган» они пришли на нынешнюю территорию 400 лет назад из окрестностей Самарканда вместе с имамом Раббани»². Под этнонимом «дунгане» подразумевались хуэйцзу, китайскоязычные таджики, проживающие на северо–западе Китая. Это те же ассимилированные мусульмане, которые говорят и одеваются как китайцы.

С течением времени таджикские переселенцы в эпоху империи Юань стали неразрывной частью китайского общества и оказали огромное влияние на историю и культуру Китая. Таджикский народ, проживавший в Китае в течение двух столетий в период правления династии Юань, внес значительный вклад в различных областях, таких как экономика, политика, военное дело, культурные дела и т.д., и занимал особое место в китайском обществе. В то время таджики составляли большую часть населения и занимали различные управленческие

¹ Кафаров, П. О магометанахъ въ Китаѣ [Текст] / Кафаров, П. // Труды членовъ Российской Духовной Миссии. – Типография Успенского монастыря при Русской Духовной миссии, 1910. – Т. 4. 2-е изд. – С. 203.

² Пржевальский Н.М. Путешествие [Текст] / Н.М.Пржевальского. – СП, – С.1038 из 1753.

должности, такие как административные и министерские должности, управление торговлей, финансовый контроль империи и т.д.¹

Представители таджикской среды, входившие в состав мусульманских общин, были вовлечены в систему государственного управления, финансового контроля и военного дела. Так, Саид Аджаль Бухари и члены его семьи занимали высокие административные должности и оказывали влияние на политическую и культурную жизнь юаньского Китая. Значительную роль в формировании финансово-административной политики империи играл Ахмад Фанакати (Байло Ахмат), деятельность которого была связана с управлением государственными доходами. Участие представителей таджикских кругов в строительстве и планировке столицы подтверждается деятельностью Ихтияруддина, известного как один из организаторов строительства Ханбалаыка. Эти примеры свидетельствуют о заметном положении выходцев из мусульманской среды в социальной и административной структуре империи Юань.

Также следует отметить что, при династии Юань, таджики работали не только на министерских должностях или службах контроля за финансами империи, но и в области науки, культуры, обороны, здравоохранения и т.д. Таджикские мигранты были, в первую очередь, научными и культурными пропагандистами среди китайского народа, они занимались изданием научных достижений, изобретений и инноваций, что было доступным для народа, а также способствовало развитию китайской науки и образования.² Таким образом, можно представить статус и значение таджикских переселенцев в период правления династии Юань. Тем самым, научная и культурная деятельность таджиков обеспечил дальнейшее их проживание и стало еще одной из причин миграции таджикского народа в Китае.

Уже с конца XIII века таджики составляли значительную часть населения северо-запада Китая, крупные общины последователей ислама появились на

¹ Финг Цинь Юань. Исламская и иранская культура в Китае [Текст]: Персидский перевод Мохаммада Джавада Умединория / Финг Цинь Юань. – Тегеран, 1998 – С. 117.

² Финг Цинь Юань. Исламская и иранская культура в Китае [Текст]: Персидский перевод Мохаммада Джавада Умединория / Финг Цинь Юань. – Тегеран, 1998 – С. 163.

равнине Хуанхэ, на юго-западе, в Юньнани и других районах.¹ В период Юань вошло в обиход традиционное наименование китайских мусульман, хуэй-хуэй или ху-эйхэ, а среди самих хуэй и дунган «ло-хуэй-хуэй», почтенные мусульмане.² С Юаньского времени идет начало формирования этно-религиозной группы китайских мусульман в северо-западном районе Китая. Изначально она представляла собой смесь китайцев, представителей тюркских народностей, монголов, тибетцев, таджиков, арабов, которые уже к XIV веку слились в единую группу мусульман, жителей Юаньской империи, говоривших в основном по-китайски. Именно эта группа составила основу китайских мусульман северо-запада Китая, частью которых явились современные хуэй.³

Когда правление династии Юань подошло к концу, многие монголы, а также пришедшие с ними таджики остались в Китае, большинство их потомков взяли китайские имена и влились в многообразный мир китайской культуры. Династия Юань просуществовала примерно девяносто лет (1279–1368 гг.), после её свержения к власти пришла династия Мин. При династии Мин, правившей почти три столетия, с 1368 по 1644 гг. н.э., таджикский народ внес большой вклад в жизнь Китая.

Монгольское нашествие XIII века не только разрушило города, но и стало причиной массовых миграций населения в Китай и другие регионы. Принудительные миграции сопровождались гибелью значительной части таджикского населения, разорением экономики и упадком городской цивилизации.⁴ В то же время это создало условия для долгосрочного заселения тюрко-монгольскими племенами, что на века изменило социальный, этнический и культурный облик Средней Азии. В дальнейшем процесс этнической трансформации усилился. В Великом Хорасане власть постепенно

¹ 色目人 (Люди различных категорий) // 中国大百科全书 (Большая китайская энциклопедия). – 北京: 中国大百科全书出版社, 1993. – 第3卷. – 第214–216页.

² 中国社会科学院民族研究所. 《中国回族简史》 (Краткая история хуэйцзу). – 北京: 民族出版社, 1980年. – 第45-47页.

³ Rossabi M. Muslims in the Yuan Dynasty [Text]/ M.Rossabi // Asia Major. 1979. – Vol. 24, № 2. – P. 1-23.

⁴ Сайдов, А. Вазъи сиёсии Хурросони Бузург ва Эрон дар асри XIII – нимай аввали асри XIV [Матн] / А. Сайдов . – Душанбе, 2025. – С. 71-229.

перешла к тюркским и тюрко-монгольским династиям, включая Тимуридов, которые, несмотря на таджикскую культурную основу, происходили из тюркской среды.¹

Принудительная миграция жителей Великого Хорасана была двойственной по своему характеру: с одной стороны, она стала трагедией для региона, лишившегося части человеческих ресурсов и культурных кадров; с другой, открыла возможности для мощного культурного обмена, способствующего развитию китайской цивилизации XIII–XIV веков. Политика монгольских правителей, направленная на использование человеческого потенциала покорённых земель, стала важным этапом формирования таджикской диаспоры в Китае, оказавшей заметное влияние на культурное и социально-экономическое развитие страны в XIII–XV вв.

Эти миграции оставили долговременные следы, выходцы из Великого Хорасана способствовали распространению персидской культуры, которые постепенно интегрировались в многообразный культурный мир Китая. Таким образом, история принудительных переселений демонстрирует, что насилие и разрушение сопровождались также формированием новых связей и культурного синтеза, результата которых ощущались в течение многих веков.

1.3. Миграция таджиков в Китай и ее влияние на китайское общество в XIII–XV веках.

Масштабные миграционные процессы XIII–XV вв. существенно изменили социально-экономическую и культурную структуру Китая. Если в начале XIII века переселения таджиков носили принудительный характер, то со временем они приняли более устойчивые формы, через торговлю, ремесло, военную и административную службу. В результате сложились значимые таджикские общины на севере и юге Китая, оказавшие долгосрочное влияние на управление, хозяйство, науку и культуру. Анализ данного раздела выявляет

¹ Амиршохӣ, Н. Таърихи ҳалқи тоҷик [Матн] / Н. Амиршохӣ // Барафтодани иқтисодӣ ва маскуншавии турку мутул бори дигар дар Тоҷикзамин. – Ҳуҷанд, 2008. – С.321

результаты, выражающиеся в политической интеграции таджиков в имперские структуры Китая, их участии в хозяйственной жизни регионов, процессах культурной адаптации при сохранении элементов собственной этнокультурной идентичности, а также в укреплении связей между пространством Великого Хорасана и Китаем.

В XIII–XV вв. переселение таджиков в Китай привело к тому, что они стали неотъемлемой частью китайского общества и оказали значительное влияние на различные сферы жизни страны. Уже в первые десятилетия XIII века, когда монгольские войска совершали западные экспедиции, группы таджиков из Великого Хорасана переселялись в Китай как по принуждению, так и добровольно. Среди них были торговцы, учёные, религиозные деятели и чиновники, которые расселились в ключевых торговых и политических центрах империи.¹

Юань ши (История династии Юань) фиксирует, что значительная часть таджикского населения Китая была занята в сфере скотоводства и земледелия, при этом многие представители данных общин активно участвовали в развитии городской инфраструктуры.² Особенно многочисленные мусульманские общины, связанные с выходцами из Великого Хорасана, сложились в Гуанчжоу, Цюаньчжоу, Ханчжоу, Янчжоу и Чанъане (современном Сиане). В этих городах они формировали обособленные кварталы, возводили мечети и общественные кладбища. Археологические материалы из Цюаньчжоу, датируемые XIII–XIV вв., свидетельствуют о наличии захоронений, выполненных в соответствии с исламской погребальной традицией, что указывает на устойчивый и продолжительный характер проживания данных общин.³

В статье Ахмада Резаии приводится анализ ряда надгробных надписей XIII–XIV вв. с персидскими эпитафиями, обнаруженных в Ханчжоу и

¹ Raphael Israeli. Islam in China [Text]: religion, ethnicity, culture and politics. – Lexington Books Maryland, 2002. - P. 350.

² Юань ши (元史) / История династии Юань [Текст] / Сост. Сун Лянь и др. – Пекин: Zhonghua Shuju, 1976. – 210 цзюаней (томов).

³ Финг Цинь Юань. Исламская и иранская культура в Китае [Текст] / Персидский перевод Мохаммада Джавада Умединия. – Тегеран, 1998. – С.49-51

Цюаньчжоу. Среди них выделяется памятная плита 716 г. хиджры (1316–1317 гг.) с упоминанием имени Ходжи Шамс аль-Хак Мухаммада ибн Ахмада Исфахани (اصفهانی احمد بن محمد الحقشمس خواجه), что служит прямым доказательством устойчивого проживания персоязычных выходцев, включая представителей Великого Хорасана, в данных городах.¹

Со временем таджики начали заключать браки с местным населением, и их потомков называли термином фан–кэ (番客), что буквально означает «гости из отдаленных регионов»². Это способствовало постепенной ассимиляции, но при этом сохранялись элементы этнической и культурной идентичности. В период династии Юань таджики были объединены в категорию хуэй–хуэй (回回),³ занимавшую важное место в социальной иерархии империи. Их относили к группе сэму–жэнь (色目人, «люди из разных земель»),⁴ пользовавшейся особым правовым статусом и активно привлекавшейся к службе в армии, торговле и государственной администрации.

Приведенные выше сведения о переселении таджиков подтверждаются выводами О.И. Завьяловой, эту же точку зрения отстаивает американский исследователь, Берзин, который указывает, что «большинство «хуэй» составляли среднеазиатские таджики, привезенные в Китай ханом Хубилаем в 1270–х годах, насчитывавшие, от двух до трех миллионов человек. Они служили в качестве военных резервистов, помогали Хубилаю в завоевании Южного Китая в 1279 году, а в мирное время расселились по всему Китаю в качестве купцов, сельскохозяйственных рабочих и ремесленников».⁵

Приведенная А. Берзином информация о численности среднеазиатских таджиков т.е. «хуэй»–цев в Китае соответствует имеющимся данным 2–3 млн.

¹ شماره ۲۰، چ لد – ۱۴۰۲. – آس یا هنر و فرهنگ مطالعات // چ بن در ب از مازده فارسی اشعار ب ررسی: خامو شان آوای احمد رضایی، ۲۰۰۷. جو در فارسی هنوز ش تگ ور و هاک ت پ به» بخش – ۸-۹. . صص

² Базанова Е.А. Трансформация религиозных течений в современном Китайском Исламе [Текст] / Е.А. Базанова // Вестник РУДН, серия Всеобщая история. – М.:2009. – №4. – С.95.

³ Schottenhammer, Angela. Huihui Medicine and Medicinal Drugs in Yuan China. In Eurasian Influences on Yuan China, ed. Morris Rossabi and Tansen Sen [Text]. – Singapore: ISEAS Publishing, 2013. – P. 75-102.

⁴ Louise Levathes. When China ruled the seas [Text]: the treasure fleet of the Dragon Throne, 1405-1433. – New York: Oxford University Press, 1996. – P 252.

⁵ Берзин, А. Исторический очерк о китайских мусульманах народности хуэй [Электронный ресурс]: http://www.berzinarchives.com/web/ru/archives/study/islam/historical_interaction/overviews/history_hui_muslims_china.html Дата обращения 27.08.2023

человек, хотя цифра может быть гораздо выше. Следует отметить, что утверждение ученого о создании большой таджикской армии и ее вкладе в объединение Южного и Центрального Китая, находит подтверждение в работах Джувайни и Джузджани¹.

А. Берзин также отмечает, что «по мнению многих ученых, основатель ханьской династии Мин, коренной китайской династии, правивший Китаем после монголов, был по происхождению хуэй, хотя этот факт хорошо скрывался. Тем не менее, чтобы защитить хуэй от предрассудков ханьских китайцев, он издал закон, согласно которому хуэй были обязаны жениться, говорить и одеваться по-китайски».² С этого времени начинается утрата языка и самобытного культурного наследия таджиков в Китае. Хотя в религиозном плане ханафитский мазхаб суннитов, приверженцами которого они были, сохранили по сегодняшний день.

Таким образом, результаты переселения таджиков в Китай проявились не только в изменениях демографической структуры отдельных регионов, но и в трансформации экономических отношений, формировании новых культурных традиций и укреплении связей между Китаем и Великим Хорасаном.³

Анализ последствий переселения таджиков позволяет выделить ряд сфер, в которых их представители принимали участие, включая государственное и административное управление, военную и инженерную деятельность, архитектуру и иные области. Привлечение выходцев из таджикской среды к этим направлениям отражает их включённость в общественно-политическую и хозяйственную жизнь Китая и свидетельствует о востребованности их профессиональных знаний и навыков в различные исторические периоды.

¹ Джувейни, Ата-Мелик. Чингис-хан. История Завоевателя Мира [Текст] / Пер. с перс. Е. Е. Харитоновой. – М.: Издательский дом «Магистр-Пресс», 2004. – С. 120-135, 280-300; Минхадж ад-Дин Джузджани. Табакат-и Насири. Пер. с перс., комм. А. К. Арендса. – Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1957. – С. 220-250, 400-430.

² Берзин, А. Исторический очерк о китайских мусульманах народности хуэй [Электронный ресурс]: http://www.berzinarchives.com/web/ru/archives/study/islam/historical_interaction/overviews/history_hui_muslims_china.html. Дата обращения 27.08.2023

³ Завьялова, О.И. Великий шёлковый путь и персидская составляющая современного китайского ислама [Текст] / О.И. Завьялова 2015. – № 4.– 96 с

Наглядным примером является, вклад семьи Саида Аджалла Бухари,¹ их политическая деятельность, которая используется до наших дней государственными чиновниками и политиками Китая в своих политических действиях для благополучия Китая.

Для понимания причин значительного присутствия таджиков в Китае необходимо обратиться к периоду завоевательных походов Чингис-хана в регионы Великого Хорасана. Как упоминалось выше, уже в ходе первых экспедиций монгольские войска массово переселяли в Монголию и Китай ремесленников и мастеров из захваченных городских центров, население которых в большинстве состояло из таджиков.

Этнические и демографические изменения. Переселение таджиков в Китай в XIII–XV вв., происходившее в условиях господства династий Юань и Мин, стало важным фактором трансформации этнокультурной структуры населения страны. Таджики, являясь частью широкой ираноязычной общности выходцев из Великого Хорасана, закреплялись в различных регионах Китая и постепенно вовлекались в социально–политическую и экономическую жизнь.

Изменение этнической ситуации особенно проявилось в западных провинциях, Синьцзяне, Ганьсу и Цинхайе. Рашидаддин в «Джами ат–таварих» упоминал о ремесленниках и купцах из Великого Хорасана переселённых в Китай монголами для службы в армии и мастерских.² В южных портовых городах, таких как Цюаньчжоу и Ханчжоу, археологически засвидетельствованы многочисленные надгробные надписи на персидском языке XIII–XIV вв.,³ среди которых встречаются имена выходцев из Бухары, Самарканда и Кашгара. Среди них выделяются фигуры Камал–ад–Дина Исфахани (религиозный лидер), Тадж–ад–Дина Ардавили (судья выполнявшего правовые функции в среде переселенцев) и Шараф–ад–Дина Табризи (купец), их деятельность иллюстрирует прочное укоренение выходцев из Великого

¹ 宋濂 编. 《元史》 (Юань-ши [Текст]: История династии Юань). – 北京: 中华书局, 1976. – 125 卷. «賽典赤·贍思丁傳».

² Рашидаддин. Джами ат–таварих [Текст] / Пер. с перс. Л. А. Хетагурова. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. – Т. 1.– С.102-123

³ Chen Dasheng. Studies on Islamic Epigraphy of Quanzhou [Text]. – Beijing: Science Press, 2019. – P.45-63.

Хорасана в южных портах Китая и свидетельствует о формировании устойчивых кварталов с собственной системой управления и культурной инфраструктурой¹.

Формирование общины хуэй происходило в условиях интенсивного культурного взаимодействия. Таджики демонстрировали лояльность китайской власти и участвовали в строительстве империи, но при этом стремились сохранить этническую и культурно-религиозную обособленность, что иногда приводило к конфликтам, земельным спорам, борьбе за ресурсы и разногласиям в религиозных практиках.

Особое значение имела их транзитная роль, находясь на перекрестке между Великим Хорасаном и Китаем², таджики выступали посредниками в культурном и экономическом обмене. Благодаря родному таджикско-персидскому языку, родственным и торговым связям с регионами Великого Хорасана, они стали важным каналом интеграции, способствовавшим развитию дипломатических отношений, трансферу технологий, распространению архитектурных стилей и письменной культуры³.

В результате взаимодействия процессов миграции, интеграции и адаптации таджики, как часть иранской цивилизационной традиции, стали составной частью населения Китая, сохранив при этом элементы своей культурной идентичности. Это обеспечило формирование общности хуэй, чья историческая специфика связана с наследием исламского Востока и вкладом таджикских общин в социальную и культурную жизнь Китая.

Экономические воздействия. Миграция таджикских общин в Китай, начавшаяся в период монгольского владычества (XIII в.) и продолжавшаяся в последующие столетия, способствовала формированию новых экономических связей и развитию отдельных отраслей хозяйства. Таджики, обладая значительным опытом в земледелии, ирrigации, ремеслах и торговле, внесли

¹ Kamal al-Din Esfahani, Taj al-Din Ardashili, Sharaf al-Din Tabrizi in Quanzhou // Encyclopaedia Iranica. – New York, 1991. – Vol. V, Fasc. 6. – P. 578-582.

² Там же. С. 185–188.

³ Финг Цинь Юань. Исламская и иранская культура в Китае [Текст]: Персидский перевод Мохаммада Джавада Умединория / Финг Цинь Юань. – Тегеран, 1998. – С.168

практические знания, позволившие повысить эффективность сельского хозяйства и улучшить систему водопользования в западных и северо-западных провинциях, включая Синьцзян и Ганьсу. Их участие отмечается также в развитии инфраструктуры, строительстве караванных дорог, мостов и укреплённых пунктов, обеспечивавших стабильное движение товаров и безопасность торговых путей¹.

Важное свидетельство этих процессов содержится в трактате «Хитайнаме» Сайида Али Акбара Хитай (Хитои), уроженца Мавераннахра, составленном в первой трети XVI века на персидско-таджикском языке. Описывая своё путешествие по Китаю, включая посещение Ханбалика (нынешнего Пекина), автор подчёркивает заметное участие мусульман, в том числе таджиков, в экономической, административной и торговой жизни страны.² Он указывает на развитую сеть городов и безопасные дороги, которые обеспечивали движение торговых миссий и стабильность товарообмена: «...в течение многих дней и ночей мы шли по городам и ни разу не нуждались в ночлеге под открытым небом».³ Этот фрагмент отражает существование развитой инфраструктуры, возникшей во многом благодаря активному участию таджикских купцов и ремесленников, начиная с XIII века.

В «Хитайнаме» также подчеркивается изобилие и доступность товаров на китайских рынках: «Все товары были столь дешевы, что нам казалось, мы попали в рай».⁴ Подобное описание свидетельствует о насыщенности внутреннего рынка и развитии экспортно-импортных операций, в которых таджикские купцы играли важную роль. Со временем они прочно обосновались в ключевых торговых центрах Пекине, Сиане и Гуанчжоу, став неотъемлемой частью экономической системы Китая.

¹ Eiren Shea. The Spread of Gold Thread Production in the Mongol Period[Text]: A Study of Gold Textiles in the China National Silk Museum, Hangzhou // Journal of Song-Yuan Studies, 2021. – Vol. 50 (2021). – P. 366-378

² Хитай, Али Акбар. Хитайнаме [Текст] / под ред. И. Афшара. – Тегеран: Центр аснад и культуры Азии, 1993. – С. 266.

³ Там же. – С.42.

⁴ Там же. – С.38.

По сведению китайских источников, в частности, «Юань ши» (元史, «История династии Юань») и «Мин ши» (明史, «История династии Мин»), значительное число таджиков из Великого Хорасана (в источниках называемых «Да ши» 大食 или «Хуэйхуэй» 回回) занималось организацией караванной торговли и строительством постоянных дворов (чжай 落), что обеспечивало развитие сухопутных коммуникаций и формирование инфраструктурной сети¹.

С XIII века таджики активно использовались монголами как сборщики налогов, казначеи и управленцы. Эта традиция сохранялась и в поздний период, что видно из повышенного статуса таджикских представителей в торговых миссиях: «И я, как глава каравана, встречался с чиновниками (мусульманами) и получал документы на проезд»².

Такое положение предполагает признание за мусульманами (таджиками) не только экономических, но и административных функций, вытекающих из раннего переселения и их институциональной роли в имперской системе.

Сайд Али Акбар также описывает ценовую стабильность и наличие стандартизованных обменных курсов: «Один динар стоил сто мер зерна»³.

Это свидетельствует о функционировании валютного обмена, в котором участвовали таджикские торговцы, применяя расчёты, характерные для исламского мира. Их присутствие способствовало проникновению в Китай финансовых практик Ближнего Востока.

Стабильное положение таджиков в Китае, отражённое в «Хитайнаме», показывает результаты длительного процесса их интеграции. Таджикская диаспора выступала посредником не только в торговле, но и в передаче знаний, технологий и медицинской практики. Она сформировала особое сообщество,

¹ 元史 [Юань ши / История династии Юань] / 宋濂 等编撰. – 北京: 中华书局, 1976. – 卷210, 列传第128 《回回传》 [Биография Хуэй-хуэй]; 明史 [Мин ши / История династии Мин]. 卷332, 外夷三 《西域诸国传》 [Биографии западных регионов]. – 北京: 中华书局, 1974.

² Хитай, Али Акбар. Хитайнаме [Текст] / под ред. И. Афшара. – Тегеран: Центр аснад и культуры Азии, 1993. – С.51.

³ Там же. – С.44.

соединявшее экономические и культурные традиции Китая и региона Великого Хорасана.

Экономические результаты переселения таджиков в Китай в XIII–XV вв. проявились в развитии караванной и городской инфраструктуры, расширении трансконтинентальной торговли, участии выходцев из Хорасана в финансовом управлении, формировании устойчивого денежного обращения с привлечением иноземных валют, а также в укреплении хозяйственных связей между Китаем и западными регионами.¹

Переселенцы из таджикской и арабской среды были включены в экономическую систему Китая и участвовали в хозяйственной деятельности, прежде всего в сферах торговли, финансового управления и ремесленного производства. Их присутствие и функции отражены в «Хитайнаме» и ряде сопоставимых памятников письменной традиции рассматриваемого периода.

Политические результаты и усиление государственного управления Китая. Переселение таджиков в Китай оказало влияние на политические процессы и систему государственного управления, особенно в контексте укрепления центральной власти в приграничных областях, сопредельных с Великим Хорасаном. Китайские династии Юань, а позднее Мин, активно привлекали таджикские общины к административной и охранной деятельности в западных районах империи. Они выполняли важные функции в поддержании порядка, регулировании торговли и обеспечении стабильности на пограничных территориях. Такая политика способствовала укреплению китайского влияния и более эффективному управлению стратегическими областями, служившими мостом между Китаем и западными странами.

Эти процессы особенно усилились в период правления династии Юань и продолжались при Мин. По данным как китайских, так и персидских источников, выходцы из Великого Хорасана активно включались в

¹ Fletcher J. The Naqshbandiyya in Northwest China. [Text] In: The Naqshbandis : Cheminements et situation actuelle d'un ordre mystique musulman. – Istanbul–Paris, 1988. – P. 283–304.

государственное управление, занимая должности военных губернаторов, казначеев, инженеров, переводчиков и астрономов.¹

Ещё в эпоху Юань таджики, как часть так называемой сему-чжэнь² (色目人), получали административные назначения в северокитайских провинциях и были опорой юаньского управления.³ Этот прецедент заложил основу для их дальнейшей интеграции в период Мин. Саид Али Акбар фиксирует присутствие влиятельных таджиков в городах, через которые он проходил: «В каждом городе, куда мы прибывали, нас встречали люди нашей веры, некоторые из которых занимали посты казначеев, воевод и даже судей»⁴.

Хотя в тексте часто используется обобщённое выражение «люди нашей веры», контекстно понятно, что речь идёт о мусульманах иранского происхождения, прибывших из регионов Великого Хорасана. Эти этноконфессиональные группы, известные в китайских источниках как хуэйхуэй (回回), играли роль своеобразной «служилой диаспоры», лояльной и компетентной прослойки, которой монгольские и китайские правители доверяли управление, особенно в новых или пограничных регионах.⁵ Это говорит о том, что таджикские чиновники не только обслуживали внутренние нужды китайского общества, но и играли ключевую роль в международной торговле и дипломатии.

Кроме того, известие о торжественном приёме посольства Тимурида Шахруха при китайском дворе в XV веке, в составе которого находились видные таджикские учёные и дипломаты, свидетельствует о высоком признании их статуса со стороны китайского императора.⁶ Отмечается, что

¹ 陳垣. 元西域人華化考 (Текстовые исследования хуэй-хуэй западных регионов в период династии Юань) 「稿本」. – 八卷.北京-1934.

² Сэму-чжэнь (色目人) – социально-административная категория населения эпохи Юань, к которой относили выходцев из Великого Хорасана, привлекавшихся к государственной службе и хозяйственной деятельности; см. «Юань ши», раздел «Сэму жэнь чжуань» (色目人传).

³ Моррис Россаби. От Юаня до современного Китая и Монголии [Текст]: Сочинения Морриса Россаби. – Бостон, 2014. – С. 514.

⁴ Хитаи Али Акбар. Хитаинаме. Совместно И. Афшар. – Тегеран [Текст]: Центр аснад и культуры Азии, 1993. – С. 55.

⁵ Dillon, Michael. China's Muslim Hui Community [Text]: Migration, Settlement and Sects. – Routledge, 2013. – P.232

⁶ Самарканди Абдурразак. Матла ас-садейн ва маджма аль-бахрейн [Текст] / ред. М. Шафи. – Лахор, 1946. – С. 220.

представители таджикской знати нередко составляли основу иностранных миссий и пользовались особым доверием благодаря своим глубоким знаниям, дипломатическим навыкам и профессиональным навыкам.

Таким образом, включение таджикских семей в административную и культурную среду Китая стало результатом не только целенаправленной миграционной политики XIII–XV вв., но и естественного процесса адаптации и укрепления их позиций в обществе. Подобная интеграция опиралась на высокий уровень образованности и профессиональной подготовки таджикской элиты, а также на её способность гармонично сочетать собственные культурные традиции с административными и хозяйственными потребностями китайского государства.

Следующим важным направлением взаимодействия таджиков с китайской цивилизацией стало языковое влияние. Язык, являясь одним из ключевых элементов культурной идентичности, также подвергся изменениям в результате миграции таджикских общин. Носители персидско–таджикской речи внесли заметный вклад в формирование языкового многообразия Китая, особенно в регионах их компактного проживания. Хотя китайский язык оставался основным средством официального общения, таджики продолжали использовать родной язык в повседневной, образовательной и религиозной практике.

Кроме того, постоянные контакты между таджикскими и китайскими сообществами способствовали формированию смешанных языковых форм, что особенно проявлялось в торговой и административной сферах. Языковое взаимодействие между таджиками и китайцами часто приводило к появлению смешанных языков, которые служили удобным средством общения между этническими группами.

Во времена империй Юань и Мин выходцы из Великого Хорасана, в том числе таджики, входили в состав особого сословия сэму (色目), объединявшего людей западного происхождения, занимавших важные государственные и административные посты. При Хубилай–хане (1215–1294) представители этого

сословия активно участвовали в культурной и образовательной жизни страны, что выразилось, в частности, в учреждении императором ряда академий и научных центров, способствовавших развитию образования и переводческой деятельности.

Известный китаевед А. Ш. Кадырбаев. в своей научной статье ««Мусульманские» языки и мусульманский культурный Ренессанс в Китае при Юань», приводит следующие слова: «В хронике Юань–ши сообщается, что в 1263 г. были учреждены Академии Ханьлинь и Ханьлинь–гоши–юань (Академии государственной истории). Хубилай–хан покровительствовал не только китайским деятелям культуры. В 1289 г. он поручил пяти чиновникам организовать преподавание языка «истифи»¹, т.е. персидского или фарси, наряду с монгольским и китайским ставшим в эпоху Юань государственным языком в Китае. «Шицзу (Хубилай–хан), чиновники Шаншушэна (Госсовета) высказали мнение, что язык «истифи» удобен для использования в делопроизводстве: «Сейчас Ифтихаруддин – [мусульманский ученый] из академии Ханьлинь знает этот язык. Я, [Хубилай–хан] полагаю, что вы предоставите ему пост сюеши [высокая ученая степень]. Всем сыновьям сановников и богатых людей следовало бы изучать этот язык ежедневно... «Государь [Хубилай–хан] приказал Машудину [Маджи–ад–Дину] (сыну Ифтихаруддина)² обучать [этому языку]», – сообщает «Юань ши». Маджи–ад–Дин стал с 1260 г. переводчиком, который «перевел много книг», а в 1282 г. главным министром при Хубилай–хане. В 1289 г. был учрежден Исламский государственный университет в Китае, где преподавался язык «истифи».³

Впоследствии Ифтихаруддин переводил с персидского на китайский труд, известный ныне в китайской медицине под названием «хуэй хуэй яофан» «Мусульманские лекарства», в 36 цзюонах (томах) на персидском и китайском языках, который составляли Ифтихаруддин и Дин Хонянь, мусульмане и

¹ По мнению исследователей, «истифи», еще называемый в китайских источниках эпохи Юань «пусуманьзы» или «пусалманский» язык – это фарси.

² Кадырбаев А.Ш. «Таджики» Китая [Текст]: история и современность». Общество и государство в Китае Москва, 2010. – №1. – С.472;

³ Huang Shijian. The Persian language in Chine during the Yuan dynasty [Text] Papers on Far Eastern history. – Canberra, 1986. – P.86-88

известные деятели юаньской науки и культуры¹. Также Ифтихаруддин перевел с персидского на монгольский язык один из памятников индийской литературы «Панджатантра» (Пять книг), последняя часть этой книги известна как «Калила и Димна».

Таким образом, юаньский двор учредил своеобразный исламский государственный университет в Китае в 1289 г. и преобразовал его в 1314 г. в мусульманское ведомство образования, где преподавался язык «истифи» и практиковались переводчики–мусульмане. Очевидно, понятия язык «истифи» и язык мусульман идентичны. Располагалось это учебное заведение в Ханбалыке и все переводчики «истифи» отбирались на государственную службу из этого заведения². Ещё в 1246 г. великий монгольский хан Гуюк вручил послу римского папы Плано Карпини послание, написанное по–монгольски уйгурским письмом с параллельными текстами по–латыни и на «сарацинском» языке. Этот, так называемый «сарацинский», текст сохранился до наших дней в Ватикане и оказался текстом на персидском языке³.

Персидский язык, фарси был официальным, третьим по значению в государственной канцелярии империи Юань после монгольского (основанного на уйгурской письменности) и китайского языков, продолжая традицию, сложившуюся ещё в империи Чингиз–хана и его первых наследников, где фарси был языком внешнеполитических документов, о чём свидетельствует упомянутый выше подлинник письма Гуюк–хана римскому папе и западноевропейским государям.

Во времена династии Юань значительная часть выходцев из Великого Хорасана, пользовалась персидским языком (фарси), который служил основным средством общения между представителями западных народов в Китае. Персидская речь получила широкое распространение в административной и торговой сферах, а также оказала влияние на лексику

¹ Huang Shijian. The Persian language in Chine during the Yuan dynasty [Text] Papers on Far Eastern history. – Canberra, 1986.– P.95

² Кадырбаев, А. Ш. Мусульманские языки и мусульманский культурный Ренессанс в Китае при Юань [Текст] // Общество и государство в Китае ИВРАН-2013. – №1 том43. – С.608

³ Там же. – С.608.

местных языков. В китайской письменности этого периода встречаются заимствованные персидские термины, например хачжи (хаджи), обозначение паломника, совершившего хадж.

В «Юань ши» (元史, История династии Юань), в разделе «Тянь–вэнь» (天文, «Астрономия»), упоминаются астрономические приборы, носящие персидские названия.¹ В эпоху Юань для обозначения языков, на которых говорила таджикская община, использовались термины хуэй–хуэй вэнь (回回文, «мусульманский язык»), исытифэй–вэнь (亦思替非文, «язык истифи») и пусумань–цзы (卜速蠻字, «язык пусуман»).² Как показывают современные исследования, анализирующие эти обозначения в китайских источниках, все они относились к персидскому языку.

В «Юань ши» также отмечается, что «язык истифи очень удобен при проверке цифр». Там же уточняется, что цифры «в истифи удобны были для всех, знающих или не знающих этот язык», что указывает на использование арабских чисел, распространённых через персидский язык. Распространение этих чисел в Китае связано с активной деятельностью персоязычных учёных и переводчиков в административных и научных учреждениях эпохи Юань.³

Персидский язык был важным носителем знаний и культурных ценностей в средневековом Китае, через который происходили письменные и устные отношения с другими государствами, влияния и взаимообогащения китайской и мусульманской цивилизаций. Следует отметить, что продвижение персидского языка в Китае было одним из важных вкладов таджикских мигрантов которые благодаря своим навыкам и талантам смогли создать один из официальных и международных языков, сыгравший значительную роль в государственном, экономическом, научном и культурном жизни этой страны.

¹ 宋濂 编. 《元史》 (Юань-ши [Текст]: История династии Юань). – 北京: 中华书局, 1976. – 第1123–1125页.

² 元史 (История династии Юань). 宋濂 等编撰. 卷. 134. 百官志 [Байгуань чжи - О должностях]. – 北京: 中华书局, 1976. - 第. 3149.

³ Huang Shijian. The Persian language in China during the Yuan dynasty [Text] / Huang Shijian // Papers on Far Eastern history. – Canberra, 1986. – P.94

Среди представителей правящей династии Чингизидов в Юаньской империи также были мусульмане, знающие арабский и персидский языки. Одним из таких был Ананда (Аньси-ван, «Князь умиротворения Запада»), внук Хубилай-хана и некоторое время наследник юаньского престола. Он изучал Коран и прекрасно владел таджикским письмом (тазик вэнь), что свидетельствует о сохранении традиции персидско-таджикской письменности и образования при дворе монгольской элиты в Китае¹.

Использование персидского языка первоначально использовалось в деловых целях, а после того, как таджики перешли на постоянную жизнь в Китае, начали использовать в школах, в своих национальных мероприятиях и в повседневной жизни. В то же время следует упомянуть, что таджикские семьи жили и работали в Китае до правления империй Юань и Мин, то есть с доисламской, исламской и постисламской эпохе, и таджикский язык использовался в качестве рабочий и международный язык, процветавший во времена империй Юань и Мин, использовали как один из государственных языков.

Так, например, церемония вступления в брак таджиков со временем принятия ислама и по сей день в соответствии с требованиями ислама жених и невеста должны ответить на вопрос муллы о своем согласии вступления в брак на родном таджикском языке. Только после этого мулла заключает брак между ними, и бракосочетание с религиозной точки зрения принимает законное основание.

Среди народности хуэй-цзу во время церемонии бракосочетания жених и невеста по сей день отвечают о своем согласии на таджикском языке. Об этом говорил председатель Исламского Центра Таджикистана Муфтий Сайдмукаррам Абдулкадырзаде, которому в период учебы в пакистанском религиозном университете довелось заключить брак между двумя молодыми хуэй-цзу, обучавшимися в том же университете. Он был немало удивлен, когда девушка-китаянка о своем согласии ответила принятыми у таджиков словами с

¹ Рашидаддин, Сборник летописей [Текст]. – МЛ, 1952. – Т.2. – С.189

китайским акцентом: «тану нафсам бахшидам» («буду принадлежать (ему) душой и телом»), а жених отвечает: «хостам ва кабулаш кардам ба зани» («беру (её) в жены по велению сердца»). Этот факт свидетельствует о том, что мусульмане хуэй-цзу, уже давно забывшие свой родной язык и принявшие китайский язык в качестве родного, до сегодняшнего дня сохраняют некоторые слова и словосочетания на языке, который когда-то был для них родным.¹

По сегодняшний день в топонимике Северо-Западного Китая можно встретить немало названий, корень которых имеет таджикско-персидские происхождения: например, название реки Яркентдарья (тадж. букв.: «река любимого города»), Джахансуй (тадж.: «Джахан» – мир, множество; «суй» – сторона, направление; или же «сой» – речка), Обинур (тадж: сияющая вода), названия гор и вершин Кухи Нор (тадж: Огненная гора), Лаби Нор (тадж: «лаб» – уста, губы; берег; обочина, край; «нор» – огонь; гранат; красный;), название городов Кульджа (тадж: «кул» – озеро; «джой» – место, местность, т.е. «Озерная местность», но иногда этот город называют Гулджа (тадж: «гул» – цветок; «джой» – место, местность, т.е. «Место цветов»), Яркент (тадж: «Яр» («Ёр») – любимый, друг; «Канд» – город, т.е. «Любимый город»), а также такие названия как «Хотан», «Турфан» и другие. Не случайно известный русский китаевед Н.Я. Бичурин Китайский Туркестан называл «Малой Бухарой».² Также, по Бартольду, «...Марко Поло при описании виденных им лично областей Китая приводит многие географические названия в их персидской форме»³.

Язык фарси был важным передатчиком знаний и культурных ценностей, при посредничестве которого осуществлялись контакты, взаимопроникновение и взаимообогащение китайской, исламской и монгольской цивилизаций. Никогда ещё, ни ранее, ни в последующие времена истории Китая, мусульманские народы и их языки, особенно фарси, не играли такой заметной роли в государственной, экономической, научной и культурной жизни этой

¹ Давлатзода, Д. Д. Мусульмане [Текст]: подлинная история расцвета и упадка / Д. Д. Давлатзода.– Москва: ЛитРес, 2020. – Книга 2.– С. 94-97.

² Бичурин, Н.Я. Статистическое описание Китайской империи [Текст] / Н.Я. Бичурин. – СП, 1842

³ Бартольд В. В. Сочинения [Текст]: Общие работы по истории Средней Азии / В. В. Бартольд. – М.: Наука, 1963. – Т. VI. – С.191.

страны, как это было в эпоху Юань при власти монголов, что способствовало возникновению такого феномена как симбиозная юаньская культура, неотъемлемой частью которой является мусульманский компонент.

Таким образом таджики выходцы из Великого Хорасана и их потомки следовали заветам пророка Мухаммада (с), который, как утверждают, говорил: «За знаниями не ленитесь даже идти в Китай, так как овладение знаниями обязательно для мусульман... Будьте учёными, или же учащимися, или же слушателями, любящими учёность. Если не будете принадлежать к перечисленным, то погибнете». ¹

Согласно некоторым сведениям, муллы пекинских мечетей вплоть до XIX века использовали книги на персидском языке, а хутбу перед пятничными или праздничными молебнами читали на фарси. Отсюда вытекает, что прихожане Пекинских мечетей вплоть до XIX века понимали персидскую речь, а то, для кого читать проповедь, если язык непонятный. Как пишет О. И. Завьялова «...китайские муллы ахуны, во всяком случае, на севере страны, умели читать персидские тексты вплоть до XIX века». ² Подводя итоги своего исследования, доктор О.И. Завьялова пишет: «Современные китаеязычные мусульмане хуэйцзу таким образом в значительной степени являются потомками переселенцев, попавших в Китай по суже в период монгольской династии Юань и большей своей частью живут сейчас к северу от важнейшей диалектной границы вдоль хребта Циньлин и реки Хуайхэ». ³ О. И. Завьялова со ссылкой на китайского исследователя Ян Чжана, приводит некоторые примеры отличия языка хуэйцзу в повседневной речи от языка китайцев и иллюстрирует это словосочетанием «мэй шуй»— «не совершил омовение» («не было воды») и «ю шуй» – «совершил омовение» (букв. «была вода»). ⁴ В современном таджикском языке слово «шуй» буквально означает «мойся, мыться».

¹ Кадырбаев, А.Ш. Мусульманские языки и мусульманский культурный Ренессанс в Китае при Юань [Текст] / А.Ш. Кадырбаев // Общество и государство в Китае» ИВРАН-2013. – №1 том43. – С.608

² Завьялова, О. И. Великий Шелковый путь и персидская составляющая современного китайского ислама [Текст] / О. И. Завьялова //Человек и культура Востока.– 2014. – № 4. – С.102

³ Там же. – С.103

⁴ Там же. – С.106

Результаты культурного и религиозного развития. Культурное влияние таджиков на китайскую территорию было многогранным. Прежде всего, это отразилось на религиозной жизни, так как большинство переселенцев были мусульманами, что привело к распространению ислама на новых территориях. Влияние исламской культуры стало особенно заметным в Синьцзяне, где таджики и другие мусульманские общины вели активную культурную и религиозную деятельность, что способствовало укреплению исламских традиций в этом регионе.

Таджики также оказали влияние на китайское искусство и литературу. Их традиции в поэзии, архитектуре и каллиграфии интегрировались в китайскую культурную среду. Особенно это проявилось в городах, расположенных на границе с Великим Хорасаном, где таджикские мастера внесли новые формы и стилистические решения в архитектурные сооружения, а также обогатили традиции ремесел и декоративного искусства.

Одновременно, эта культурная интеграция не всегда проходила беспрепятственно: многообразие культурных традиций и обычаяев, прежде всего в религиозной и языковой сферах, иногда становились причиной социальных напряжений, особенно в контексте усиления центральной власти Китая и попыток интегрировать мусульманские и другие этнические меньшинства в единую китайскую идентичность.

Как уже отмечалось ранее, одним из значимых результатов деятельности таджикских переселенцев стало распространение элементов исламской культуры. Во многих китайских городах появились центры исламской общинной жизни, важными архитектурными объектами которых стали мечети, служившие не только местами духовного общения, но и центрами культурного обмена. Первые такие сооружения были возведены при династии Тан в Чанъане и Гуанчжоу, а в эпоху Сун подобные центры появились в Сюаньчжоу, Ханчжоу и Янчжоу.¹

¹ 杨富学. 元代敦煌伊斯兰文化觅踪[J] (Следы исламской культуры в Дунъхуане эпохи Юань). 兰州大学学报(社会科学版), 2018(4): 56–64.

Поскольку представители мусульманских общин в Китае вначале занимались преимущественно торговлей, их культурное влияние распространялось постепенно, через быт, семейные традиции и воспитание. Лишь с приходом монгольской династии Юань (1279–1368) исламская культурная среда получила более широкое развитие и укрепилась в различных областях страны.

Развитие исламской культуры в Китае остаётся одной из наименее исследованных и в то же время дискуссионных проблем в современной синологии. Данная тема вызывает устойчивый интерес у историков, этнографов, культурологов и востоковедов, поскольку отражает процессы межцивилизационного взаимодействия и культурного обмена между Китаем и регионами Великого Хорасана.¹

Культурное влияние таджиков проявлялось в архитектуре, ремёслах, торговле и общественно-бытовых обычаях. Их присутствие способствовало формированию в Китае особого варианта исламской культурной среды, в которой переплетались традиции Великого Хорасана, а также персидские, индийские и тюркские элементы. Характерной особенностью этого процесса было его органичное и ненасильственное развитие: исламская культура распространялась не через религиозные миссии, а посредством миграции, семейных связей и повседневного взаимодействия.²

В VII–XIII вв. мусульманские общины основывали первые архитектурные комплексы, служившие центрами культурной и общинной жизни. К числу наиболее ранних относятся мечеть Хуайшэн в Гуанчжоу, комплекс мусульманской общины в Цюаньчжоу, включавший мечеть и кладбище, а также ранние мечети и связанные с ними общественные постройки в Чанъане (современном Сиане) и Янчжоу, служившие религиозными и социальными

<https://rcenw.lzu.edu.cn/c/201807/406.html> (дата обращения: 14.10.2024).

¹ 陈克明. 元代的中亚穆斯林与中国社会 (Среднеазиатские мусульмане и китайское общество в эпоху Юань). – 上海: 复旦大学出版社, 2015. – 59–67 页.

² 杨富学. 元代敦煌伊斯兰文化觅踪 (Исследование следов исламской культуры в Дуньхуане эпохи Юань). - 敦煌研究, 2018年第2期. - 11-21页.

центрами мусульманского населения.¹ Существенные изменения произошли в эпоху монгольской династии Юань (1279–1368 гг.), когда влияние исламской культурной среды, привнесённой таджиками и другими народами восточного Ирана, значительно усилилось и проявилось в науке, ремёслах и административной практике.

Исследуя развитие исламской культуры в Китае в эпоху династий Юань (1279–1368) и Мин (1368–1644), следует подчеркнуть, что именно в период правления монгольской династии исламская цивилизация, принесённая в Китай таджиками и другими иранскими народами, достигла заметного расцвета. В этот период усиливается присутствие таджикских мусульман в северо-западных областях Китая, включая Ганьсу, Нинся и Синьцзян. Расширяется этнический и социальный состав таджикских общин, укрепляются их экономические и культурные позиции. Ислам, как культурно-религиозная система, начинает прочно укореняться на китайской почве, придавая новый импульс развитию науки, архитектуры и ремёсел.²

Как отмечает американский исследователь Д. Гладни, выходцы из Великого Хорасана, сыграли важную роль в передаче исламских и персидских культурных традиций Китаю. Их участие в торговле, ремёслах и образовании способствовало не только распространению ислама, но и формированию новой этнорелигиозной группы китайских мусульман (хуэй).³

В период династии Мин политические отношения между мусульманами и императорской властью осложнились, однако это не привело к упадку мусульманских общин. Наоборот, благодаря устойчивым связям со странами Средней Азии и Ближнего Востока, а также межэтническим бракам, численность мусульманского населения продолжала расти. По свидетельству персидского историка Рашидаддина, «иранские мастера и учёные не только

¹ 拉提·买买提. 《伊斯兰文化与丝绸之路文明交流研究》(Исламская культура и цивилизационный обмен на Великом шёлковом пути). – 乌鲁木齐: 新疆人民出版社, 2016. – 12–18页.

² Головачёв В. Ц., Кадырбаев А. Ш., Бокщанин А. А. История Китая с древнейших времён до начала XXI века: в 10 т. [Текст]: Династии Юань и Мин (1279–1644) / Ин-т востоковедения РАН. – М.: Наука – Восточная литература, 2016. – Т. V. – С. 678.

³ Gladney D. Muslim Chinese: Ethnic Nationalism in the People's Republic [Text] / D. Gladney. – Cambridge, 1996. – P. 42

внесли свой вклад в государственную службу, но и оставили заметный след в духовной жизни китайских земель»¹.

Миграция таджиков в Китай с XIII по XV вв. была вызвана как внешними факторами, войнами, распадом прежних государственных образований, торговыми интересами, так и внутренними потребностями Китая в специалистах и культурном обмене. Этот процесс породил уникальное явление, своеобразное таджикское сообщество в Китае, которое, сохраняя основные элементы своей культурной самобытности, одновременно усваивало местные формы и традиции. В результате оно оказало заметное влияние на развитие китайской культуры и стало неотъемлемой частью исторического пути Поднебесной.

Как писал арабский историк и географ X века Ибн Хаукал в книге «Сурату-л-арз» («Лик земли»), «во всем исламском мире нет более сильных и храбрых людей чем мусульмане Мавераннахра, которые живут недалеко от поля сражений, в том числе от Хорезма до Исфиджаба и далее там, где живут турки-огузы. От Исфиджаба до верхней границы Ферганы это земля Карлукии. Затем «Шакния» и земля Индии в тыльной части Хуттала, вплоть до границ тюрков, после Ферганы, окружают Мавераннахр. Мусульмане [Мавераннахра] сильнее их всех и всех народов, живущих в тех местах»².

С падением династии Юань в 1368 году новая китайская династия Мин изменила политику по отношению к таджикам. С одной стороны, она продолжала использовать таджикских учёных и астрономов в государственных делах (в хронологических и навигационных управлениях служили более 140 таджиков). С другой стороны, многие хуэй-хуэй утратили политические привилегии и были постепенно маргинализированы, особенно после укрепления идеологии конфуцианства.

¹ Рашид-ад-Дин. Сборник летописей (Джами ат-таварих). [Текст]/ Пер. с перс. Л. А. Хетагурова. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. – Т. 1. – С. 214.

² Камолиддин Ш. Ибн Хаукал и его труд «Сурат ал-ард» [Текст]: Мавераннахр. – Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2021. – Т. 3.– С. 136-137

В официальной истории династии Мин – «Мин ши»¹, отражена динамика положения мусульман после свержения монголов и установления власти новой китайской династии (1368–1644 гг.). В отличие от периода Юань, правление Мин было связано с восстановлением традиционной китайской культурной и политической модели, в которой иностранцы и их потомки занимали более подчинённое положение. Несмотря на это, таджикские переселенцы и общины в Китае не только сохранились, но и получили развитие.

В «Мин ши» подчёркивается, что причиной миграции таджиков в Китай в этот период были экономические и социальные обстоятельства как внутри страны, так и за её пределами. Таджики из Великого Хорасана и соседних регионов, охваченных войнами и политической нестабильностью, искали убежище и новые возможности в более стабильных условиях Китайской империи Мин. Китайские города, особенно портовые и торговые центры, стали местом притяжения для таджикских торговцев, ремесленников и учёных.²

Важным аспектом, отражённым в «Мин ши», было то, что династия Мин предоставляла таджикам определённую степень свободы для сохранения религиозных традиций. Таджикские общины могли строить мечети, организовывать религиозное обучение и поддерживать свои культурные обычаи. Это способствовало тому, что мигранты чувствовали себя относительно защищёнными и могли планировать долгосрочное проживание на китайской земле³. Кроме того, «Мин ши» свидетельствует о процессах постепенной интеграции таджиков в китайское общество. Таджики становились важными участниками экономической жизни, их знание иностранных языков и торговых практик помогало укреплять связи между Китаем и другими регионами Азии.⁴ Также в этот период наблюдается рост смешанных браков и

¹ Официальный исторический труд, завершённый при династии Цин в XVII веке, описывающий события и политику династии Мин (1368–1644 гг.). Содержит важные сведения о роли мусульман в правительстве, армии и торговле, включая таких известных мусульман, как Му Ин, Ху Дахай и Чжэн Хэ.

² 明史 (История династии Мин). 卷三百二十六: 列傳第二百一十四. 外國三. – 北京: 中華書局, 1974. 第326冊. - 頁8412–8425.

³ Dreyer, Edward L. Zheng He: China and the Oceans in the Early Ming Dynasty, 1405–1433. – New York- : Pearson Longman, 2007. – P. 211.

⁴ Малявкин, А. Г. Китай и страны Центральной Азии в эпоху Мин (XIV–XVII вв.) [Текст] / А. Г. Малявкин // История Средней Азии в китайских источниках. – Новосибирск: Наука, 1983. – С. 56–79.

культурных обменов, что указывает на адаптацию мусульманской общины в рамках доминирующей китайской культуры.¹

В совокупности «Мин ши» показывает, что миграция таджикских семей в эпоху Мин была вызвана как внешними, политическими и военными факторами, так и внутренними экономическими возможностями, и религиозной свободой, предоставляемой китайской империей. Эта миграция носила характер адаптации и укоренения, что отличает период Мин от более экспансионного и инициативного периода Юань.

К началу династии Мин культура Великого Хоросана существовал в Китае уже семь столетий. Значительное число таджиков, осевших в Китае, заложило прочную основу культурного присутствия, однако в течение этих семисот лет таджики сохраняли свой статус особого класса, сохранившего свой язык, обычаи и нравы и так и не интегрировавшегося полностью с народом хань.² Однако при династии Мин, с отступлением иностранного влияния и прекращением миграции (морских портах наблюдалось быстрое сокращение численности мусульманского (хуэйцы) населения), таджики в Китае постепенно теряли свой статус и становились китайскими гражданами, а их образ жизни постепенно китаизировался.³ Кроме того, таджики начали брать китайские фамилии. Другие, которые не смогли найти китайские фамилии, взяли иероглифы, подобные своим именам: Ма (馬) для Мухаммада, Май для Мустафы, Му для Масуда, Ха для Хасана, Ху для Хусейна и Са'я для Саид и т. д. Со временем таджикские мигранты, оставшиеся в Китае, говорили на местных диалектах и читали по-китайски. Культурные обычаи, касающиеся еды и одежды, также были китаизированы, но эти изменения в еде не повлекли за собой нарушения религиозных предписаний относительно употребления свинины или вина.⁴ В сфере образования дети начали говорить на ханьских

¹ 明史 [История династии Мин]. 卷三百二十六: 列傳第二百一十四. 外國三. – 北京: 中華書局, 1974. - 第332冊.

² Dreyer, Edward L. Zheng He: China and the Oceans in the Early Ming Dynasty, 1405–1433. – New York : Pearson Longman, 2007. – P. 211.

³ 明史 (История династии Мин). 卷三百二十六: 列傳第二百一十四. 外國三. - 北京: 中華書局, 1974. - 第332冊.

⁴ Финг Цинь Юань. Исламская и иранская культура в Китае [Текст] / Персидский перевод Мохаммада Джавада Умединория. –Тегеран, 1998 – С. 88.

диалектах и читать китайские книги. За относительно короткое время таджики в Китае почти полностью китаизировались, что нельзя было отличить их от других китайцев. Таким образом, мусульмане пользовались беспристрастным уважением в правительстве, торговля и сельское хозяйство пользовались равным обращением и возможностями¹.

Период империи Мин называют золотым периодом таджиков Китая, в течение которого таджикские семьи внесли большой вклад в процветания Китая, в культурном сфере, в становление и развитие династии Мин.² Первый император династии Мин Чжу Юаньчжан (Тай Цзу 1328–1398) приказал отремонтировать и построить множество мечетей на юге Китая. В то же время в государственных делах династии Мин, таджики работали в сфере управления, науки и культуры, военного дела и т. д., например, в борьбе с монголами (династия Юань), в армии минского императора Чжу Юаньчжана многие из его доверенных командиров были мусульманами, в том числе Ху Дахай, Му Инь, Лань Юй, Фэн Шэнь, Дин Дин и др., которые являлись уроженцами Самарканда и Бухары³.

Во времена династии Мин таджики продолжали занимать руководящие должности, некоторые историки даже зашли так далеко, отмечая что, династия Мин была мусульманской эпохой.⁴ Есть даже доказательства того, что Тай Цзу (Чжу Юаньчжан), основатель династии Мин, был мусульманином. Указано, что жена Тай Цзу, императрица Ма, была мусульманкой, что многие из его ответственных чиновников были мусульманами, что он никогда не поклонялся в храме после своего воцарения, что он запрещал пить вино, что он сочинил хвалебный гимн Мухаммеду из ста слов,⁵ который до сих пор можно найти в главной мечети Нанкина, и что историки упоминают его странные черты лица,

¹ Kenneth W. Morgan. Islam, the Straight Path: Islam Interpreted by Muslims. – New York 1958. – Chapter 9: Islamic Culture in China by Dawood C. M. Ting;

² Lipman, Jonathan N. Familiar Strangers [Text]: A History of Muslims in Northwest China. – London: University of Washington Press, 2011.– С. 45-78.

³ Goodrich, Luther Carrington; Fang, Chaoying (eds.). Dictionary of Ming Biography, 1368-1644: in 2 vols. T. 1. – New York: Columbia University Press, 1976. – P. 210-260

⁴ Leslie, Donald. Islam in Traditional China [Text]: A Short History to 1800. – Canberra: Canberra College of Advanced Education, 1986. – С. 65-72.

⁵ Ориентал, Ш. А. Сто слов во славу пророка [Текст]: легенды об исламе при Мин / Ш. А. Ориентал // Исламоведение. – 2015. – Т. 6. – № 2. – С. 34-49.

которые, возможно, были связаны с иностранной кровью как потомком перса или араба. Во всяком случае, во времена династии Мин к таджикскому населению относились хорошо, и между мусульманами и ханьцами существовала гармония¹.

Таджикская культура получила устойчивое развитие и всё более широкое распространение, начав оказывать заметное влияние на политическую, экономическую и культурную жизнь. Данное явление было тесно связано с одобрительным отношением правителей этой династии к исламу, которое в целом восходит к той большой поддержке и защите ислама, которые предоставлялись этой религии Чжу Юаньчжаном 朱元璋, первым императором династии Мин.² По мнению Чжу Юаньчжана, религия может помочь народу «отбросить грязные мысли, вернуться на правильный путь» (去心之邪念, 以归正道), тем самым содействуя упрочению власти династии. После восшествия Чжу Юаньчжана на престол, он стал применять, исходя из политических соображений, «сочетание трёх учений» (三教合一), буддизма, даосизма и конфуцианства, поощряя их приверженцев среди крупнейшей народности Китая, ханьцев. Что касается ислама, то Чжу Юаньчжан уважал ислам и с симпатией относился к мусульманам³.

Такая ситуация укрепила миролюбивые аспекты исламской культуры и побудила, и направила его к сотрудничеству и гармонизации с конфуцианскими учениями. Автор книги «Исламская и иранская культура в Китае» Финг Цинь Юань после анализа и сравнения пришел к выводу, что «исламская философия сохранила свою исламскую сущность, мировоззрение, познание и психологию и без колебаний совершенствовала мышление традиционной китайской философии... следы китайских исламских мыслителей и их философское

¹ Kenneth, W. Morgan Islam, the Straight Path [Text]: Islam Interpreted by Muslims / W. Kenneth. – New York 1958. – P.453 (Chapter 9: Islamic Culture in China by Dawood C. M. Ting)

² Петров, Е. В. Ислам и мусульмане в Китае в эпоху Мин (XIV–XVII вв.) [Текст] / Е. В. Петров // Восток. Афроазиатские общества: история и современность. – 2010. – № 5. – С.52-65.

³ Лян Чжэ / 梁喆. Роль императора Чжу Юаньчжана в проникновении ислама в Китай [Текст] // Общество и государство в Китае / Лян Чжэ // Учреждение Российской академии наук Институт востоковедения Российской академии наук. – Москва. – 2014. – №1. – Том-44. – С.126-128

мышление в истории развития мысли Китая занимает особое место и считается ценной услугой для мировой исламской культуры».¹

Провинция Ляонин привлекала таджиков не только как центр торговли и земледелия, но и как убежище для мусульман, подвергавшихся преследованиям со стороны центральных властей Китая. Уже к концу правления династии Мин здесь сложилась многочисленная таджикская мусульманская община. О прочном укоренении ислама в Ляонине свидетельствуют древнейшие мечети Северо-Восточного Китая, возведённые при участии таджиков и являющиеся важными памятниками исламской архитектуры региона.²

Особый интерес представляют свидетельства Ибн Баттуты о мусульманских общинах в Китае времён династии Юань. В своих записках он описывает мусульманскую жизнь как в столице империи Ханбалыке (современном Пекине), так и в южных портовых городах Гуанчжоу, Ханчжоу и Цюаньчжоу.³ Его наблюдения подтверждают данные китайских хроник Юань ши и Мин ши о существовании многочисленных колоний персидских и среднеазиатских купцов в южных районах Китая.

Ибн Баттута упоминает, что в Цюаньчжоу находилась одна из древнейших и красивейших мечетей Китая, а в Ханбалыке вплоть до 1328 года действовала должность кади, мусульманского судьи, рассматривавшего религиозные, семейные и правовые дела. Это свидетельствует о развитой организации мусульманской общины в столице.⁴

Записки Ибн Баттуты представляют собой важный источник по истории Китая, Центральной и Юго-Восточной Азии, а также по изучению межцивилизационных контактов исламского мира с Китаем в эпоху монгольского владычества.

¹ Финг Цинь Юань. Исламская и иранская культура в Китае [Текст] / Персидский перевод Мохаммада Джавада Умединия. – Тегеран, 1998. – С.272

² Хоссейни, Сейед Али. Влияние и распространение ислама в Китае [Текст] / Хоссейни, Сейед Али // Хавза-Кум: Центр исламских исследований, 2007. – № 68. – С. 45-47.

³ Ibn Baṭṭūṭa. The Travels of Ibn Battuta, A.D. 1325-1354. [Text] / ed. H. A. R. Gibb; vol. IV completed by C. F. Beckingham. – London: Routledge, 1994. – P. 911.

⁴ Ibn Baṭṭūṭa. The Travels of Ibn Battuta, A.D. 1325–1354. [Text]: / ed. H. A. R. Gibb; vol. IV completed by C. F. Beckingham. – London: Routledge, 1994. – P. 911.

К XIV в., в основном, завершилась исламизация региона, известного ныне как Синьцзян–Уйгурский автономный район Китайской Народной Республики или Восточный Туркестан, что происходило под влиянием мусульманской иранской традиции, поскольку на востоке исламского мира, где располагался этот регион, фарси был не только основным культурным, но и религиозным языком, преобладая над арабским. Здесь велика роль суфийского ордена накшбандие, основы которого были заложены крупнейшим представителем среднеазиатского суфизма XIV в. таджиком Баха ад–Дином Мухаммадом, Бурхан–ад–Дином Мухаммадом ал–Бухари, уроженцем Бухары и оформились уже при его преемниках¹.

Среди представителей накшбандие в известные персонажи среднеазиатской и иранской истории и культуры, выдающиеся поэты Джами, творивший на фарси, Алишер Навои, произведения которого на чагатайском (среднеазиатском тюрки) и фарси, ходжа Убайдуллах Ахрап, способствовавший свержению с трона империи Тимуридов Улугбека и 40 лет правивший в Мавераннахре. Начиная с XV в. накшбандие постепенно превратилось в самое распространенное после ал–кадирийя суфийское духовное братство в исламском мире, функционировавшее на огромной территории от Каира и Балкан до Ганьсу на северо–западе Китая и острова Суматры в Юго–Восточной Азии и от Поволжья и Северного Кавказа до юга Индии и Аравийского полуострова².

В начале правления династии Мин всё требовало восстановления, а народ нуждался в мирной передышке. Внутренняя ситуация требовала жить в мире и дружбе с соседними странами. Поэтому Чжу Юаньчжан придерживался мягкой внешней политики в отношениях с иностранными государствами. Он по своей инициативе отправлял посланников в соседние страны, выражая им свое расположение. Ввиду того, что эти страны были сосредоточены главным образом в Центральной, Западной, Юго–Восточной и Южной Азии, их

¹ Финг Цинь Юань. Исламская и иранская культура в Китае [Текст] / Персидский перевод Мохаммада Джавада Умединия. – Тегеран, 1998. – С.85-112

² Кадырбаев, А. Ш. Иранские народы в Китае [Текст]: история и современность / А. Ш. Кадырбаев // Иран–наме. – г. Алматы. – 2007. – № 2. – С.100

население в большинстве случаев либо придерживалось ислама, либо находились под его сильным влиянием. Таким образом, для развития дружественных отношений с такими странами следовало поддерживать ислам внутри собственной страны.¹

Среди близких ему, заслуженных государственных деятелей было много хуэйцев, совершивших подвиги в период создания и укрепления династии Мин. В их число входят Сюй Да 徐达, Xu Дахай 胡大海, Фэн Шэн 冯胜, Лань Юй 蓝玉 и др. Чжу Юаньчжан щедро жаловал их за верность и храбрость, укреплял связи и отношения с ними. Например, устанавливал родственные связи путем заключения брака между своими сыновьями и их дочерьми; если их сыновья терпели поражение в бою, то он восстановил их в официальных должностях; узнавая об их гибели, горько плакал. Под влиянием дружбы с хуэйцами, Чжу Юаньчжан не мог не проявлять снисхождение к их жизненным привычкам и непоколебимой вере в ислам, которые, в свою очередь, не могли не оказать современем влияние на самого Чжу Юаньчжана. Потому не удивительно, что Чжу Юаньчжан уважал и защищал ислам.²

В глазах Чжу Юаньчжана таджики являлись важной силой, которую нельзя было оставлять без внимания. Хотя он уважал их веру, но исходя из требований защиты коренных интересов государства, он также определил ограничения при взаимодействии с исламом и мусульманами, способствуя их сближению с конфуцианством и конфуцианцами. Учитывая, что совремён династии Юань хуэйцы (таджики) и ханьцы (китайцы) поддерживали тесные социально-экономические связи, происходило естественное слияние национальностей, и потому закон применялся не строго и не всегда, однако, он объективно содействовал заключению браков между хуэйцами и ханьцами. Во всяком случае, сложно избавиться от впечатления, что в этом правиле нашла

¹ Финг Цинь Юань. Исламская и иранская культура в Китае [Текст] / Персидский перевод Мохаммада Джавада Умединия. – Тегеран, 1998. – С.89

² Лян Чжэ / 梁喆. Роль императора Чжу Юаньчжана в проникновении ислама в Китай [Текст] // Общество и государство в Китае / Лян Чжэ // Учреждение Российской академии наук Институт востоковедения Российской академии наук. – Москва. – 2014. – №1. – Том-44. – С.127

выражение определённая подозрительность Чжу Юаньчжана по отношению к мусульманам.

После объединения страны Чжу Юаньчжан проводил строгую политику разделения ханьцев и национальных меньшинств. Прежде всего, он запретил ханьцам во внутренних районах Китая использовать фамилии национальных меньшинств, строго запретил ханьцам носить традиционную одежду национальных меньшинств, говорить на их языке и соблюдать их обычай. Подобные меры, с одной стороны, изменили общественные нравы, с другой, не только ограничили ханьцев, но и оказали громадное давление на хуэйцев, следствием стали частая смена хуэйцами их фамилий на ханьские. Оценив происходящее, власть пришла к выводу, что в дальнейшем будет трудно различать нации, а это может стать в дальнейшем политической угрозой, потому в 1370 г. вышел императорский рескрипт, запрещавший хуэйцам менять фамилии. Это привело к превращению первоначальных сложных фамилий хуэйцев в простые, и хуэйцы начали носить те ханьские фамилии, которые были похожи по звучанию на их первоначальные, хуэйские фамилии.

К примеру, фамилия Насуладин 纳速刺丁 превратилась в фамилию На 纳, фамилия Мамаодэ 马穆德 превратилась в Ма 马, и так далее. Среди этих новых хуэйских фамилий были как уже существовавшие на тот момент у ханьцев, например, Му 穆, Ма 马, Дин 丁, Лю 刘, Ван 王, Ань 安 и др., так и новые, которых у ханьцев не было: Са 撒, Ха 哈, Да 达, То 脱, Чжэ 者, Май 买 и др. Стоит упомянуть, что Чжу Юаньчжан жаловал в огромном количестве свою фамилию Чжу 朱 знатным хуэйским родам, что редко встречается в истории Китая¹.

Под влиянием умеренной внутренней политики Чжу Юаньчжана минские императоры придерживались умеренной политики в отношении таджикских общин. В такой обстановке их культурная и образовательная жизнь активно развивалась. В начале правления династии Мин подобных культурно-

¹ Лян Чжэ/梁喆. Роль императора Чжу Юаньчжана в проникновении ислама в Китай [Текст] / Лян Чжэ // Шаньдунский университет, г. Цзинань, КНР. – 2014. – С.127

образовательных центров было немного, но с ростом числа хуэйцев (таджиков) увеличивалось и количество мечетей и учебных заведений¹. Особое внимание уделялось переводу и систематизации персидских и арабских трудов, связанных с философией, этикой и правом. Известный учёный Ху Дэнчжоу (胡登州) основал школу, где преподавал основы восточной науки и гуманитарного знания на арабском и персидском языках, подготовив многих наставников и учёных. Его последователи, такие как Ван Дайюй (王岱舆), стремились соединить восточные культурные традиции с конфуцианской мыслью, что стало важным шагом к их синтезу и взаимопониманию².

Развитие культурных центров и строительство общественных зданий способствовали сплочению таджиков, укреплению их социальной организации и формированию общих традиций, ценностей и менталитета.

Ранняя история культурных связей Китая с народами Великого Хорасана отражена в трудах китайского писателя XVII века Ма Цижуна. В его сочинении «Си лай цзун пу» («Родословная пришедших с запада предков») описываются события восстания Ань Лушаня (Рухшона) против императора Сюань-цзуна и участие в них воинов из западных земель.³ Подобные сведения встречаются также в работах Лю Фасяня «Сянь Ян ван дянь гун цзи» и Ма Вэнь-бина (Мачжи) «Цин-чжэн-чжи нань».⁴

В XIX начале XX века интерес к этой теме проявляют и китайские историки. В сочинении Вэй Юаня «Шэн у цзи» («Записи о ранних действиях царствующего дома») рассматриваются заселение северо-западных районов и

¹ The Evolution of Chinese Muslim's Classical Learning and Schools in the Ming and Qing Dynasties [Text] // Religions. – 2022. – Vol.13. – No. 6. – P. 553-568.

² Финг Цинь Юань. Исламская и иранская культура в Китае [Текст]: Персидский перевод Мохаммада Джавада Умединория / Финг Цинь Юань. – Тегеран, 1998 – С.89

³ 马继荣：《西来宗谱》(Rodoslovная пришедших с запада предков) // 载《文海丛书》. - 北京：中华书局，1985年，- 第45-48页。

⁴ Ли Синь. Ислам на Северо-востоке Китая [Текст]: философско-религиоведческий анализ / Ли Синь. – Благовещенск, 2009. – С.49

взаимодействие местного населения с властями, а также культурные особенности таджиков и других выходцев из Центральной Азии.¹

Большой вклад в изучение истории и культуры таджикских общин Китая внесли историки XX века, Ли Юнбин², Бай Шоуи, Хань Даожэнь, Дин Иминь³, Люй Чжэньйой⁴, Чжан Цигой⁵, Ма Июй⁶ и другие.

В работах данных авторов исследуется широкий спектр проблем: становление и развитие таджикских общин в Китае, процессы консолидации общины, механизмы и пути адаптации западноазиатской культуры к китайской традиции, взаимодействие таджиков с государственной властью, хозяйственная и социальная и религиозная деятельность, их бытовые привычки, обычаи и прочие стороны жизни. В исследованиях Цзинь Ицзю, Фэн Цзиньюаня, Ян Цичэня, Ма Пина, Ли Синхуа осуществлена общая реконструкция истории таджикских общин в Китае, представлен анализ политической, социальной и культурной жизни китайских таджиков.

В российской исторической науке интерес к изучению ислама в Китае проявляется в XIX столетии. Первые работы по этой теме были подготовлены крупнейшими синологами – архимандритом Палладием (П.И. Кафаровым) и В.П. Васильевым⁷. В трудах этих ученых содержится богатый эмпирический материал, характеризующий историю таджикской общины в Китае, ее устройство, взаимоотношения с государством, литературную и богословскую деятельность, хозяйственные занятия, этнический состав, нравы и обычаи. Особый интерес представляют содержащиеся в трудах В.П. Васильева и Палладия статистические данные, демонстрирующие численный состав

¹ 魏源：《圣武记》(Записи о ранних действиях царствующего дома). - 北京：中华书局 · 1959年, 卷二. - 第132–136页.

² Li Ung Bing. Outlines of Chinese history [Text] / Li Ung Bing. – Shanghai, 1914.

³ Бай Шоуи, Хань Даожэнь, Дин Иминь. Хуэйхуэй миньцзуи цзяньши хэ сяньчжуань. – Пекин, 1957

⁴ Люй Чжэньйой. Чжунго миньцзу цзяньши [Текст]. – Пекин. 1950;

⁵ Чжан Цицой. Чжунго миньцзучжи [Текст]. – Изд.3. – Пекин, 1947;

⁶ Ма Июй. Чжунго хуэйцзяо шицзянь [Текст]: Краткая история китайских мусульман / Ма Июй. – Шанхай, 1948.

⁷ Васильев, В.П. О движении магометанства в Китае [Текст] / В.П. Васильев. – СПб.–1867;

таджиков Китая. Ряд вопросов исторического развития таджикских общин в Китае нашел свое отражение в трудах Н. Н. Пантурова и П. А. Поляков¹.

Переселение таджиков в Китай в XIII–XV веках стало важным фактором, оказавшим многогранное влияние на этническую, социальную и культурную жизнь Китая. Миграция таджиков привела к укреплению религиозных направлений, развитию сельского хозяйства и ремесел, а также к распространению таджикской культуры в китайском обществе. Эти процессы сыграли важную роль в формировании уникального культурного и этнического ландшафта Китая, который продолжает оставаться значимой частью истории страны.

Следует отметить, что распространение персидского языка и духовно–культурного наследия является важным свидетельством влияния таджикского народа в Китае. Несмотря на то что многочисленные общины таджикского народа существовали во всем Китае со времен династии Тан, оно начало свое развитие в основном во времена империи Юань и Мин. В этих периодах таджики создавали свои общины, женились на китаянках, строили школы, мечети, административные здания и другие сооружения для своего существования и трудовой деятельности.

¹ Ли Синь. Ислам на Северо-востоке Китая [Текст]: философско-религиоведческий анализ. – Благовещенск, 2009. – С49

ГЛАВА II. ВКЛАД ТАДЖИКОВ В ПОЛИТИЧЕСКИЕ, СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И КУЛЬТУРНЫЕ ДЕЛА ИМПЕРИЙ ЮАНЬ (1271–1368) И МИН (1368–1644)

2.1 Династия Саида Аджала Бухари и укрепление государственного управления в Китае

В XIII–XV вв. отношения между таджиками и китайцами развивались особенно активно, что ярко проявилось при Юаньской и Минской династиях. Таджики были широко представлены как в северо-западных регионах Китая, так и в крупных городских центрах и портовых зонах. Их присутствие оказывало заметное воздействие на самые разные стороны общественной и государственной жизни. В течение примерно двух столетий представители этих народов стали важным элементом политico-административной системы, привнося значимый вклад в хозяйственную деятельность, управление, военную сферу и культурные процессы.

Особого внимания заслуживает вклад таджиков в период Юань, период правления монгольских завоевателей в XIII–XIV веках. С установлением власти Чингизидов их численность в Китае существенно выросла. В новой структуре управления иностранным группам был присвоен высокий социальный статус, что открыло перед таджиками путь к ответственным должностям. Они активно привлекались к финансовому администрированию, ведению налоговых дел и исполнению служебных функций в различных ведомствах, занимая нередко весьма высокие посты.

В исторических источниках, особенно в "Джами-ат-таварих", Рашидаддина Фазлуллы описывается ряд таджикских знатных людей выходцев из Великого Хорасана, которые, как и Рашидаддин Фазлуллах, пользовались высоким авторитетом и большим влиянием в Китае. В своей работе он упоминает таких фигур, как: Саид Аджаль Шамсуддин Умар (наместник императора), Мавляна Хамидуддин Самарканди (верховный судья), Ахмад Фанакати (надзиратель за имперской казной), ученик шейхульислама Сайфиддин Бохарзи), Кади Бахауддин Бахаи (имел звания министра),

Бахауддин Кундузи (глава ученых Ханбалыка) и многие другие, которые сыграли ключевую роль в управлении китайской империи. Рашидаддин также упоминает других известных личностей, которых он называет "таджикскими эмирами" или "именитыми таджиками", и утверждает, что "каждый из них был правителем отдельной провинции [в Китае]".¹

Американский исследователь Кеннет Уильям Морган в своей книге "Ислам, прямой путь: Ислам в интерпретации мусульман", пишет, что: «Во время правления Хубилай-хана, территория Юаня было разделена на 12 округов, в каждом из которых управляли губернаторы и вице-губернаторы. Из этих 12 губернаторов 8 – были мусульманами, в остальных округах, вице-губернаторы также были мусульманами»².

Значительное подтверждение данному положению содержится в труде Рашидаддина Фазлуллаха «Джами-ат-таварих», где приводится развернутый перечень городов и провинций Китая с указанием административных центров (шинг) и имён должностных лиц, осуществлявших управление. В ряде случаев упоминаются представители мусульманскойправленческой среды, носившие персидские имена и связанные с выходцами из Великого Хорасана.

1. **Первый:** шинг (администрация) города Ханбалык, в составе которых, по свидетельству Рашидаддина, находились представители мусульманской административной среды.

2. **Второй:** шинг провинций Джурджа и Сулонгка. Этот диван³ находится в Чуньчжу – крупнейшем городе провинции Сулонгка, Там находятся (т.е. правят) Алааддин Финджан сын Хисамуддина Самджинга Алмалики и Хасан Жучинг.

3. **Третий:** В провинциях Каули и Кукули шинг образовывал отдельное меличество Правитель, именуемый Вонг,⁴ состоял в родственных

¹ رشید الدین فضل الله همدانی. جامع التواریخ. ج-۲، تهران-۱۳۷۳، ص. ۹۲۳.

² Kenneth, W. Morgan Islam, the Straight Path [Text]: Islam Interpreted by Muslims / W.Kenneth. – New York,1958. – P.453 (Chapter 9: Islamic Culture in China by Dawood C. M. Ting);

³ Диван – в данном предложении государственное управление, администрация провинции

⁴ В русском переводе "Джамиу-т-Таварих" - "Сборник летописей" (МЛ, 1952) данное предложение звучит так: "...его мелика называют 'онг-ван'". Однако, при переводе с персидского письма на кириллицу фраза звучит иначе: "Малики онро вонг гүянд.", что означает "Его царя (мелика) называют вонг". Возможно, в первом

связях с домом Хубилай-хана. Его сын известен под именем Мавонис Каан,¹ однако сам он не занимал должность ванга в данной области, который именуют Вонг.

4. **Четвертый:** шинг города Нанкин, это один из крупнейших городов в Китае, в котором, по сообщению Рашидаддина, участвовали представители мусульманской административной среды.

5. **Пятый:** шинг [город Янгчжу] этот город расположен на границе Китая и Тукин сын [Хубилай Каан] находится там.

6. **Шестой:** шинг города Хингсай – столица провинции Манзи. Там также находились Алаадин Финджан, сын Сайфиддина Тагаджар Ноёна, вместе с китайским лакеем по имени Сучинг, Умар Финджан Манзитай, а также Бек Ходжа Туси Финджан, занимавший должность финджана.

7. **Седьмой:** шинг города Фу-Джу – один из городов Манзи. Прежде шинг находился там, потом перенесли в Зайтун, и в настоящее время остается на месте. Ранее пост городского правителя занимал Чжэн, брат Дошмана, а в настоящее время [там правит] его место занял брат Баян Финджана, Эмир Умар. В этом же месте расположен порт Зайтун, который управляет Бахааддином Кундузи.

8. **Восьмой:** шинг города Лу-Кин Фу – город который находится в провинции Манзи, одна сторона этой провинции [принадлежит] Тангуту,² и брат Баян Финджана, Хасан Финджан, также брат Лачин Финджана, так же по имени Хасан являются там правителями.

9. **Девятый:** шинг Куньги, который таджики Китая называют «Чини Калон» («Большой Чин»). Это очень большой город у побережья моря, ниже Зайтуна. Правителями там являются Нурай и Рукнуддин Тустари Финджан.

варианте перевода была допущена ошибка, поскольку в персидской версии самим автором, Рашидаддином, слова сопровождаются подстрочными и надстрочными знаками и огласовками, что исключает возможность их иного прочтения. Также было обнаружено несколько подобных различий в названиях правителей и других слов. Например, при описании второго шинга (в русской версии "шэн") имена указаны следующим образом: "Ала-ад-дин пин-джан, сын Алмалыкского цань-чжэна Хисамиддина" (русская версия, МЛ). В персидской версии же эта фраза выглядит так: "Алааддин Финджан, сын Хисамиддина Самджинга Алмалики" (персидская версия, Тегеран). Аналогично: "Хасан цзо-чэн" (МЛ) - "Хасан Жучинг" (Тегеран).

¹ «...его сын любимец Каана.» (МЛ) – «... его сына зовут Мавонис Каан.» (Тегеран).

² «...прилегающей с одной стороны к области Тангут», (МЛ) – «Одна сторона этой провинции принадлежит Тангуту», (Тегеран).

10. **Десятый:** шинг Караджанг – это самостоятельная страна и там существует большой город под названием Ячи; и шинг существует там. Все жители там мусульмане. Правителями являются Яган Тегин и Якуббек, сын Алибека из рода Ялавача.

11. **Однинадцатый:** шинг [Кин Чжан–Фу], является один из городов провинции Тангут и Ананда, сын Мингкала находится в этой провинции. Правителями [Кайтмиш] являются – брат Дошмана и его финджан Умар Хитай. Юрта Ананды находится в местности под названием Чаган Наур, где он построил дворец.

12. **Двенадцатый:** шинг [Камчу также является один из городов] провинции Тангут, которая является крупной территорией, подчиняющейся ему множеством провинций. Власть в нем осуществляет Аджики, а эмир Ходжа Номи, известный также как Шаханги, занимает должность хакима.¹ В «Сборнике летописей» (МЛ) имя эмира Ходжа Номи переводится как «некто по имени Эмир Хаджи».² Возможно, в этом переводе имеется ошибка, поскольку в персидском варианте имя этого человека записывается как "Эмир Ходжа Номи". С таджикского языка слово "номӣ" переводится как "известный", "знатный".

Перечень правителей провинций и городов Китая, приведенный Рашидаддином, демонстрирует положение таджиков во времена правления монгольской династии Юань в этой стране. Список подтверждает, что большинство правителей были этническими таджиками из Великого Хорасана. Этот документ, оставленный нам автором "Джами–ут–таварих", представляет собой значимый исторический источник, который разъясняет роль таджиков в Китае и их положение в XIII веке.

Следует отметить, что в представленном списке Рашидаддин документирует имена лиц, которые временно занимали данные посты. Кроме того, он упоминает представителей таджикских семей, таких как Саид Аджал

¹ رشید الدین فضل الله همدانی. جامع التواریخ. ج-۲، تهران-۱۳۷۳، ص. ۹۱۱-۹۱۰.

² Рашид-ад-Дин. Сборник летописей (Джами ат-таварих). [Текст]/ Пер. с перс. Л. А. Хетагурова. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – Т. 2. – С.182

Бухари, его сына Насируддина и внука Абубакра, которые периодически занимали должность правителя провинции Караджан (Юньнань) и провинции Зайтун (Цюаньчжоу). После 25 лет правления провинцией Караджана, бухарский таджик Саид Аджалл Бухари был назначен Хубилаем министром финансов империи¹, а на его должность правителем Караджана был назначен его сын Насируддин². Далее "сын Насируддина Абубакра, известный как Баян Финджан, еще при жизни отца был назначен правителем города Зайтун".³ Таким образом, Саид Аджал Шамсуддин Умар (1211–1279) и его семейство, занимавшие значимые государственные должности, оставили заметный след в истории Китая.

Саид Аджал Шамс уд-Дин Умар аль-Бухари (перс. سید اجل شمس الدین عمر البحاری кит. 赛典赤·瞻思丁; пин.: Sàidiānchì Shānsīdīng) родом из таджикских семей,⁴ родился в городе Бухаре в 1211 году, во время правления Хорезмшиха. Его отцом был Камалуддин, а его дедом, Шамсуддин Умар аль-Бухари⁵. Его дед, командовал кавалерией армии Хорезмшиха, во время монгольского завоевания Средней Азии его семья сдалась Чингис-хану. Для безопасности своей семьи дед Саид Аджаля вручил им уникальные подарки, в том числе полосатых леопардов и белых соколов, и предложил им свои услуги, эти действия позволили Саиду Аджалю пройти специальную подготовку и получить соответствующее образование, благодаря которым он смог претендовать на высшие посты в быстро расширяющейся империи⁶. Его высокий статус способствовали распространению новой культурной традиции в центральных и южных областях Китая, а его политическая деятельность

¹ رشید الدین فضل الله همدانی. جامع التواریخ. ج- ۲، تهران-۱۳۷۳، ص. ۹۱۵

² Там же. – С. 910.

³ Там же. – С. 912.

⁴ Daryaee Touraj. The Oxford Handbook of Iranian History [Text] / Daryaee Touraj. – Oxford University Press, USA-2012. – P.414. Дарья Турадж. Оксфордский справочник по истории Ирана [Текст] / Дарья Турадж. – Издательство Оксфордского Университета, США,2012.– 414 с.

⁵ Lane, George. "The Dali Stele". In Kilic-Schubel, Nurten; Binbash, Evrin (eds). [Text] / Lane, George. – The Horizons of the World. Istanbul: Ithaki Press, 2011.– P.39.

⁶ Yuan Shih, Biography of Sayyid 'Ajall [Text]: translated and cited in Armijo-Hussein. Ph.D / Yuan Shih. – Dissertation, Harvard University,1997. – p. 19.

оказала влияние на общественное производство и социальное развитие в начале династии Юань.¹

Своё официальное назначение Саид Аджал получил в 1229 году, когда хан Угэдэй утвердил его представителем власти в провинциях Фэнь, Цинь и Юннэй. После он стал даругачи (ответственный за налогами) в провинциях Тай–Юань и Пинь–янь. Через несколько лет молодой Саид Аджал возвысился еще больше, когда он стал яргучи (судьей) в регионе Чжунду, столице северных земель, когда–то принадлежавших Китаю. В его обязанности в то время входили регистрация населения, исчисление и распределение налогов, а также правосудие.²

Ему удалось заслужить доверие хана Хубилая, основателя монгольского государства Юань, благодаря чему Саиду Аджалю удалось сделать блестящую карьеру. После ряда управленческих должностей, в 1273 г. он был назначен губернатором провинции Юньнань (Караджан). На новом посту Саид Аджал многое сделал для развития региона: провел перепись населения, реорганизовал администрацию, внедрил почтовую систему (ям), развивал системы ирригации и каналов, которые существуют по сей день, внедрял новые агрокультуры и методы ведения сельского хозяйства. Все это привело к экономическому подъему провинции, которая до этого считалась отсталой и варварской³.

Саид Аджал основал город в китайском стиле на месте современного Куньмина, который назывался Чжунцзин Чэн. Он приказал построить в городе буддийский храм, конфуцианский храм и две мечети. Конфуцианский храм, построенный Саидом Аджаллом в 1274 году, который также служил школой, был первым конфуцианским храмом, когда–либо построенным в Юньнани. И конфуцианство, и ислам продвигались Саидом Аджаллом в его

¹ Morris Rossabi. From Yuan to Modern China and Mongolia [Text]: The Writings of Morris Rossabi / Morris Rossabi. – BRILL. Boston, 2014. – P.702.

² Thant Myint-U. Where China Meets India [Text]: Burma and the New Crossroads of Asia. – Macmillan, 2011. – P.400

³ 陳垣. 元西域人華化考》「稿本」。八卷.北京-1934. (Пер. Чэн Юань. "Текстовые исследования хуэй-хуэй западных регионов в период династии Юань). – Пекин-1934. – Т.8.

«цивилизаторской миссии» во время его пребывания в Юньнани¹. Его целью политики по продвижению конфуцианства и образования в Юньнани было «цивилизовать» местных «варваров». Он обучал уроженцев Юньнани конфуцианским церемониям, таким как свадьбы, сватовство, похороны, поклонение предкам и низкий поклон. У местных вождей их «варварская» одежда заменена одеждой, подаренной им².

Сайд Аджал Бухари снискал уважение в обществе и среди монголов, что подтверждается словами Рашидаддина, отмечающего его высокий статус и авторитет, говоря: «Имя Сайд Аджал среди своих таджиков [Китая] пользовался большим почетом и уважением и монголы также... знают, что это имя у них почтеннейшее из имён»³.

Некоторые ученые и писатели считают, что Сайд Аджал Бухари принадлежит к роду Мухаммада Хорезмшаха или является выходцем из Карлугов. Например, данные предположения были сделаны в онлайн-конференцией Шанхайской организации сотрудничества, которая состоялась 29 сентября 2020 года, или упомянуты в несколько научных журналах и статьях⁴.

Согласно преданиям, Сайд Аджал Бухари вел свой род от Али ибн Абу Талиба (двадцать седьмое поколение), благодаря чему и именовался Сайдом. Сайд Аджал был потомком Су фей-эра (Амир Саида Бухари из империи Сун 960–1279) в пятом поколении. Фа-сян утверждает, что Су Фэй-эр является предком Саида Аджалла, однако некоторые скептически относятся к этому утверждению и считают, что это подделка, чтобы скрыть прибытие Саида Аджалла в Китай с монголами⁵.

¹ Tan Ta Sen. Cheng Ho and Islam in Southeast Asia. [Text] / Tan Ta Sen. – Institute of Southeast Asian Studies, 2009. – P.292.

² Yang, Bin. "Between winds and clouds: the making of Yunnan". "Chapter 5 Sinicization and Indigenization [Text]: The Emergence of the Yunnanese". – Columbia University Press, 2008. – P.352.

³ رشیدالدین فضل الله همدانی. جامع التواریخ. ج-۲، تهران-۱۳۷۳، ص-۹۴۹.

⁴ История в деталях. Как выходец из Бухары стал выдающимся государственным деятелем в Древнем Китае. Опубликовано: 04.08.2022 [Электронный ресурс]: <https://silkway.uz/news/istoriya-v-detalyah-kak-vyhodets-iz-buhary-stal-vydayushhimsya-gosudarstvennym-deyatelem-v-drevnem-kitae/> (Использовано: 16.06.2023); Онлайн конференция: «По изучению жизни и деятельности Сеида Шамсуддина». Опубликовано: 04.08.2022 [Электронный ресурс]: <http://rus.sectsco.org/news/20200929/683340.html> (Использовано: 16.06.2023)

⁵ M.Th. Houtsma, A.J. Wensinck, E. Levi- provençal, H.A.R. Gibb and W. Heffening. "First encyclopaedia of Islam 1913-1936". – BRILL-1987. – V.9. – P.5042. [Электронный ресурс]: <https://referenceworks.brillonline.com/browse/encyclopaedia-of-islam-1> (дата обращения 19.09.2024)

Нет никаких доказательств родства Саида Аджала Шамсуддина Умара и Мухаммада Хорезмшаха, тем более что монгольские захватчики не пощадили семью шаха и все они были казнены монголами. Хорезмшах был потомком среднеазиатских тюрков, из семейства Саид Аджаля. По словам американского историка С. С. Брауна (1938–2017), скорее всего, он был бухарско–персидского происхождения. Также такому мнению придерживается профессор Чуан–Чао Ван из Университета Фудань (кит. трад. 復旦大學, упр. 复旦大学, пиньинь Fùdàn Dàxué – одно из самых престижных и старейших высших учебных заведений в Китае), изучил Y–хромосомы нынешних потомков Саида Аджалла и обнаружил, что все они имеют гаплогруппу L1a–M76, что доказывает южноперсидское происхождение¹.

Юань Ши (Yuan Shí) дает много биографии выдающихся таджиков в службу монголов. Некоторые из них занимали высокие должности. В главе СXXV (125) Юань Ши, мы находим биографию 賽典赤·贍思丁 Sai-dien-ch'i shan-sse-ding, также называемого 烏馬兒 Wu-ma-r, где говорится что он был из потомков хуэй–хуэй (т.е. выходцев из Великого Хорасана) и потомком 別菴伯爾 Bi-an-bo-r². В его стране Сай–дянь–чи имеет то же значение, что и 貴族 (благородный род) на китайском языке.

Согласно Марко Поло и Рашидаддину, Юньнань в период Юаньской династии был значительно заселен мусульманами, а Рашидаддин называл город со всей мусульманской общиной "великим городом Ячи"³. Существует предположение, что Ячи мог быть старым именем города Дали (Ta-li),

¹ Chuan-Chao Wang, Ling-Xiang Wang, Manfei Zhang, Dali Yao, Li Jin, Hui Li. "Present Y chromosomes support the Persian ancestry of Sayyid Ajjal Shams al-Din Omar and Eminent Navigator Zheng He". Cornell University – 2013.

² Переводится как Биан Баэр, Биан Баэр - Пайханбар (персидский: پیغمبر, пейгамбар, также известный как 據嘉八兒, 别林巴尔[1], 别嘉布尔, Пайханпар, Пай Хамбар, Бимбар и т. д.). Персидского происхождения, что означает «посланник» или «святой потомок», в китайских исторических записях часто используется для обозначения пророка Мухаммеда (с.ъ.в.). Согласно «Истории династии Юань», Сай Дяньчи поддерживал Сайдинга как «потомка Биан Баэр».

³ Ma'had Shu'ūn al Aqallīyat al-Muslimah. Journal Institute of Muslim Minority Affairs [Text]: (The Institute. Institute of Muslim Minority Affairs, Jāmi'at al-Malik 'Abd al-'Azīz). Original from the University of Virginia. – 1986. – Vol.7-8. – P.414.

который привлекал множество выходцев из Центральной Азии, известных как хуэй.

Французский историк Ж.П. Ру отмечает, что в некитаезированном регионе Юньнань проживали бухарцы, возможно, ставшие предками китайских мусульман, известных как дунгане, прибыв вместе с Саидом Аджаллом. Некоторые источники также утверждают, что они могли быть потомками ремесленников из Гурганджа.¹ Важно отметить, что мемориал и место захоронения таджикского выходца из Бухары были включены в список национального культурного наследия КНР в 2019 году.

Саида Аджаля считают первым, кто привнёс таджикские культурные традиции в Юньнань и сыграл важную роль в их утверждении и развитии в этом регионе. Он активно поддерживал местную таджикскую общину и занимался строительством религиозных учреждений. Используя опыт шариата, Саид Аджал создал систему сюэтянь, напоминавшую вакфы, исламские благотворительные фонды. Благодаря этой системе доходы от участков пахотной земли шли на содержание школ. Кроме того, еще 55 школ Саид Аджал содержал на свое жалование, надеясь своим примером убедить других².

Саид Аджал Шамсуддин Умар ушел из жизни в 1279 году, но его наследие продолжило жить. Хубилай-хан и последующие правители провозгласили его методы управления, административные и экономические политики примером для подражания. Его влияние распространилось на многих мусульман Китая, особенно в Юньнани, где его потомки до сих пор сохраняют значительное влияние. Важные фигуры, такие как мусульманский адмирал Чжэн Хэ и ученый Юсуф Ма Чжу, связывают свое происхождение с Саидом Аджалем. Сегодняшняя мусульманская община Юньнани бережно хранит память о нем за его вклад в мирное сосуществование и распространение ислама в этом регионе³.

¹ Жан-Поль Ру, История Ирана и иранцев – от истоков до наших дней [Текст] / Жан-Поль Ру, – с. 272

² Raphael Israeli. Islam in China [Text]: religion, ethnicity, culture and politics. – Lexington Books Maryland. – 2002. – P.350;

³ Thomas Walker Arnold. The preaching of Islam [Text]: a history of the propagation of the Muslim faith. – WESTMINSTER: A. Constable and co. – 1896. – P.433

Саид Аджал Шамсуддин Умар в течение 25 лет служил в должности министра у Хана¹. После его смерти Хубилай-хан назначает на эту должность другого таджики – эмира Ахмада Фанакати,² выходца из города Фанакат (Бенакет), находившегося на полпути между городами Худжанд и Чач в Мавераннахре. О деятельности Ахмада более подробно рассмотрим далее.

Для объединения разрозненных южнокитайских королевств были созданы смешанные армии, в состав которых входили монголы, мусульмане и китайцы. В мусульманской армии большинство составляли пленные таджики, которые сыграли весьма важную роль в разгроме армии королевства Дали [Дай-ли], его объединении с Китаем и создании в будущем провинции Караджан, первым правителем которого станет Саид Аджал Шамсуддин, а когда его переводят в Ханбалык на должность министра, то Хубилай назначает его сына Насируддина правителем Караджана.

В книге истории династии Юаня (Юань-ши), в главе СХХV где говорится о биографии Саид Аджаля Бухари также упоминается о его сыновьях, которые тоже занимали руководящие должности в провинциях Юньнаня: «У Сай-дианчжи Шансидинга (Саид Аджал Шамсуддин) было пятеро сыновей. Старший сын, Насруддин (納速刺丁 Ha-su-la-din) – служил губернатором в провинции Юньнаня, второй сын, Хасан (哈散 Ha-san) – служил маршалом посланника Сюаньвэй провинции Гуандун; третий сын, Хусейн (忽辛 Xu-sin) – служил чиновником в Ючэн, провинция Юньнань, четвертый сын, Шансуддин Омар (刺丁 兀默里 Shang-su-din Yu-mo-li) и последний Мастьуд (馬速忽 Ma-su-xu или Масуни), все они занимали высокие посты»³⁴.

Старший сын Саид Аджаля Бухари, был Насруддин (перс: نصرالدین; кит: 納速刺丁, пиньинь: Nàsùládīng), после смерти отца стал губернатором Юньнани⁵,

¹ رشید الدین فضل الله همدانی. جامع التواریخ. ج-۲، تهران-۱۳۷۳، ص. ۹۱۴

² رشید الدین فضل الله همدانی. جامع التواریخ. ج-۲، تهران-۱۳۷۳، ص. ۹۱۴

³ Yuan Shih, Biography of Sayyid [Text]: Ajall, translated and cited in Armijo-Hussein. Ph.D. Dissertation, Harvard University. – 1997. – P.19

⁴ Raphael Israeli. Islam in China [Text]: religion, ethnicity, culture and politics. Lexington Books Maryland, 2002. – P.284 350. (Истифода с.284);

⁵ راشید الدین فضل الله همدانی. جامی ات-تavarix [Tekst]. – تهران، ۱۳۷۳. – ت. ۲. – ص. ۲۹۷۷.

служил в своей должности с 1279 по 1284 год. Он был наместником в Юньнани и отличился в войне с южными племенами 交趾 Кяо-чи (Кохинхина) и 緬 Миен (Бирма). Он умер в 1292 году, отец двенадцати сыновей, имена, пяты из которых приведены в биографии, а именно. 伯顏察兒 Bo-йен ча-р, имевший высокий пост, 烏馬兒 Bu-ма-р, 答法兒 Дже-фа-р (Джафар), 忽先 Xu-сиен (Хусейн) и 沙的 Ша-ди (Саади)¹. Рашидаддин пишет о восьми сыновьях Насираддина внуках Саид Аджалла, которые, как их предки, получив ярлыки из рук Хана, служили на высоких государственных должностях в Китае.²

Насруддин был назначен губернатором в Караджане и сохранял свое положение в Юньнани до своей смерти, которая, по словам Рашидаддина, писавшего около 1300 г. н.э., произошла за пять или шесть лет до этого. Насруддин упоминается М. Поло, который именует его Нескрадином³. Из числа сыновей Насируддина наиболее высокое положение Баян Финджана (губернатора) занимал Абу Бакр, который перед смертью отца был назначен правителем провинции Зайтун. В дальнейшем в память о его великом деде, Хан стал его называть Саид Аджаллом и пожаловал ему должность главного министра. «Он стал самым могущественным и влиятельным министром [в империи]»⁴.

Внук Саида Аджалла Бухари, сын Насираддина – Абу Бакр стал сахиб диваном (главным министром) империи. Во времена Хубилая он два года был министром, и его деятельность настолько понравилась Хубилай-хану, что он возложил на Абу Бакра выполнение всех важных государственных дел. Как пишет Рашидаддин, он в первые дни назначения на эту должность встречает жену Чинкима – сына Хубилая, которая сообщает ему о болезни своего сына Темура. Абу Бакр по просьбе матери навещает больного и с тех пор между Темур-ханом и Абу Бакром сложились дружеские отношения. Хубилай

¹ By Royal Asiatic Society (Author). Journal of the North-China Branch of the Royal Asiatic Society, Shanghai [Text]. –1876.– Volume 10. – P.565.

² رشیدالدین فضل الله همدانی. جامع التواریخ. ج-۲، تهران-۱۳۷۳، ص. ۹۲۹

³ E. Bretschneider. Notices of the mediaeval geography and history of central and western Asia [Text] / E. Bretschneider. – London: Trübner & co. – 1876. – P.252

⁴ رشیدالدین فضل الله همدانی. جامع التواریخ. ج-۲، تهران-۱۳۷۳، ص. ۹۵۰

называл Абу Бакра «сартаулом», то есть таджиком¹. Дружеские отношения между ними продолжались и после объявления Темура Ханом, императором. Вместе с тем, как пишет Рашидаддин, в свое время Абу Бакр оказал важную услугу Темуру по просьбе его матери Кунаржин Хатун. Она просит Абу Бакра «передать Хубилай-хану, что уже девять лет опечатано кресло Чим Кима. Что он думает по этому поводу?». Абу Бакр передает эти слова Хану. Хубилай-хан, несмотря на то, что был болен, встает, приказывает сбрать вельмож и говорит: Вы всегда злословили об этом сартауле, утверждая, что он плохой человек, но именно он заботится о милосердии к народу, и именно его беспокоит судьба трона, он же волнуется за моих детей, чтобы после меня не возникли разногласия и распри². Хан после этих слов поручает Абу Бакру «немедля ехать вслед за его внуком Тимуром, который во главе войска идет в направлении к Кайду, вернуть его назад, посадить на трон отца, устроить трехдневный туй (праздник) и утвердить его царем»³.

Как видно из приведенной цитаты из «Джами ут-Таварих», Хан предоставляет Абу Бакру чрезвычайно высокие полномочия, которые выходят далеко за пределы функций Баяна Финджана. В будущем Абу Бакр станет ближайшим другом и правой рукой Темура-хана, занявшего трон после смерти своего деда. Во времена Темура-хана именно представитель таджикского семейства Саид Аджалла Абу Бакр удостаивается степени Баян Финджана, то есть главы всех финджанов⁴.

Политическая деятельность семьи Саида Аджала Шамс-уд-Дин Умара, в частности, его детей и внуков на протяжении всей жизни оставили свой глубокий след в истории, культуре и социально-экономических делах Китая, особенно в этих двух великих империях Юань и Мин, в котором можно увидеть их влияние и по сей день.

Таким образом, вклад таджиков, особенно вклад семьи Саида Аджала Бухари при правлении династии Юань и Мин, были значительными и оказали

¹ رشیدالدین فضل الله همدانی. جامع التواریخ. ج-۲، تهران-۱۳۷۳، ص. ۹۰۰-۹۳۹.

² Там же. – С. 939-950

³ Там же. – С. 914.

⁴ Там же. – С. 929.

влияние на различные аспекты жизни тех времен. Они занимали высокие посты в правительстве и управляли городами и провинциями. Также были активными участниками торговых маршрутов по Шелковому пути, что способствовало развитию международной торговли. В целом, их вклад были многообразными и оказали значительное влияние на развитие культуры, науки, торговли и экономики тех времен.

2.2. Адмирал, дипломат, исследователь Мухаммад Хаджи – организатор масштабных военно–торговых морских экспедиций в период правления династии Мин

В период правления императора Чжу Ди (1360–1424, династии Мин), было организовано несколько морских экспедиций под руководством известного адмирала, исследователя и дипломата Саида Чжэн Ма Хэ Мухаммад Хаджи (1371–1435).

Мухаммад Хаджи на китайском языке известен как Ма Хэ 馬 和, Чжэн Хэ 鄭 和 и Ма Санбао (кит.трад. 鄭和, упр. 郑和, пиньинь Zhèng Hé). Он организовал и возглавил семь крупномасштабных морских военно–торговых экспедиций, посланных императорами Мин в страны Индокитая, Индостана, Аравийского полуострова и Восточной Африки. Есть версии, что экспедиции, организованные им, даже достигали берегов Америки и Австралии.

Ма Хэ, то есть Мухаммад Хаджи, родился в 1371 году в деревне Хэдай¹, Куньянской области.² Семья Ма происходила из так называемых сэму – выходцев из Средней Азии, прибывших в Китай во времена монгольского владычества и занимавших разнообразные должности в государственном аппарате империи Юань. Большинство сэму, включая предков Чжэн Хэ, были

¹ Chunjiang Fu, Choo Yen Foo, Yaw Hoong Siew. The great explorer Cheng Ho[Text]: ambassador of peace. Singapore: Asiapac Books Pte Ltd-2005. – P.153.

² Louise Levathes. When China ruled the seas [Text]: the treasure fleet of the Dragon Throne, 1405-1433. – Oxford University Press. – New York,1996. – P 63.

мусульманского вероисповедания¹. После падения власти монголов и провозглашения образования империи Мин их потомки ассимилировались в китайскую среду, главным образом, в ряды китаеязычных мусульман — хуэйцзу².

При рождении будущий мореплаватель получил имя Мухаммад (кит. 馬和—Ma). О родителях Ма Хэ известно не так уж много; почти всё, что мы знаем о них, восходит к стеле³ (Каменные надписи), установленной в их честь на их родине в 1405 году по указанию самого адмирала. Отец будущего мореплавателя был известен как Ма Хаджи (1345–1381 или 1382), в честь совершённого им паломничества в Мекку; его супруга носила фамилию Вэнь (温). В семье было шестеро детей: четыре дочери и два сына — старший, Ма Вэньмин, и младший, Ма Хэ⁴. По преданиям этой семьи, отец Ма Хаджи (т.е. дед Чжэн Хэ), тоже известный как Ма Хаджи, был внуком Саида Аджала Шамсуддина Умара. Также, Луиза Левазес, автор книги «Когда Китай правил морями: флот сокровищ Трона Дракона», объясняет, что «отец Ма Хаджи приходится внуком Саиду Аджалу Шамсуддину Умару...»⁵.

Кроме того, были определены место его (Чжэн Хэ) происхождения, газета South China Morning Post пишет, что хотя мраморные бюсты изображают Ма Хэ типичным китайцем, с квадратным подбородком, густыми бровями и плоским носом. В 2014 году китайские ученые из университета Фудань в Шанхае, проверили ДНК предполагаемых предков Ма Хэ и выявили у них персидскую кровь⁶.

¹ Louise Levathes. When China ruled the seas [Text]: the treasure fleet of the Dragon Throne, 1405-1433. – Oxford University Press. – New York, 1996. – P.62.

² Jonathan Neaman Lipman. Familiar strangers [Text]: a history of Muslims in Northwest China. – Hong Kong University Press, Honk Kong, 1998. – P.266.

³ Стёла (эпитафия) в честь родителей Ма Хэ (будущего адмирала Чжэн Хэ), возведённая в его родных местах (Куньян, уезд Куньминь) и датированная 1 июня 1405 г.; надпись для эпитафии был составлена министром ритуалов Ли Чжиганом (Li Zhigang). Эту стелу в литературе часто называют «Куньянской эпитафией» и рассматривают как одно из важнейших эпиграфических свидетельств семейного происхождения и общественной деятельности Чжэн Хэ.

⁴ Louise Levathes. When China ruled the seas [Text]: the treasure fleet of the Dragon Throne, 1405-1433. – Oxford University Press. – New York, 1996. – P.62.

⁵ Там же. – С.252.

⁶ Wang Zhichao, Wang Chao-Cheng, Li Hui. Present Y chromosomes support the Persian ancestry of Sayyid Ajjal Shams al-Din Omar and Eminent Navigator Zheng He [Text] // Communication on Contemporary Anthropology. – 2014. – Vol. 8. – P. 8-10.

Когда Чжэн Хэ был совсем юн в десятилетнем возрасте, в 1381 году, его город подвергся нападению армии династии Мин во время которого его отец был убит в возрасте 39 лет, а он сам был похищен и отправлен в столицу Нанкин, где и стал служить в императорской семье. Мальчика кастрировали, и он стал одним из многочисленных евнухов при дворе Чжу Ди, который носил титул Великого Князя Яньского (Yan Wang) и базировался в Бэйпине (будущем Пекине). Невзирая на постоянное угнетение и тяжелые условия, в которых он находился, Чжэн Хэ, все же, смог получить лучшее образование и вырос искусным правителем, а также сдружился с одним из наследников престола, Чжу Ди, и когда тот стал императором, Чжэн Хэ занял самую высокую государственную должность. Юный евнух получил имя Ма Саньбао (馬三寶/马三宝) что означает «Три Сокровища» или «Три Драгоценности». По словам английского ученого Джозефа Нидхэма, несмотря на несомненно мусульманское происхождение евнуха, его титул служил напоминанием о «трёх драгоценностях» Буддизма (Будда, дхарма и сангха), чьи имена столь часто повторяют буддисты¹.

Некоторые историки считают, что один из самых известных восточных историй «Семь путешествий Синдбада» происходит от истории Ма Саньбао (Чжэн Хэ). Сборник рассказов о его путешествиях находится в книге «Тысяча и одна ночь», частью основанной на реальном опыте путешественников по Востоку, частью на основе древних поэм. Доказательство этому видят в том, что их зовут «Синдбад» и «Саньбао» или в том, что оба они совершили семь морских путешествий.

В 1399 году, когда войска нынешнего императора Чжу Юньвэя (建文 1398–1402) осадили Пекин, которым правил Чжу Ди, Ма Хэ проявил исключительное мужество, защищая его на одном из городских водоемов. Через несколько лет в ответ, Чжу Ди поднял мощное войско, во главе Ма Хэ которым было поручено захватить столицу империи Нанкини, он проявил

¹ Needham, J. Nautical technology. Science and civilization in China [Text]: Physics and physical technology. – Cambridge University Press. Cambridge-1971.– Vol. 4. – P.990.

мужество в этой борьбе и в 1402 году захватил столицу Нанкини, и Чжу Ди 17 июля того же года взошёл на трон под девизом правления Юнлэ «Вечное счастье». Именно смелые действия Ма Хэ позволили Чжу Ди свергнуть своего племянника и стать императором Китая. 11 февраля 1404 года, на китайский Новый год, Чжу Ди присвоил Ма Хэ в награду за верную службу пожаловал ему новую фамилию «Чжэн» Хэ, соответствующая названию одного из древних царств, существовавших в Китае в V–III веках до нашей эры¹.

Новый император Чжу Ди был амбициозен. После войны он стал развивать экономику и науку, получил лучших советников и занялся наукой и образованием. Главной целью Императора были моря и океаны, и, как сторонник развития науки, он начал строительство огромного флота, назначив руководить им Ма Хэ – его в это время звали Чжэн Хэ за верную службу. По словам тайваньского историка, Ших–шэн Генри Тсай «Евнухи династии Мин» “Eunuchs in the Ming Dynasty”, в 1404 году Чжэн Хэ руководил постройкой флота для борьбы с так называемыми «японскими пиратами» и, возможно, даже посещал Японию для переговоров с местными властями о совместной борьбе против пиратов².

Вскоре император Чжу Ди начал обширную программу судостроения для экспедиций Чжэн Хэ, в которой он стремился усилить политику и влияние "Среднего государства". Всего за короткое время было построено или переоборудовано 1681 судно для плавания в открытую море. Строительство крупнейших кораблей, известных как «корабли–сокровищ» (кит. 宝船, bǎochuán), расширилось на верфи Лунцзян (Река Дракона). Это огромное предприятие располагалось под стенами тогдашней столицы Нанкина, на берегу реки Синхуэй (秦淮)³.

¹ Louise Levathes. When China ruled the seas [Text]: the treasure fleet of the Dragon Throne, 1405-1433. – Oxford University Press. – New York, 1996. – P 252.

² Shih-shan Henry Tsai. Eunuchs in the Ming Dynasty [Text]. – State University of New York Press. New York-1996. – P.290.

³ Louise Levathes. When China ruled the seas [Text]: the treasure fleet of the Dragon Throne, 1405-1433. – Oxford University Press. – New York, 1996. – P.252.

Согласно биографии Чжэн Хэ, которая приводится в историческом источнике "История Мин", их длина составляла 44 чжана (т.е. 440 чи – не менее 117 м), а ширина – 18 чжан (не менее 48 м). В 1597 году Ло Маодэн дал более «символический» номер «кораблям–сокровищам» в своем художественном романе «Путешествия Чжэн Хэ в Западный океан», он заявил, что длина корабля составляла 44 чжан и 4 чи (т.е. 444 чи). В некоторых источниках число 44 пишется «большим числом», т.е. 肆拾肆 вместо обычного 四十四¹. По словам американского историка Эдварда Дрейера, современные историки приписывают размеры кораблей Чжэн Хэ более короткому из них, к Фуцзянскому Чи. Даже если принять наименьший размер Чи за 26.7 см., «размер флагмана Чжэн Хэ, был не менее чем 117 м в длину и 48 м в ширину, что в два раза превышает длину крупнейших европейских деревянных военных кораблей XVIII начала XIX веков»².

Также информация о китайских «кораблях–сокровищницах» были взяты из ежегодных изданий династии Мин и других документах, которые были представлены китайскими историками в начале 2000–х годов. По данным источникам если сравнять основные размеры корабля Баочуаня (корабль–сокровищ), по современным метрическим системам, то его длина будет составлять примерно – 134 м, ширина 55 м, водоизмещения около – 30 000 тонн, а экипаж около – 1000 человек. Если сравнить по размере кораблю Х. Колумба «Санта–Марии», то на его фоне оно будет выделяться в несколько раз меньше, например, корабль Санта–Мария: длина – 25 метров, ширина – около 9 метров, водоизмещения – 100 тонн, экипаж – 40 человек. Китайские историки и кораблестроители до сих пор не могут в полной мере выявить все особенности и характеристики кораблей Чжэн Хэ. Многие говорят, что с точки зрения инженерных знаний, такие размеры кажутся слишком большими для деревянного парусника. Однако найденный документ в 2000 году под

¹ 金國平. 緬懷歷史，展望未來：紀念鄭和下西洋600周年 (Оглядываясь на историю, глядя в будущее: к 600-летию плаваний Чжэн Хэ в Западные моря) // 行政暨公職局. 雜誌第六十八期. – 澳門-2005. – 第十八卷, No2. – P.549-562.

² Dreyer, Edward L. Zheng He [Text]: China and the oceans in the early Ming dynasty, 1405-1433 / Dreyer, Edward L. – The library of world biography. – New York, 2007. – P. 238.

названием «Легенда о небесной деве» однозначно доказывает, что «Корабль—сокровищ» Чжэн Хэ не миф, а исторический факт¹.

Историки скептически относятся к описанию размеров китайских кораблей, но в 1962 году рабочие на берегу Янцзы нашли деревянную часть корабля, предположительно, рулевую часть, длина которой составляла 36 футов. Китайский археолог Чжоу Шидэ вычислил, что такой гигантский руль подошёл бы судну с длиной киля в 480–536 чи (то есть 149–166 метров), а возраст находки составляет 600 лет, времени Чжэн Хэ. Известный специалист по науке и технике древнего Китая Джозеф Нидхэм принимал поход Чжоу без вопросов².

Какие бы споры ни велись, ясно одно – эти экспедиции четко передавали миру сообщение, что Китай является экономической и политической сверхдержавой своего мира и времени. За тридцать лет иностранные товары, медикаменты, географические знания и культурные идеи проникали в Китай с необычайной скоростью, и Китай расширил сферу своей политической власти и влияния на всю территорию Индийского океана. Император династии Мин, построив такие большие корабли и огромные морские силы, хотел показать богатство и мощь Китая в странах Южной и западной Океании, а именно в Юго–Восточной Азии и странах Индийского океана. Именно для достижения таких целей он приказал построить самые большие корабли и большие военно–морские силы. Это признак прогресса в области мореплавания и связанных с ним наук и технологий в Китае.

В 1405 году Чжэн Хэ по приказу императора Чжу Ди начал свою первую экспедицию по торговым и исследовательским направлениям. После того как Чжэн Хэ за все его заслуги перед императором был присвоен титул «главного евнуха» (тайцзянь), что соответствовало четвёртому рангу чиновника, император Чжу Ди решил, что тот лучше остальных подходит на роль адмирала флота и назначил евнуха руководителем всех или почти всех семи плаваний в

¹ Динара, В.Д. Сокровища адмирала Чжэн [Текст] / В.Д. Динара // Вокруг света. – Москва. – 2008. – №6. – С.252.

² Shih-shan Henry Tsai. Eunuchs in the Ming Dynasty [Text]. – State University of New York Press. – New York-1996. –290 p.

Юго–Восточную Азию и Индийский океан в 1405–1433 годах, попутно повысив его статус до третьего ранга. Также, назначение придворного евнуха руководителем флота было не случайным, будучи мусульманином, он сыграл важную роль в решении о назначении командования «Золотого морского флота», так как в его путешествиях были и исламские страны¹.

Чжэн Хэ хоть и не был профессиональным мореплавателем, но успел проявить себя успешным дипломатом и полководцем, а в дальних краях эти качества могли весьма пригодиться. Адмирал со всей серьезностью подошел к вопросу и решил подготовиться основательно. В состав своей экспедиции Чжэн Хэ включил моряков, чиновников, дипломатов, переводчиков, писцов, счетоводов, астрологов, служителей культа, поваров, докторов. Экспедиция была поистине масштабной, Чжэн Хэ в каждом походе возглавлял около 30 000 человек, более 250 огромных кораблей во главе с 70–ю императорскими евнухами. Он открыл новую эру в истории морского транспорта Китая и оказал глубокое влияние на проектирование морских путей сообщения в Индийском и Тихом океанах на будущее.

Между 1405 и 1433 годами под его руководством было совершено семь экспедиций по важнейшим торговым путям: побережьям Юго–Восточной Азии, Индийского океана, Красного моря и северным берегам Восточной Африки. Он правил «Шелковым водным путем», открывал новые народы и земли, продемонстрировал силу и величие империи Мин, установил многогранные отношения между династией Мин и зарубежными странами. Флотилия под руководством Чжэн Хэ за короткое время (1405–1433 гг.) посетили более 56 стран. Китайские корабли доходили до берегов Малайзии, Индонезии, Таиланда, Индии, Шри–Ланки, Ирана, Омана, Йемена, Саудовской Аравии, Сомали, Кении и многих других стран. Первое плавание Чжэн Хэ состоялось в 1405–1407 годах по маршруту Сучжоу – берега Тямпы, остров Ява, Северо–Западная Суматра, Малаккский пролив и остров Шри–Ланки.

¹ Fujian Sheng xin wen ban gong shi. Zheng He's Voyages Down the Western Seas [Text] // by Information Office of the People's Government Fujian Province. – China Intercontinental Press, Beijing, 2005. – P.109.

Затем, обогнув южную оконечность Индостана, флотилия двинулась к торговым городам Малабарского побережья Индии, добравшись до самого крупного индийского порта – Каликута (Кожикоде). Во второе путешествие (1407–1409 гг.), Чжэн Хэ отправился на Южный остров Цяоцюй, где он установил контроль над торговыми маршрутами в Южной части Китая. Также корабли должны были доставить иностранных посланников на родину, в связи с этим маршрут второго похода был идентичен первому. Экспедиция носила чисто политический характер. Третий по счету, поход начался уже на следующий год. Курс пролегал через Тямпу, Темасек (Сингапур) в Малакку, где Чжэн Хэ подтвердил признание суверенитета султаната Парамешвара Китайской империей и, соответственно, гарантировал поддержку его власти здесь. Далее армада двинулась в султанат Самудра-Пасай, а оттуда на Шри-Ланку. Заглянул флот Чжэн Хэ в Килон, Kochin и Каликут, а в 1411 г. прибыл в Нанкин.

Первые три экспедиции позволили Китаю не только наладить торговые отношения, но и получить признание в качестве суверена со стороны многих государств южной Индии и юго-восточной Азии. Четвёртая (1413–1415), пятая (1417–1419), шестая (1421–1422) и седьмая (1431–1433) экспедиции доходили до Ормуза и африканского берега в районе современного Сомали, заходили в Красное море. Мореплаватели вели подробные и точные записи увиденного, составляли карты. В них регистрировалось время отплытия, места стоянок, помечалось расположение рифов и мелей. Были составлены описания заморских государств и городов, политических порядков, климата, местных обычаев, легенд. Их авторами были участники экспедиции: Ма Хуань, Фэй Синь и Гун Чжэн. Чжэн Хэ установил торговые и дипломатические отношения с многими странами, доставлял в зарубежные страны послания императора, поощрял прибытие в Китай иностранных посольств, вёл торговлю и таким образом расширил влияние Китая на международной арене¹.

¹ Усов В.Н. «Чжэн Хэ» Духовная культура Китая [Текст]: энциклопедия / Усов В.Н. // Издательская фирма Восточная литература РАН. – Москва. – 2009. – Т. 4. – С.790.

На основе сведений, собранных участниками экспедиции, в 1597 г. Ло Маодэн написал роман «Путешествия Чжэн Хэ в Западный океан» («Сань Бао тай цзянь Си янь сы»). Как отмечал русский востоковед А. В. Вельгус, «в нем присутствуют вымышленные рассказы, но в некоторых описаниях автор определённо пользовался данными исторических и географических источников»¹. Новые пути, определенные Чжэн Хэ и его командой, позже использовались европейскими исследователями. В «Истории Мин» морским экспедициям Чжэн Хэ придается чрезвычайно большое значение: «В летописях говорится, что путешествия Тайцзяня Саньбао в Западное море были самым важным событием в начале династии Мин»².

Однако, вне зависимости от мирных и дипломатических целей, на кораблях размещались и тысячи морских пехотинцев, которые могли хорошо воевать как на море, так и на суше. В то же время флотилия Чжэн Хэ были оснащены самым современным вооружением и техникой того времени. Их вооружением были большие пушки и огнеметы, предназначенные для атаки крепостей во время морских сражений. Существуют разные мнения о применении вооруженных сил. Например, по мнению Джеффа Уэйда из Института исследований Юго-Восточной Азии в Сингапуре в интервью Би-Би-Си утверждает, что по меньшей мере флотилия адмирала прибегала к насилию и три раза повергала своих противников в пепел на Яве, на Суматре и в Шри-Ланке³.

Международное общество Чжэн Хэ в Сингапуре оспаривает эту «западную мысль» и говорит, что битвы адмирала были либо ответом на насилие, либо попытками избавить море от пиратов.

На основании приведенных нами точек зрения, можно привести пример событиях на побережьях Явы, Суматры и Малайи где существовало сильное

¹ Вельгус, А.В. Известия о странах и народах Африки и морские связи в бассейне Тихого и Индийского океанов [Текст]: Китайские источники ранее XI в. / А.В. Вельгус // Наука. Главная редакция восточной литературы. – Москва. – 1978. – С.302

² Бокщанин, А.А. Китай во второй половине XIV-XV вв [Текст] / А.А. Бокщанин // История Востока Издательская фирма «Восточная литература». – Москва. – 2000. – Т.6. – С.544

³ By Zoe Murphy. "Zheng He: Symbol of China's 'peaceful rise'". BBC News - 2010. source: [Electronic resource]:<https://www.bbc.com/news/world-asia-pacific-10767321>

китайское торговое сообщество и в котором часто подвергалось набегам китайских пиратов. Торговцы пожаловались на пиратов, и Чжэн Хэ было приказано встретить их на обратном пути, чтобы решить проблему. Так, в первом плавании на обратном пути китайские экспедиционные войска пленили известного пирата Чэнь Цзу’и, захватившего в то время Палембанг – столицу индусско-буддийского государства Шривиджая на Суматре. «Чжэн Хэ вернулся и привез Чэнь Цзу’и в кандалах. Прибыв в Старый порт (Палембанг), он призвал Чэня подчиниться. Тот прикинулся, что подчиняется, но втайне планировал бунт. Чжэн Хэ понял это... Чэнь, собрав силы, выступил в битву, а Чжэн Хэ выслал войска и принял бой. Чэнь был разбит наголову. Более пяти тысяч бандитов были убиты, десять кораблей сожжены и семь захвачены... Чэнь и еще двое были взяты в плен и доставлены в императорскую столицу, где их приказали обезглавить». Так посланец метрополии защитил мирных соотечественников-мигрантов в Палембанге и заодно впервые продемонстрировал, что его корабли несли на бортах оружие не только для красоты. По словам Фэй Синя, после поражения пиратов в 1407 году Чжэн Хэ стал упорядоченным и скромным правителем морей. Император был очень доволен и наградил всех их титулами по заслугам», – говорится в «Истории династии Мин»¹².

Также во время четвёртого путешествия при обычном на этом маршруте посещении государства Пасай (также известно под названием Самудра) на севере Суматры, видимо на обратном пути из Ормуза в Китай, экипажу основного флота Чжэн Хэ пришлось принять участие в происходившей борьбе между признанным Китаем монархом (Зайн аль-Абидин) и претендентом по имени Секандер. Китайский флот привёз дары от императора Юнлэ для Зайн аль-Абидина, но не для Секандера, что вызвало гнев последнего, и он напал на

¹ Louise Levathes. When China ruled the seas [Text]: the treasure fleet of the Dragon Throne, 1405-1433. – New York: Oxford University Press, 1996. – Р 252.

² Динара В.Д. Сокровищницы адмирала Чжэн [Текст] / В.Д. Динара // Журнал «Вокруг света». – Москва. – 2008. – №6. – С.252.

китайцев. Чжэн Хэ сумел обернуть случившееся себя на пользу, разбить его войска, захватить в плен самого Секандера и отправить его в Китай¹.

Синтия Браун в материале для Академии Хан приводит текст, написанный по приказу адмирала на гранитной доске: “В зарубежных странах мы захватили варварских королей, которые сопротивлялись трансформации и не уважали нас, а также истребили бандитов, которые грабили безрассудно. Морские пути стали чистыми и мирными, и иностранные народы оказались в безопасности”².

Таким образом, Чжэн Хэ регулярно присоединял земли которые находились вдоль Муссонного маршрута, в подчинение своего императора. Такие дипломатические методы с демонстрацией военных сил обеспечили успех китайских морских экспедиций в большинстве стран Южного моря. Куда бы ни шел Чжэн Хэ, он сразу же направлялся к правителью этого города или страны и передавал им приветствие «дитя Небесного», то есть императора Китая. Затем посланный даровал придворному правителью дорогие подарки. Во многих странах китайцам пытались устроить грандиозный пир. Поэтому правитель Тямпы (государства в Южном Вьетнаме), отправлялся встречать Чжэн Хэ на слоне. За ним ехали на лошадях придворные и сотни солдат. Казалось, вся сила была готова во славу великого гостя. Почти все они пытались отправить своих послов в Китай вместе с экспедициями или за ними.

В истории судоходства трудно привести другой пример завоевания мира без кровопролития. Обычно отмечается что когда морские силы приближались к берегу, обязательно должна была начаться артиллерийская стрельба. Воины Чжэн Хэ не жгли земли, не использовали мечи, не грабили города, не порабощали людей, не строили крепостей, не обращали «многобожников» в свою веру и т.д. Всякий раз, когда флот возвращался в Китай, император выражал искреннюю радость. Во время этих экспедиций произошло несколько

¹ Louise Levathes. When China ruled the seas [Text]: the treasure fleet of the Dragon Throne, 1405-1433. – New York: Oxford University Press, 1996. – P 252.

² By Cynthia Stokes Brown. Chinese Admiral in the Indian Ocean". Khan Academy. Source [Electronic resource]: <https://www.khanacademy.org/humanities/big-history-project/expansion-interconnection/exploration-interconnection/a/zheng-he>. Дата обращения 17.01.2025

обменов товарами. Так, Чжэн Хэ привозит в Китай слоновую кость, а также таких экзотических животных, как страус, зебра и жираф. В «Истории династии Мин» говорится, что «было трудно оценить количество приобретенных ими драгоценных камней и товаров». Возвращение адмирала Чжэн Хэ всегда вызывало в столице радость и волнение. Все находки были торжественно переданы в императорский дворец.¹

Экономика и политика были не единственными сферами, на которым повлияло этот экспедиция под руководством Чжэн Хэ. Китай был разнообразен с точки зрения религии, национальности и языка, среди моряков Чжэн Хань можно было увидеть не только китайцев хань, но и мусульман Хуэй, арабов, персов и других народов Средней Азии. Многие из его советников также были китайскими мусульманами, например, переводчик Ма Хуан, который свободно говорил по-персидски и арабский и говорил с мусульманами из разных стран на протяжении их путешествий. Кроме того, он записал свои путешествия под названием «Ин-яй Шэнь-лан», что сегодня является важным источником информации об обществе вокруг Индийского океана в XV веке. Китайская газета South China Morning Post сообщает, что профессор Лю Ингшэнг (Liu Yingsheng) из Нанкинского университета считает, что языками общения в военно-морских силах были персидский или согдийский (язык торговли на древнем Шелковом пути). В то же время газета South China Morning Post пишет, что Чжэн Хэ и многие из его советников распространяли Ислам в Юго-Восточной Азии и везде, куда бы они ни плыли. На индонезийских островах Ява, Суматра, Борнео и др. Чжэн Хэ собирал небольшие группы мусульман².

Хотя многие документы, касающиеся путешествий Чжэн Хэ, были уничтожены, среди ее военных специалистов сохранилось ограниченное количество документальных сведений о морских путешествиях династии Юньлэ. Так, в военной энциклопедии Убэй Чжи, составленной в 1620-е гг., имеется путеводная (навигационная) карта, на которой показаны судоходные

¹ Louise Levathes. When China ruled the seas [Text]: the treasure fleet of the Dragon Throne, 1405-1433. – New York: Oxford University Press, 1996. – P 252.

² Chow Chung-yan. The Chinese admiral who spread Islam across Southeast Asia [Text] // Published: South China Morning Post. – 2017.

пути, идущие вниз по реке Янцзы через Юго–Восточную Азию и Индийский океан в Аравию и Африку. Эта карта определенно была составлена на основе путешествий Чжэн Хэ.

Адмирал “Золотого Флота” Сайдж Чжэн Ма Хе (Мухаммад) был первым, кто открыл Африку, и считается, что он также открыл Америку задолго до Колумба. Он командовал крупнейшими военно–морскими силами своего времени и, возможно, поэтому стал прототипом Синдбада–мореплавателя из знаменитых восточных легенд.

В связи с плаваниями Чжэн Хэ западные авторы часто задают вопрос: «Как получилось так, что европейская цивилизация за пару веков вовлекла в свою сферу влияния весь мир, а Китай, хотя начал крупномасштабное океанские плавания раньше и с гораздо большим флотом, чем имели Колумб и Магеллан, вскоре прекратил свои экспедиции и перешёл к политике изоляции?»¹, «что было бы, если бы Васко да Гама встретил на своём пути китайский флот, подобный флоту Чжэн Хэ?»². Ответы, естественно, даются разные, в зависимости от научных или политических взглядов автора. Наиболее своеобразный ответ даёт отставной британский морской офицер Г. Мензис, который в своей книге «1421: год, когда Китай открыл мир», изложил свою теорию о том, что именно легендарный полководец Чжэн Хэ первым посетил Америку и совершил кругосветное плавание. Во время экспедиции... они путешествовали по всему миру, посетив Америку, Австралию и Антарктиду! «Ни один из великих европейских исследователей не открыл ничего нового. Прежде чем они отправились в путь, у всего мира уже была карта и план. Значит, кто–то сделал это раньше них»³.

Эти смелые слова произнес командир британской подводной лодки, писатель и историк Г. Мензис. Некоторые европейские историки не воспринимают это утверждение всерьез и ссылаются на непрофессиональную

¹ Louise Levathes. When China ruled the seas [Text]: the treasure fleet of the Dragon Throne, 1405-1433. – New York: Oxford University Press, 1996. – P.3-15.

² Там же. – С.10

³ Гевин Мензис. 1421 - год, когда Китай открыл мир [Текст] // Изд-во Эксмо, Яуза. Перевод с английского А. Кашина. – Москва, 2006. – С.26-40.

интерпретацию. Но Г. Мензис также отмечает: «После подтверждения моей работы в Австралии и Китае я впервые задаюсь вопросом: почему европейские и американские ученые утверждают, что Колумб открыл Америку, а командир Джеймс Кук открыл Австралию?» Неужели они до сих пор не знают, что флот Чжэн Хэ путешествовал по всему миру? Я решил прояснить этот вопрос и с удивлением обнаружил, что в мире существует не менее тысячи книг, в которых говорится о визите китайцев в Америку в доколумбовый период. Только список названий книг (библиография) по этой теме составляет два тома¹. Он считает, что важнейшие географические открытия были сделаны китайцами задолго до европейцев.

В силу своего масштаба, своего отличия от предшествующей и последующей китайской истории и своей внешней схожести с плаваниями, которые несколько десятилетий позднее начали европейский период Великих географических открытий, плавания Чжэн Хэ стали одним из самых известных эпизодов китайской истории за пределами самого Китая. Например, в 1997 году журнал Life в списке 100 человек, оказавших наибольшее влияние на историю в последнем тысячелетии, поместил Чжэн Хэ на 14-е место.²

Хотя фотографии Чжэн Хэ не сохранились, согласно записям членов его семьи, он был: "ростом семь чи, талия пять чи, его лоб был высоким, его щеки не были тонкими, его нос был маленьким, глаза сверкающие, зубы белые, по форме напоминающие раковины, а голос был глубоким и сильным, как звон колокола. Записано также, что он обладал большими познаниями в военном деле и был хорошо приучен к сражениям. В 1433 году он умер после последнего путешествия на обратном пути в Китай, и его тело было похоронено в море по традиции моряков. Но китайский историк Сюй Юху (徐玉虎) цитирует в автобиографии Чжэн Хэ, что на самом деле командир флота Чжэн Хэ благополучно вернулся в Нанкин, еще два года он также служил в качестве Нанкинского военного командира и командующего военно-морскими

¹ Гевин Мензис. 1421 - год, когда Китай открыл мир [Текст] // Изд-во Эксмо, Яуза. Перевод с английского А. Кашина. – Москва, 2006. – С.55.

² List of Life magazine's 100 most important people of the last millennium. Life magazine (1997).

силами и умер только в 1435 году. Такую же точку зрения поддерживает Российский исследователь А.А. Бокщанин. К сожалению, из-за того, что Чжэн Хэ был евнухом, у него не было детей. По этой причине он усыновил одного из своих двоюродных братьев, Чжэн Ха Осао, который и по сей день известен как «семья Чжэн Хэ». Экспедиции военно-морских сил Чжэн Хэ были забыты после их завершения в первые века, но теперь они занимают важное место в исторической памяти человечества. Исследования показывают, что флот Чжэн Хэ было хорошо организовано, а его группа была подобрана идеально. Этот факт свидетельствует о богатом опыте военно-морских сил китайского народа в прошлом, который обеспечил успех экспедиций Чжэн Хэ.

Это признак прогресса в области мореплавания и связанных с ним наук и технологий в Китае. Чжэн Хэ открыл новую эру в истории морского транспорта Китая и оказал глубокое влияние на проектирование морских путей сообщения в Индийском и Тихом океанах на будущее.

2.3. Вклад великого везиря Ахмада Фанакати и известного архитектора–изобретателя Ихтияруддина в развитие государственного строя и архитектуры в Китае

В средние века во времена управлении Хубилай-хана, социально-экономическое развитие было нацелено на укрепление государственной власти и повышение благосостояния населения. После управленческой деятельности Саид Аджала Шамсуддина Умара, хан назначает на его должность таджика из другого семейства, Ахмада Фанакати которого называли «Шу-фин-джан» то есть, «Бдительный везирь». Он был одним из влиятельнейших чиновников при эпохи Юань.

Ахмад Фанакати¹ (Banākatī, перс. .احمد بن‌فاتحی, кит. 阿合馬, 1242–1282), был высокопоставленным чиновником, мусульманин таджикского происхождения (народность Хуэй) при дворе Хубилай-хана. Ахмад был

¹ رشیدالدین فضل الله همدانی. جامع التواریخ. ج-۲، تهران-۱۳۷۳، ص. ۹۱۵

уроженцем города Фанакати, расположенного в верховьях Сырдарьи в Трансоксиана (Средняя Азия). В записках Марко Поло он фигурирует как Байло Ахмат.¹ Его деятельность до совершеннолетия неясна, но в какой–то момент он стал членом двора при монгольской империи Юаня, при правлении Хубилай–хана. В исторических хрониках Ахмад Фанакати был известным финансовым чиновником как приближенный высокопоставленный лицо Хубилай–хана, который укреплял и расширял имперские монополии.

В 1262 году Ахмаду, которому доверила Чаби–хатун, любимая жена Хубилая, было доверено управление государственными финансами, он был протеже любимой жены Хубилай–хана Чаби–хатун. За время царствования хана поднялся из неизвестности до одного из самых властных чиновников хана, создав сильную фракцию мусульман в имперском правительстве. Он успешно управлял финансами делами Северного Китая и принес новому правительству Хубилая огромные налоговые поступления. В 1270 году он принял на себя всю полноту власти нового финансового отдела, известного как Государственный департамент (Шаншу Шэн), который имел равный статус с административным отделом, известным как Центральный секретариат (Чжуншу Шэн).

По сообщениям современников, Ахмад был надменен и пользовался своим влиянием на хана, запугав и подчинив весь двор. Хан фактически оставлял на него внутреннюю финансовую политику, пока сам занимался интересующими его больше военными делами. Был объявлен Хубулай–ханом «одним из четырех духовных светочей империи». У него было большое влияние при дворе Хубилай–хана, он был везиром «Фин–джан», также его звали «Шу–фин–джаном»², то есть «Бдительный везирь». Само слово «Шу» звания старшего Фин–джана. Впечатленный знаниями Ахмада и навыками ведения дискуссий, Хубилай назвал его самым талантливым из своих

¹ Sir Henry Yule. The book of Ser Marco Polo, the Venetian [Text]: Concerning the Kingdoms and Marvels of the East. –London,2010. – vol. 1. – P.612.

² رشیدالدین فضل الله همدانی. جامع التواریخ. ج-۲، تهران-۱۳۷۳، ص. ۹۱۵

советников и заявил, что он может «прояснить путь Неба, исследовать принципы Земли и проявить себя в делах человека»¹.

В 1275 году, когда армия юаней захватила Южный Китай, Ахмад убедил Хубилая конвертировать бумажные деньги Сун в банкноты юаней и немедленно распространить монополии на завоеванные территории под управлением специальных фискальных комиссий. Несмотря на утверждения о том, что данный подход Ахмада немедленно привела к резкому росту государственных расходов, эмиссия бумажных денег начала резко расти только в 1274 году как из-за увеличения запасов серебра, так и из-за кампаний против Сун.

После завоевания династии Сун в 1276 году он вошел в финансовые дела Южного Китая. Он установил государственную монополию на соль, которая составляла большую часть доходов государства². В результате его действия, направленные на укрепление такого контроля, ослабили авторитет хана и династии Юань. Эти события спровоцировали описание Ахмада как чиновника, связанного с коррупцией, что отражает влияние китайских авторов, негативно относившихся к нему.³ Тем не менее, его значимый вклад в завоевание Южного Китая сделал его ключевой фигурой в истории, несмотря на негативное отношение местных жителей. Более того, Ахмад разработал новую финансовую систему для империи, которая была воспринята немонгольскими подданными как суровая. Этот факт делал его ненавистной фигурой, но столь высокое положение сделало его неприкасаемым. Также стоит отметить, что его лояльность к Хубилай-хану была обусловлена его административным мастерством, обеспечивающим доходы для завоевания Южного Китая. Хотя мусульмане видели его как жертву китайского давления.

Также Рашидаддин в своей книге «Джами ут-Таварих», положительно оценивает его помощь администрации Хубилая⁴. Недавние монгольские

¹ Christopher P. Atwood. Encyclopedia of Mongolia and the Mongol Empire [Text]. – New York, 2004. – P.689

² Там же. – С.689

³ H. Francke, "Ahmad," in "In the Service of the Khan [Text]: Eminent Personalities of the Early Mongol-Yuan Period (1200–1300)". ed. Igor de Rachewiltz et al. – Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1993. – P.689.

⁴ رشیدالدین فضل الله همدانی. جامع التواریخ. ج-۲، تهران-۱۳۷۳، ص. ۹۱۵

исследования также имеют тенденцию давать положительные ссылки на его роль в создании уникальной финансовой системы династии.

Ахмад был амбициозен и использовал свою власть, чтобы высказать свое мнение в других сферах деятельности правительства, в том числе назначив своих людей (друзей и союзников ханьских китайцев) на высокие посты. В течение следующего десятилетия или около того Ахмаду удалось действительно разозлить кучу других высокопоставленных монгольских чиновников, включая принца Чжэньцзина (которого зовут Джингим в «Марко Поло»).

После смерти императрицы Чабби в 1281 году судьба Ахмада резко ухудшилась, поскольку его главного покровителя больше не было рядом, чтобы защитить его. Из-за влиятельности Ахмада у него было много врагов и конкурентов, и многие из них хотели его смерти. Одним из влиятельных противников Ахмада был Гао Фин-джан¹, которые в конечном итоге, осуществил свой заговор. Смерть политического покровителя Чаби Хатун сделала его ситуацию критической.

В 1282 году Ван Чжу (1254–1282) и Гао Хэшан (Фин-джан) вступили в заговор с целью убить Ахмада по причинам, которые остаются неясными. Когда Хубилай и Джингим отправились в Шанду, в ночь на 26 апреля заговорщики отправили персоналу дворца сообщение, в котором сообщалось, что Джингим возвращается для тайного тантрического буддийского посвящения и что официальные лица должны приветствовать его. Притворившись свитой Цзингима, Ван и Гао получили доступ во дворец и убили Ахмада, Чжан Хуэя и нескольких других его приспешников. В конце концов другие чиновники сплелись охрану и схватили заговорщиков, которые вскоре после этого были казнены². Только после смерти Ахмада его обвинители окончательно настроили Хубилая против него. Император упразднил сотни должностей, созданных Ахмадом, казнил его сыновей, конфисковал его

¹ رشیدالدین فضل الله همدانی. جامع التواریخ. ج-۲، تهران-۱۳۷۳، ص. ۹۱۵.

² Рашид-ад-Дин. Сборник летописей (Джами ат-таварих). [Текст]/ Пер. с перс. Л. А. Хетагурова. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – Т. 2. – С.189

имущество и уволил тех, кто представлял женщин в своих семьях Ахмаду и его сыновьям в качестве наложниц.

Более того, Марко Поло рассказывает, как задумывался заговор против Ахмада, как его убили, и как потом Хубилай наказал семью Ахмада ввиду найденных у нее драгоценностей, похищенных у каана, ну и т.д. В целом эти сведения подтверждаются и юаньскими источниками, которые отражены в "Юань ши". Но суть тут в другом – падение Ахмада и его клана совершилось в 1282 г.

А вот что докладывал Хубилаю (вопреки Марко Поло, что "никто не осмеливался противоречить Ахмаду"), первый министр Алтун (сравните суть его претензий к Ахмаду, отмеченных Марко Поло): "Ахмад, узурпировавший власть, богатства и налоговые поступления", он коррумпировал всю систему гражданского управления тем, что "что на всех должностях чиновников, которые подчинены [Ахмаду], используются негодяи", которые мало того что уже построили себе палаты и продолжают "строить [себе] дворцы", так еще и "продвигались по службе любыми средствами, так что это порождало злоупотребления". В итоге Алтун просил Хубилая разрешить ему чистку аппарата – "проводить отбор [на эти должности] – удаляя [негодных] и продвигая [лучших]", а по Ахмаду и его клану провести расследование. Как далее сообщает "Юань ши", "государь дал повеление [Алтуну] разобраться с ними на основе тщательного расследования".

Теперь обратим внимание на дату доклада Алтуна и резолюцию Хубилая о "тщательном расследовании", это декабрь 1274 г.! До событий 1282 г. еще почти 8 лет шло "тщательное расследование" без всякого видимого результата, пока частные лица не взяли в свои руки правосудие.

Есть и другие высказывания, по мнению некоторых ученых, Ахмад Фанакати хотел уничтожить империю Юань, основанную монгольским ханом Хубилаем.¹ Монголы разграбили его родной город, когда он был мальчиком, и

¹ 《元史》. 卷205. 《奸臣列传·阿合马传》 (Жизнеописания коварных сановников. Биография Ахмада). – 北京: 中华书局, 1976年. - 列传第92.

самому Ахмаду очень повезло, что он выжил и процветал даже под опекой Хубилая и императрицы Чаби. Считается, что город Фанакат был разрушен, когда монголы вторглись в этот район в середине XIII века, хотя он был восстановлен в конце XIV века и получил новое название Шахрухия.

Следует отметить, что идея о том, что Ахмад ненавидел Хубилая и хотел разрушить все, что он построил, на самом деле не подтверждается фактами.

В любом случае «Джами ат-таварих», исторический источник, начала XIV века автором которого является персидский историк Рашидаддин Хамадани изображает Ахмада как человека новаторского ума, чья полностью обновленная финансовая система, способствовала развитию монгольского успеха империи на юге Китая¹. Рашидаддин также пишет: «Эмир Ахмад с честью исполнял обязанности везиря около двадцати пяти лет»²

Итак, насколько нам известно, Ахмад Фанакати не был интриганом, замышлявшим свержение Хубилай-хана, а был просто бюрократом – может быть, коррумпированным, хотя почти наверняка многоуровневый личность.

Анализируя ситуацию, можно добавить что у Ахмада Фанакати изза приближенности к Хубилаю хану и его жены Чабби хатун и его положением высшепоставленный везирь “Шу-фин-джан”, у него были много противников и сторонников которые изображали его злым и коррупционным бюрократом. Судя по словам выше упомянутым, при жизни Ахмада, никто из приближенных Хубилай хана не смогли очернить его имя и доказать его плохие поступки, которые он якобы совершал в своей трудовой деятельности репрессивных налогах, коррупция, тирания и т.д., лишь после его смерти они (его сторонники) начали сообщать Хубилаю-хану, какие-либо известия.

Исходя из этих данных можно предположить, что Ахмад Фанакати был выдающимся политическим и общественным деятелем своего времени. Кроме того, как сообщил Рашидаддин он был умным и активным лидером, способным принимать сложные решения и действовать в интересах своей страны и народа.

¹ رشیدالدین فضل الله همدانی. «جامع التواریخ» ج ۲، نشر البرز، تهران-۱۳۷۳. ص. ۹۱۸.

² Там же. – С.918.

Все его политические и социально-экономические подходы в основном были направлены для благополучия и укрепления империи Юаня.

Таким образом, можно сделать вывод, что Ахмад Фанакати был важным фигурантом своего времени, который оказал значительное влияние на политическую и социальную жизнь империи Юаня и оставил значимый след в истории Китая.

В период династий Юань и Мин (XIII–XV вв.) таджики участвовали в развитии китайской архитектуры, привнося новые строительные приёмы и элементы оформления, использовавшиеся при возведении различных сооружений. В качестве примера можно привести архитектуру мечетей, которые строились в китайском традиционном стиле. Примером является Великая мечеть Сиань, датируемая периодом династии Мин. Западно-китайские мечети чаще имели минареты и купола, в то время как восточные китайские мечети были более похожи на пагоды.

Таджикские мастера также участвовали в возведении крупных архитектурных комплексов, таких как Запретный город (Ханбалык) и Летний дворец в Пекине, где использовались как местные традиции, так и отдельные черты, пришедшие из других культур.

Ихтияруддин, известный таджикский архитектор при дворе Хубилайхана, был главным архитектором Ханбалыка/Даду (совр. г.Пекин), в Китае известен как «Создатель Ханбалыка». В исторических хрониках о его жизни и деятельности приводили мало сведений. Известно только то, что он родился в XIII веке, а умер в 1312 г. Его имя упоминается в литературе и в источниках

по–разному: Ихтияр уд–Дин¹, Ikhtiyār ad–dīn, Хайдирдинг², Яқдилдин³, 也黑迭兒丁⁴, Yēhēidié'érdìng⁵, араб.: امير الدين, Amīr aD–Dīn, Хедиэрдинг и т.д.

В китайских источниках он известен как «Yēhēidié'érdìng», что означает «Ихтияруддин» или «Создатель Ханбалыка». Древнее название города Пекина на китайском именуется как – Даду (大都, Dàdū; великая столица) на монгольском «Дайду» или «Ханбалык», что означает «Город Хана». Ихтияруддин был выдающимся архитектором и дизайнером, возглавил строительство столицы династии Юань, также спроектировавшим несколько дворцов и построек в древнем городе Пекина. Во «Всеобщей истории Китая» и в академических кругах, так и в учебниках, Ихтияруддина называют арабским архитектором. После падения династии Аббасидов (в 1258 г.), в Китай прибыло большое количество мусульман (арабов), и якобы одним из которых был Ихтияруддин. Это утверждение вовсе не соответствует действительности.

Согласно историческим сведениям, особенно китайскими, Ихтияруддин происходил из семейства хуэй–хуэй (мусульман), которые большинство из них были таджиками (выходцами из Великого Хорасана). Согласно историческим источникам, которым было упомянуто выше: со времен династии Тан арабов называли «Даши», но это изменилось позже в период правления династии Юань этот термин обычно относилось к персо–язычным мусульманам. Происхождению Ихтиёруддина часто путались, например, в китайских хрониках часто упоминают термин «Даши», то что он был из государства Аравии «Даши» якобы уроженцем арабских стран, здесь хочется добавить, что, анализируя эту ситуацию можно сделать вывод что, китайцы действительно путались в определении арабов и персов.

¹ Финг Цинь Юань. Исламская и иранская культура в Китае [Текст]/ Персидский перевод Мохаммада Джавада Умединия. – Тегеран, 1998. – С.156

² 林梅村. 波斯文明的洗礼 (Омовение персидской цивилизацией: четвёртая часть отчёта об иранской экспедиции 2012 года) // 考察记. – 伊朗, 2012. – 之四.

³ Алимов, Р. К. Таджикско-китайское культурное сотрудничество как важный аспект двустороннего стратегического партнерства [Текст]: Китай в мировой и региональной политике. – История и современность, 2012. – С.416

⁴ 穆斯林建筑师 – 也黑迭兒丁 (Tr: Muslim Architect-Yehdie Ding). [Электронный ресурс]: <https://freewechat.com/a/MjM5NzQxNzg2MA==/2653364072/1>. Дата обращения: 14.07.2022.

⁵ Wang Qian. Architect Yuan Dadu also Heidier Ding [Text]. – Source: cultural industry. – 2014.– No.04.– P.6

Несмотря на их (китайцев) ошибки, китайский писатель Оуян Сюань¹ (1283–1358) в девятом томе «Собраниях Гуйчжи», в главе «Стела Ма Хе Маша» упоминает, что термин «Даши» происходит от персидского слова «тазик» (大食), что означает «таджик». Британский ученый Дж.А. Бойл отмечает, что слово «Тазик – это термин, который тюрки использовали в отношении персоязычных жителей того времени». Профессор «Чжэцзянского университета» Хуан Шицзянь также указывает на то что: «Во времена династии Юань слово тазик (Tāzik) относили к персо–язычникам, а не к арабам»². Этот термин и по сей день пользуется в отношении персо–язычных народов в основном «Таджикского автономного округа Синьцзяня».

В трудах Оуяна Суяна "сборник Гуйчжая" говорится, что имена детей и внуков Ихтияруддина – Ма Хе Ма–ша (Мухаммад Шах), Му Ба Ки–ша, Худу Лу–ша, Юши Шэньси, Хубу Шан–шу, Алу Хун–ша – имеют суффикс "Ша", который является типичной персидской фамилией, переведенной с персидского šāh (царь), хотя суффикс Хеди «D» является арабским, носители персидского языка также использовали этот суффикс в своих фамилиях, например, мусульманские лидеры Сайфуддин и Амируддин, которые в конце правления династии Юань, участвовали в «войне Бакси» (в Гуанчжоу), они говорили на персидском языке. Также работа мастера известного живописца и художника–миниатюриста Камолуддина Бехзода (XV в.), по мотивам персидского поэта XII века Ильяса Джамалддина Незами, «Строительство замка «Хеверниг», «Хикоёти» «Хамса», на котором ярко изображено строительство замка таджикскими архитекторами для Сасанидского персидского принца Бахрама Гура, который сейчас находится в Британской библиотеке. Поэтому не исключено, что Ихтияруддин из семьи таджикских архитекторов, поэтому

¹ 欧阳玄 Оуян Сюань (Юань Гун, Хао Гуйчжай – 1973/83–1358) – один из выдающихся китайских писателей и каллиграфов периода правления династии Юань. Является автором книг: «Коллекции Гуйчжай», «Династия Тан», «Защита реки Чжичжэнхэ», «Стратегии защиты от голода» и других. Также он составил хронику и историю трех китайских династий «Ляо, Син и Сун». О вкладе семьи Ихтияруддина историк написал в главах «Стела Ма Хе Маша» и «Герой Сюаньли и Тайфу» в девятом томе книги «Гуйчжайские сборники», которая написана в 15 томах. В настоящее время большая часть произведений Оуян Сюань находится в Китайском институте древностей и культуры (Пекинский педагогический университет) и в китайских музеях.

² 林梅村. «波斯文明的洗礼 - 2012伊朗考察记之四».

династия Юань доверила четырём поколениям этой семьи архитектурное убранство дворцов Юань–шаньду и Юан–даду.¹

В то же время, что бы установить таджикское происхождение Ихтияруддина, следует обратится к исследованиям профессора “Центра Национального Университета языка и литературы Китая”, Ху Чжэньхуа, который отмечает следующее: ...первым архитектором города Пекина был “хуэй” по имени Якдилдин (Ихтияруддин) из государства Даши – западных областей династии Юань. Ученый приходит к выводу, что этот человек был таджиком и объясняет свою точку зрения следующим образом: 1. Имя конструктора Якдилдина пишется Як–Дил–Дин (Як "один" , дил "сердце", дин "религия"), известно, что это слово персидско–таджикское; 2. уроженец государства «Даши»; Китайские историки называли носителей персидского языка (таджиков), принявших ислам, «тянь–фан» или «даши»; «Даши», как неоднократно китайский ученый заявлял, что есть транскрипция слова «таджик» на китайском языке; 3. Значения “Hui–Hui”, в переводе означает «мусульмане»².

Подводя итоги по определению происхождения Ихтиёруддина следует отметить добавит что несмотря на то, что китайцы допустили массу ошибок в вопросе происхождения арабов и персов, сегодня из анализа самих же китайских ученых, из их хроник, а также из надписей на стелах (каменные надписи – которые многие из них были написаны на персидском) можно с уверенностью сказать что Ихтияруддин происходил из семьи таджиков. Здесь также можно упомянуть имя Финг Цинь Юаня, который в своей книге «Исламская и иранская культура в Китае», отмечает что Ихтияруддин был персидским архитектором³. Таким образом анализ китайских источников

¹ 林梅村. 波斯文明的洗礼 (Омовение персидской цивилизацией: четвёртая часть отчёта об иранской экспедиции 2012 года) // 考察记. – 伊朗, 2012. – 之四.

² Алимов, Р. К. Таджикско-китайское культурное сотрудничество как важный аспект двустороннего стратегического партнерства [Текст]: Китай в мировой и региональной политике. – История и современность, 2012. – С.416

³ Финг Цинь Юань. Исламская и иранская культура в Китае [Текст]: Персидский перевод Мохаммада Джавада Умединия / Финг Цинь Юань. – Тегеран, 1998 – С.156-159

позволяли нам прийти к выводу, что многие таджикские ремесленники, такие как Ихтияруддин, были выходцами из таджикских семей.

Согласно историческим хроникам, существуют разные мнения о переселении Ихтияруддина в Китай. По мнению некоторых ученых, Ихтияруддин переселился в Китай до основания династии Юань и он уже был известным архитектором и дизайнером. Существует точка зрения, что Ихтияруддин учился у ханских архитекторов. Скорее всего, они были беженцами из Средней Азии во времена нашествия Чингиз-хана. Как бы там не было, известно одно, что в первые годы правления Хубилай-хана (1260 г. н.э.), Ихтияруддин руководил “Бюро Чадиер”¹, и все гражданские и инженерные мастера, принадлежавшие к королевскому дворцу Юань Шизу, находились под юрисдикцией Ихтияруддина².

В первые годы правления Хубилай-хана (до строительство г. Пекина), Ихтияруддин и его сын Мухаммад-шах участвовали в строительстве и проектировании нескольких зданий и дворцов для недавно созданной империи Юань. В сочинениях Оуян Суяня «Сборники Гуйчжай», том девятый, говорится, что «...оба они были чиновниками Министерства труда, а предками их были мусульмане из района Сио (западные районы Китая, выходцы из Центральной Азии)³. На четвертом году правления династии Чжунтун (империи Юань) Хайдирдинг (Ихтияруддин) решил восстановить остров Цюнхуа (ныне парк Бэйхай), который во время войн превратился в руины. В начале правления династии Юань (1264 г. н.э.) по приказу Юань Шизу (Хубилай-хана) Ихтияруддин за два года перестроил храм Гуаньхун на острове Цюнхуа и другие официальные учреждения в соответствии с китайским архитектурным стилем. В это проект Ихтияруддин вложил все свои знания, энергию, проявив свои выдающиеся архитектурные таланты. Хубилай-хан был

¹«Чадиер», что в переводе с монгольского означает «лужанг» (палатка), (Хима ва Харгох) является специализированным строительным учреждением династии Юань, для управления гражданским строительством, таким как дворцы и городское строительство, и его мастерами.

² Там же. Финг Цинь Юань. – С.157.

³ R. Amitai and M. Biran Nomads as Agents of Cultural Change [Text]: The Mongols and Their Eurasian Predecessors”. University of Hawai'i Press on 2015. – P.335. (Ch.8 George Lane. “Persian Notables and the Families Who Underpinned the Ilkhanate”).

очень доволен и дал больше власти Ихтияруддину. В августе восьмого года правления династии Юань, Ихтияруддин был назначен Хубилай-ханом хранителем дворца «Далуачи» и генеральным менеджером всех видов ремесленников «Бюро Чадиера», при китайском правительстве.¹

После появления архитектурных талантов и построек Ихтияруддина, Хубилай-хан хотел в срочном порядке построить огромную и великолепную столицу, чтобы продемонстрировать свою мощь и величие своей империи. Согласно записям Оуян Сюана в «Сборниках Гуйчжай» в девятом томе, глава «Стела Ма Хе Маша» упоминает, что «в то время это решения было определено великим делом, империя Юань была могущественной, но дворцы и города не были огромными и грандиозными...»². Хубилай-хан знал что, в реализации такого огромного плана не смог бы осуществить с монгольским народом, поэтому он посоветовался с Ихтияруддином и Лю Бинжунем (проектировщиком), о строительстве древнего города Пекина (Ханбалык) в качестве столицы Китая. В декабре Юань Шизу (Хубилай-хан) приказал Ехейдиер Дину (Ихтияруддину) начать постройку столицы Ханбалыка вместе с Лю Бинчжуном, Чжан Роу, Дуань Тянью и другими ханьскими чиновниками, а также Е Субухуа и другими этническими меньшинствами³.

Следует отметить, что Пекин, это не только столица Китая, но и первый исторический город Востока. Это политический, экономический, культурный и военный центр многих династий в истории Китая. Он имеет долгую историю и невероятно богатое культурное наследие.

Столкнувшись с такой трудной исторической задачей, Ихтияруддин понял, что общий дизайн и планирование столицы являются ключом ко всему проекту. Перед официальным началом строительства города Ихтияруддин и его коллеги тщательно изучили географическую среду города и прилегающие к нему районов и разработали новый проект, основанный на китайской

¹林梅村. 波斯文明的洗礼 (Омовение персидской цивилизацией: четвёртая часть отчёта об иранской экспедиции 2012 года) // 考察记. – 伊朗, 2012. – 之四.

²林梅村. Там же. Т.4.

³林梅村. Там же. Т.4.

искусственной архитектуре и географических особенностях. Ихтияруддин также принял соответствующие меры по подготовке снаряжения, подбору строителей, ремесленников и т. д. из числа таджиков и других мусульман. В соответствии с традиционными обычаями Китая, условиями исторического и географическими особенностями был разработан генеральный план всего города¹.

Для идеального исполнения и демонстрации величия Юаньской империи Ихтияруддин спроектировал дворец в самом видном и важном месте Китая, сделав его центром города. Великолепная архитектура дворца и красивые и красочные природные пейзажи, объединенные вместе создали естественную и искусственную красоту.

Относительно планирования и строительства Юань Даду (Пекин) Чэнь Дэчжи, главный редактор книги «Всеобщая история Китая», пришел к следующему выводу: «...Планировщики Юань Даду (Хонболиг) и проектировщик большинства городов были Ихтияруддин и Лю Бинчжун. Они разработали проект Ханбалыка по замыслу древнекитайской архитектуры. Территория архитектуры столицы: с севера на юг, имеет длину примерно около 7400 м, его ширина с востока на запад составляет 6650 м., он имел одни и другие ворота в северной части, и три на востоке, западе и юге. Город окружен колодцами. Имперский город расположен в центре южной части Дачена (Внешнего Гочена). Этот область включает в себя южную часть Имперского города к востоку от Мияги. Главные дороги этого великого города ведут к воротам. Между главными дорогами можно увидеть храмы, улицы и колодцы. Также офисы, магазины и жилые дома расположены на разных улицах и проспектах. Город разделен на шестьдесят проспектов, но эти проспекты являются лишь административными единицами, а не закрытыми проспектами, как во времена династий Хан и Тан Чанънан»².

¹ 陳垣. 《元西域人華化考》(Текстовые исследования хуэй-хуэй западных регионов в период династии Юань). // 「稿本」. (八卷). –北京-1934.

² Чэнь Дэчжи, редактор: Всеобщая история Китая [Текст] Шанхайское народное издательство, Шанхай-1997. – том-8, том-1. – С.831.

Строительство городских стен началось в 1264 г., а строительство императорского дворца начался в 1274 году. Улицы города больше похожи на форму шахматной доски. Ханбалык (Юань Даду) был спроектирован в соответствии с классическим конфуцианским стилем Чжоу–ли (周禮, «Чжоу Ли») с 9 проспектами на востоке, западе, юге и севере, в форме «девять долготы и девять широт». В большинстве городов между воротами проходили широкие улицы, предназначенные для вьючных лошадей. «В городе было 4 типа проспектов и переулков: главные проспекты, малые проспекты, главные переулки и маленькие переулки. Главные улицы имеют ширину 24 ступени, маленькие улочки – 12 ступенек, 364 главные переулки и 2900 переулков». Главный проспект делит город на 50 площадей, каждая из которых имела свое название. В большинстве городов существовало три основных рынка, каждый из которых располагался в важном оживленном районе и выполнял двойную функцию торгового центра и культурно–развлекательного пространства. После основания династии Юань в 1271 году Хубилай–хан (в 1272 г.) переименовал названия известного города Чжунду (中都, Центральная столица), на Ханбалык (Юань Даду/Дайду), «Великая столица», которая стала центром империи Юань, хотя некоторые строительные работы в городе продолжались до 1293 года.¹

Расположение этого города играло важную роль в архитектуре, поскольку здания дворцов были расположены на высоких местах и имели прекрасный дизайн и внешний вид, что прославило Китай на мировой арене. Ханбалык (Юань/Даду) сначала стал политическим, культурным и экономическим центром Китая, заменив Чанъань и Лоян (которые были столицей со времен династии Западная Чжоу). Однажды Хубилай–хан увидел блестящий успех строительства столицы династии Юань и взволнованно сказал: «Я живу здесь, чтобы встретить вечного правителя мира Тулуя...».² Ихтияруддин вложил

¹ 穆斯林建筑师-也黑迭儿丁 (Tr: Muslim Architect-Yehdie Ding) [Электронный ресурс]. <https://freewechat.com/a/MjM5NzQxNzg2MA==/2653364072/1>

² 陳垣. 《元西域人華化考》(Текстовые исследования хуэй-хуэй западных регионов в период династии Юань). // 「稿本」. (八卷). –北京-1934.

много сил в этот замечательный проект и направил все свои знания и энергию на его строительство.

Именно в этот период знаменитый венецианский путешественник Марко Поло посетил Ханбалык (Пекин) и восторженно описал весь город и дворцы Хубилай-хана: «...между дворцом великого хана, стены в больших и в малых покоях покрыты золотом и серебром, и разрисованы по ним драконы и звери, птицы, кони и всякого рода звери, и так то стены покрыты, что, кроме золота и живописи ничего не видно... А крыша красная, зеленая, голубая, желтая – всех цветов, тонко да искусно выложена, блестит, как кристальная, и светится издали, кругом дворца. Крыша эта, знайте, крепкая, выстроена прочно, простоит многие годы»¹.

Из сведений, Марко Поло можно сделать вывод что постройки города Ханбалык были предусмотрены до каждой мелочи и были выполнены с высочайшим качеством и вниманием к деталям. Он описывал уникальную архитектуру и декор каждого дворца, а также красочные фрески и резьбу по дереву в каждом зале.

После смерти Ихтияруддина, его ученики создали каменную статую в его честь, однако из-за того, что резьба по камню не соответствовала исламским учениям, от нее пришлось отказаться. Позже Юон Чжэнъцзун наградил Ихтияруддина многими правительственные наградами: Верный герой Сюаньли, Тайфу, Кайфуйи Туншанг-чжуго, Чжао Гогун, а посмертно присвоил почетное звание Чжунмин. Сын Ихтияруддина Мохаммед-шах (Ma Хe Маша) продолжил деятельность конторы «Ча Диер» вместо отца. Ихтияруддин и его потомки работали в этом министерстве в течение четырех поколений, в качестве руководителя, возглавляли офис «Ча Диер» и стали семьей инженеров-строителей при династии Юань.²

В период правления империи Юань и Мин в Китае творили многие другие таджикские ремесленники, которые также внесли свой вклад в

¹ Марко Поло. Книга о разнообразии мира [Текст] /Пер: Л. Яковлева. – Москва,2005. – С.478

² Wang Qian. Architect Yuan Dadu also Heidier Ding [Text] / Wang Qian. – Source: cultural industry, 2014. – No.04. – P.6

традиционную Китайскую архитектуру, и они способствовали не только строительству дворцов и зданий, но и строительству бань, синих глазурованных кирпичей, мечетей, учебных зданий, обсерваторий, садов и т. д. Искусство иранской архитектуры распространилось на восток и оказало большое влияние на историю и культуру Китая. Искусство архитектуры и дизайна Ихтияруддина, особенно в строительстве города Пекина, оказали глубокое влияние на развитие строительства в период правления более поздних династий (Мин и Синь). В целом, это важная веха в истории китайской архитектуры.

Во времена империи Юаня, таджики в немалой степени также способствовали обеспечению боеспособности войскам Юаня. Они были изобретателями и создателями новейших для того времени образцов военной техники, прежде всего осадных орудий до огнестрельной артиллерии, использование которых монголами во многом предопределило их победу над китайской империей Сун.

В ранний период правления Хубилай-хана (империя Юань), провинциальные правительства на юге демонстрировали сопротивление и не хотели признавать правительство Юаня. В течение пяти лет, с 1267 г. войны Хубилай-хана безуспешно осаждали и штурмовали крепости Сянъян и Фаньчэн, ключевые пункты китайской обороны. В связи с этим великий хан Хубилай направил своего посла к монгольскому правителью Ирана Абага-хану и попросил, чтобы он направил в Китай несколько специалистов по растяжению. Его союзник и родственник Чингизид, монгольский правитель Ирана, прислал к юаньскому двору двух таджикских специалистов, Исмаила и Аловуддина, мастера артиллеристы (пао-цзян), умевших изготавливать сверхмощные осадные орудия¹.

В результате Аловуддин и его брат Исмаил, которые были экспертами в изготавлении артиллерийских орудий, были отправлены в Китай, где они вместе со своими семьями отправились в Пекин. Они сконструировали большое

¹ Финг Цинь Юань. Исламская и иранская культура в Китае [Текст] / Персидский перевод Мохаммада Джавада Умединия. – Тегеран, 1998. – С.291

орудие (да-пао) и испытали его перед императорским дворцом в присутствии Хубилай-хана. Создание осодное орудие, с помощью колеса и стержней бросал 150-килограммовый камень на большие расстояния, в результате чего каждая стена дворца и крепости рухнули в конце.

В 1272 г. орудие было доставлено к крепостным стенам Сянъяна, где Исмаил применил его мощь против осажденных. “Страшное смятение наступило в городе, многие прыгали со стен и сдавались в плен, город пал”¹, сказано в “Юань-ши” в тексте биографии Исмаила, где приводится устройство этого осадного орудия. Это оружие оправдало себя не только в крепостной войне, но и в условиях борьбы за переправы при форсировании рек. Использовалось оно при разгроме китайского военного флота при Яишань в 1279 г. и в двух военно-морских и десантных операциях монголов на Японские острова, а также при вторжении в страны Юго-Восточной Азии².

После использования этого осадного орудия (шар для разрушения замков), центральному правительству удалось пересечь Желтую реку (Хуан-хэ), сломить сопротивление южных городов и провинций один за другим, завоевать и занять их. За эти завоевания Аловуддин и Исмаил стали известны во всем Китае как специалисты по изготовлению осадных орудий и были удостоены почетных должностей. Аловуддин даже был признан императором, ему было присвоено престижное звание «Амир Низам», т.е. высшая должность в армии и был удостоен награды в размере 5 тысяч Джоу. В 18-м году (1281 г. н.э.) ему было поручено собрать рассеявшихся хуэй-цев, знатоков артиллерийского дела, и доставить их в южную столицу Кайфэн, чтобы восстановить там землю и сельское хозяйство. В 1285 г. (н.э.) он был командиром отряда из десяти тысяч человек. В 1300 году из-за преклонного возраста он уступил место своему сыну

¹ 宋濂 编. 《元史》 (Юань-ши [Текст]: История династии Юань). –北京: 中华书局, 1976. – 203 卷.

² Кадырбаев, А. Ш. Иранские народы в Китае: история и современность [Текст] / А. Ш. Кадырбаев // Иран-наме г. Алматы, 2007. – № 2. – С.100;

«Фумуджи». В 1312 году «Фумуджи» умер, и ему наследовал его сын Мухаммад Шах¹.

В империи Юань в 1283 г. было создано специальное “Хуэй-хуэй пао-шоу цзинь-цзян вань-ху” (Управление тумена артиллеристов и мастеров по изготовлению мусульманских камнеметов), его руководство осуществляли выходцы из таджикских родов Абу Бакр, Ибрагим, Хасан, Якуб.

После них (Аловуддина и Исмаила) регулирование и распорядок артиллерийских войсковых команд перешло в руки их потомков. В частности, сыну Исмаила, Бобо благодаря своим неоднократным победам в артиллерийских атаках он достиг высоких должностей, в том числе звания командующего пограничного эмира, управления артиллерией Хуэй-хуэй, заместитель командира 10-тысячного отряда, главный секретарь Министерства административных дел, начальник административного отдела и других должностей. Его младший брат «Гиясуддин», его сын «Хасан» и его внук «Якуб» и другие также достигли важных должностей².

Заметим, что таджики в эпоху Юань и Мин занимали высокие должности в правительстве и управляли городами и провинциями. Они были активными участниками политической жизни и вносили свой вклад в развитие государства. Таджикский народ также были членами различных политических партий и организаций, которые стремились к улучшению социально-экономического положения населения и укреплению государства.

В качестве примера можно привести несколько выдающихся личностей, действовавших в период правления Чжу Юаньчжана. Некоторые из полководцев Чжу Юаньчжан (основателя династии Мин), были выходцы из Великого Хорасана и представители народа хуэй которые были переселенцами из Центральной и Западной Азии. В эпоху династии Мин к числу способных генералов относились Дин Дэсин и Ху Дахай. Ху Дахай родился на территории современного уезда Си провинции Аньхой. Его семья была таджикского

¹ Финг Цинь Юань. Исламская и иранская культура в Китае [Текст] / Персидский перевод Мохаммада Джавада Умединия. – Тегеран, 1998 – С.138

² Там же. – С.140-142.

происхождения,¹ они пришли в Китай по Шелковому пути и поселились в Анхое в качестве торговцев ютяо. Он присоединился к армии Чжу Юаньчжана примерно во время падения династии Юань, возглавляемой монголами.

Ху получил руководящие должности и возглавил войска, которые победили соперничающего военачальника Ян Ваньчжэ, заставив других вождей мяо Цзян Ина, Лю Чжэня и Ли Фу сдаться. Он служил администратором всего региона Цзяннань и отвечал за охрану района Цзиньхуа в Чжэцзяне. Хотя Ху был неграмотным, он был известен своей скромностью и готовностью принимать предложения от своих подчиненных. Он рекомендовал нескольких известных ученых и чиновников из Чжэцзяна на службу Чжу Юаньчжану (который позже основал династию Мин и стал ее первым императором), в том числе Лю Боэна, Сун Ляня, Е Чена и Чжан И. Войска Ху были очень дисциплинированными, и Ху однажды описал их: «Мои воины не умеют писать, они знают только три обязанности: не убивать, не оскорблять женщин и девушек и не сжигать хижины или фермерские дома»².

Тем самым, вклад таджиков в особенности в средневековом Китае велика, во многих китайских источниках, среди которых Юань-ши и Мин-ши, часто упоминается о вкладе таджикских семей и народ Китая по сей день признателен им и гордится их вкладом. В подтверждение этих слов можно привести несколько примеров: статуи которые установлены в честь Чжэн Хэ, Саид Аджала Бухари, известного таджикского архитектора Ихтиёруддин и т.д. Также в Гуанчжоу есть три гробницы мусульман, приверженных династии Мин, которые были замучены во время битвы против Цин при маньчжурском завоевании Китая в Гуанчжоу. Сторонников мусульманина Мин называли «цзяомэнь санчжун» («Три защитника веры» или «Трио верных мусульман»).³

¹ Li, Shujiang; Luckert, Karl W. Mythology and Folklore of the Hui, A Muslim Chinese People [Text]. – New York, 1994. – P.33-55

² Там же. – С.56-74

³ 蕭國健. 嶺外雲煙：華南文化與古蹟文物紀略 (Краткий очерк культуры и памятников Юга Китая). (收錄章節 《清真先賢古墓及回教三忠墓》, 第104頁及以下). – 香港：三聯書店, 2025. – 184頁.

На основании исторических фактов можно сделать вывод о значительном вкладе таджиков в политические и социально-экономические дела империи Юань и Мин. Как оказалось, роль таджиков в политико-общественной жизни Китая от доисламского периода до Средневековья велика и уникальна. В обширных политических, экономических и культурных связях, существовавших между Китаем и странами Запада с древнейших времен до наших дней, таджики заняли первое место. Многие из таджикских переселенцев, служились до высших чинов, таких как Садр аль-Азам, Кази-уль-Куззат в центральном правительстве и местных органах власти. Также среди них широко упоминаются такие известные имена, как Саид Гиясиддин, Ихтияруддин, Ахмад Мухиддин, Бадриддин, Шамсуддин и др. Таким образом основании проведенного анализа письменных источников мы пришли к выводу, что вклад таджиков в Китай различен, и связан он с торгово-рыночным сотрудничеством, научными, культурными, медицинскими, политическими связями, талантами государственного управления, военном искусство и т.д.

2.4 Деятельность таджикских ученых в китайских научных кругах (в XIII-XV вв.)

Таджики играли ведущую роль не только в социально-экономической и политической жизни Китая, но и в научной и культурной жизни китайской цивилизации. Они были, прежде всего, пропагандистами науки и культуры среди китайского народа, и благодаря им научные достижения, изобретения и инновации не только публиковались и становились достоянием народа, но и способствовали прогрессу и развитию науки и образования в Китае. Такая ситуация хорошо наблюдалася в области математики, медицины, научных исследований, составления точных календарей и т.д.

Одной из ярких фигур, чья деятельность позволяет проследить вклад иранских и таджикских интеллектуалов в формирование знания о Китае,

является Сайд Али Акбар Хитай¹ (по прозвищу «Хитай» - «Китаец»). Его персидское сочинение «Хатаи-наме» (خطای نامه), «Повествование о Китае», написанного на персидско-таджикском языке в начале XVI века, представляет собой уникальное произведение, в котором сплетаются этнографические наблюдения, географическое описание, культурная рефлексия и личный опыт автора. Он был выходцем из Мавераннахра, принадлежал к торговому сословию, но, как видно из содержания его труда, обладал также обширными познаниями в области литературы, географии и культуры. В период пребывания в Китае, он не только наблюдал социально-политическое устройство государства, но и с особым вниманием исследовал традиции, обычаи, календарные практики, а также научные и художественные достижения китайцев, делая выводы на основе собственного знакомства с местными реалиями и литературными источниками.

Интересно, что в его труде присутствует отсыл к тюркоязычным, тибетским, уйгурским и иным народам, населяющим границы Поднебесной, что делает это сочинение ценным не только с точки зрения познания китайской цивилизации, но и для реконструкции этнокультурной картины Срединной Азии и Восточной Азии того времени. В ряде случаев Хитай ссылается на местные легенды, такие как история Сунь Угуна - мифологического героя, на китайскую астрономию, уголовное право и придворный этикет, что указывает на его глубокую вовлечённость в изучение окружающего мира не только как наблюдателя, но и как интерпретатора чужой культуры сквозь призму исламской научной традиции.²

Существенно и то, что сам текст «Хатаи-наме» был написан на литературном персидском языке с элементами суфийской поэтики и моральной дидактики. Автор активно цитирует таких поэтов, как Саади, Аттар, Шейх Ираки и Шабистари, показывая, что его взгляд на Китай не был сугубо

¹ Шохина, З. Г. Сайд Али Акбар Хитай и его сочинение «Хитаинаме» как источник по истории Китая [Текст] / З. Г. Шохина // Проблемы востоковедения. – М., 2005.

² Raphael Israeli. Islam in China [Text]: religion, ethnicity, culture and politics . – Lexington Books Maryland, 2002. – P.350.

внешним или утилитарным, а проникнут определённой духовной глубиной. Его произведение нельзя рассматривать исключительно как географическое или историческое описание; оно представляет собой своего рода синтез путевого дневника, философской рефлексии и дипломатического отчёта. Своё сочинение он посвятил султану Селиму I, что подчёркивает не только политическую направленность текста, но и его миссионерский характер в контексте османско-ссефевидского соперничества.¹

Али Акбара Хитай является образцом мусульманского интеллектуала, сочетавшего функции наблюдателя, рассказчика, философа и культурного посредника. Его труд вписывается в более широкий контекст роли иранских и таджикских учёных в развитии китаеведения и межцивилизационного диалога. Как отмечает современный исследователь Д. Девиз, «такие тексты служат не только зеркалом Востока, но и картой интеллектуального поиска мусульманских народов в стремлении понять и переосмыслить "чужое"».²

Литературные достижение таджиков. На протяжении веков таджики участвовали в научных и культурных обменах, способствуя распространению знаний в области математики, астрономии, медицины, философии и других направлений. Многие выдающиеся таджикские мыслители и учёные внесли значительный вклад в развитие китайской науки и образования. Их работы и идеи способствовали взаимопониманию между народами и укреплению культурных связей.

При династии Юань в Китае в XIII веке резко увеличилось количество мусульман (выходцев из Великого Хорасана) в Китае. Иностранцам в Китае был присвоен высокий статус в иерархии нового режима. Влияние таджиков на Китай в это время, включая развитие китайской науки и разработку Даду, огромно и в значительной степени неизвестно.

¹ Шохина, З. Г. Сайд Али Акбар Хитай и его сочинение «Хитайнаме» как источник по истории Китая [Текст] / З. Г. Шохина // Проблемы востоковедения. – М., 2005.

² Девиз, Д. Исламизация и коренные религии Золотой Орды [Текст]: Баба Туклес и обращение в ислам в исторической и эпической традиции / Д. Девиз. – Университет Пенн Стейт, 1994. – С.638.

В то же время, когда монголы импортировали мусульман из Самарканда и Бухары, чтобы они служили в Китае, монголы также отправляли ханьских китайцев и китаней из Китая на службу, в качестве руководителей мусульманского населения в Бухаре в Центральной Азии, используя иностранцев для ограничения власти местных народов обеих стран.

О роли таджикских семей в развитии науки в Китае, свидетельствует персидский летописец монгольской эпохи Рашидаддин Фазлуллах: «Некий ученый, по прозвищу Риза, из Бухары, находился при нем (Тимур-каане, императоре династии Юань, внуке и преемнике Хубилай-хана) и претендовал на знание алхимии, белой и черной магии». В последние годы правления династии Юань на поприще китайской учености известны мусульмане, обладатели ученой степени цзиньши,¹ братья Худбудин, Мула-ад-Дин и Хайрудин. Но выходцы из Великого Хорасана и Ирана не только приобщались к китайской цивилизации, но сами оказывали влияние на ее развитие.²

Российский востоковед А.Ш. Кадырбаев в своей научной статье ««Таджики» Китая: история и современность» описывал позицию таджикских ученых и писателей следующим образом: «Среди мусульман - представителей иранских народов, достигших высот на поприще китайской учености, Дин Хонянь – ученый конфуцианец, проявлявший интерес к медицине, дыхательным упражнениям и рецептам даосов, олицетворявших одну из традиционных китайских религий и обещавших людям “эликсир бессмертия”; Као Кэгун и Садулла - писатели и художники, творившие на китайском языке; уроженец Алмалыка в Илийской долине, историк Омар, художник и каллиграф, красиво писавший китайские иероглифы, что в Китае почиталось за искусство; поэты Бегликшах (Белушао по-китайски), Али Яоцин и его сын Ли Сыин».³

¹ Степень цзиньши (进士) – высшая учёная степень в системе императорских экзаменов кэцзюй в средневековом Китае. Она присуждалась успешным кандидатам (независимо от их происхождения) дворцового экзамена (殿试), проводимого лично императором. Обладатели цзиньши могли занимать высокие государственные посты и поступать в элитную Академию Ханьлинь.

² Рашид-ад-Дин. Сборник летописей [Текст]. – М.: Л, 1952, Т.2. – С. 195

³ Кадырбаев, А. Ш. Таджики Китая [Текст]: история и современность // Общество и государство в Китае. – Москва, 2010. – №1. – С.472;

Здесь очень интересна личность Дин Хоняня, чей прадед Алоуддин и дед Хуснуддин были выходцами из Великого Хорасана. Отец Дин Хоняня Джамалуддин был чиновником на монгольской службе в Китае в городе Учане. Дин Хонянь, известный также как «Юн Гэн и Хэ Шань», прославился и как поэт, он являлся автором стихов “Хай гоцзи” - “Дом у моря” и “Фан вайцзи” - “О странах вне Китая”, воспевающих красоту земли, жизнь и судьбы людей. Он много путешествовал по Китаю, классическое конфуцианское образование получил благодаря помощи двоюродного брата Зияуддина, начальника уезда Динхай провинции Чжэцзян. Китайские источники писали о Дин Хоняне, что “он был очень талантлив и высокообразован”. Даже после падения монгольской династии Юань, Дин Хонянь смог сохранить свое положение.¹

Также заслуживает внимания и Као Кэгун, дед которого был купцом из частей Великого Хорасана, приехавшим в китайскую провинцию Шэньси в первой половине XIII в. и женившимся на китаянке. Его отец Као Цзяфу был в ближайшем окружении императора династии Юань Хубилай-хана. Высокопоставленный чиновник империи Юань, мусульманин персидского происхождения Ахмад Фанакати в знак уважения к Као Цзяфу отдал ему в жены свою дочь. Из пяти детей от этого брака старшим сыном и был Као Кэгун, он же «Янь Цзин» и «Фан Шань». В возрасте 27 лет, он успешно сдал экзамены и получил ученую степень «цзиньши», и стал чиновником при отеле указов «Либу-шаншу», Министерства по делам ритуалов и церемоний. Частые служебные поездки по стране помогли ему установить тесные связи с известными учеными, писателями и художниками, что сыграло немалую роль в его творчестве. Наиболее известно его поэтическое произведение “Фан шаньцзи” - “Дом в горах”, а в “Избранные стихи династии Юань” включено более 20 стихов поэта.²

¹ Кадырбаев А. Ш. Иранские народы в Китае [Текст]: история и современность / Кадырбаев А. Ш. // Иран-наме. – г. Алматы. – 2007. – № 2. – С.100

² Усманов, И. С. О писателях и поэтах Китая - выходцах из стран Ближнего Востока, Ирана, Средней Азии XX научная конференция [Текст] / И. С. Усманов // Общество и государство в Китае. Тезисы докладов. – М., 1989. – ч.2. – С.246.

Нельзя не упомянуть и о деятельности Садуллы (кит. Тянь Си и Чжи Гай), был каллиграфом и поэтом из семьи военного. Его отец Ялауч (Алчуци по-китайски) поселился в китайском городе Ямыне (ныне город Дай в провинции Шэньси) во времена правления хана Хубилая. Садулла родился в 1308 году, из народности «Хуэй» (Дунгани) и был старшим ребенком в семье. Согласно китайским источникам, «его поэтический талант безграничен, а почерк чрезвычайно искусен»¹. В 1327 г. он сдал экзамены на ученую степень и получил ученое звание «цзиньши» и получил должность при юаньском дворе, а позже стал известным придворным поэтом и художником. Главное наследие Садуллы, 14-томный сборник стихов "Ворота диких гусей" и набор картин, которые хранятся в Дворцовом музее в Пекине. Источники, написанные о Садулле, такие как «Син Юань-ши» и «Избранные стихи периода Юань» Гу Сили, восхваляют его и подчеркивают его дисциплинированную простоту и изящество стиля по отношению ко всем правительенным чиновникам. Мао Цзэдун также был знаком с поэзией Садуллы в ранние годы².

Кроме того, другие таджикские писатели и учёные, многие из которых в Китае в XIII-XV веках имели учёное звание «цзинь» (китайский научный титул), заслуживают особого внимания. Среди них, поэты Бегликшах (на китайском языке Белушао) и Али Яосин с его сыном Ли Сиином; специалисты по конфуцианской философии - Кудбuddин, Мулоуддин и Хайруддин; алхимики - Бухарский Ризо и другие личности. Все эти факты свидетельствуют о глубокой интеграции таджикских учёных и культурных деятелей в общественную, научную и политическую жизнь средневекового Китая, что стало важным фактором развития как китайской, так и иранской культурных традиций.

¹ Кадырбаев А. Ш. Иранские народы в Китае [Текст]: история и современность / Кадырбаев А. Ш. // Иран-наме. – г. Алматы. – 2007. – № 2. – С.100

² Zhang Chunhou., C. Edwin Vaughan. Mao Zedong as poet and revolutionary leader [Text]: social and historical perspectives. – USA by Lexington Books, 2002. – P.140

Особенности таджикской литературы в Китае. Во-первых, литературные произведения всех мусульманских народов Китая находятся под влиянием культур Ирана, западных стран и Центральной Азии.

С точки зрения формы, все старинные уйгурские литературные произведения, образцовым примером которых является «Песнь и радость, рожденные мудростью», следуют исламской поэзии, начинаясь со слов «Во имя Милостивого и Милосердного Бога». Первые несколько стихов обычно посвящены восхвалению Бога, пророка Мухаммада (с) и праведных халифов. Большинство этих произведений следуют метрическим правилам арабо-персидской поэзии, используя размеры мутакариб и маснави, а также часто применяют рубаи. Эти поэтические размеры широко распространены в Иране, арабских странах и Центральной Азии. В начале таких произведений, особенно в первых строках, часто цитируются арабские выражения из Корана и сунны, что усиливает их духовное значение.

Известные произведения, такие как «Сорок ветвей счастья» и «История попугая» казахского народа, следуют традиции «Тысячи и одной ночи», представляя единый сюжет с множеством самостоятельных частей в виде сборника нескольких десятков историй. Структура и содержание «Истории Афанди», сатирических рассказов уйголов, турецкого «Приключения Ходжи Насреддина», а также книг «Персидские благие вести», «Арабские пословицы» и других свидетельствуют о едином культурном источнике.¹

В литературном языке мусульман Китая также явно прослеживается влияние ислама. В мусульманской литературе широко используются цитаты из Корана и хадисы пророка, а также персидские и арабские слова, как «перо» (قلم), «друг» (دوست), «мир» (دنيا), «небо» (آسمان), «враг» (دشمن), «дьявол» (إبليس) и многие другие, глубоко укоренились в языке.

С точки зрения содержания и тематики влияние ислама особенно заметно. Истории из Корана, предания о сподвижниках пророка, имамах, праведниках,

¹ Nasr S.H. Islamic Science and Culture in China [Text] / S.H. Nasr // Journal of Muslim Minority Affairs. 1998. – Vol.18. – № 1. P. 39-53. (Перев. Наср С.Х. Исламская наука и культура в Китае [Текст] / С. Х. Наср // Журнал по делам мусульманских меньшинств. 1998. – Т.18. – № 1. – С. 39-53.)

старцах, шейхах, ахундах и муллах широки распространены среди всех мусульман Китая. Многие персидские и арабские мотивы были заимствованы, адаптированы и преобразованы, став частью местной литературы. Например, любовные истории «Лейли и Маджнун», «Ширин и Фархад» в пересказе Алишера Навои,¹ а также «Искандар-наме»² являются яркими примерами этого влияния.

Кроме того, существует множество литературных произведений, пропагандирующих исламские вероучения, нравственность и благочестие. Например, книга «Мужи истины» Ахмада Юкнока не представляет конкретного сюжета или особенного героя, а скорее наставляет читателей в логике, морали и исламских традициях. Даже в творчестве древних поэтов народа хуэй, обладавших высоким уровнем образования на китайском языке, прослеживается сильное влияние исламской этики. Произведения таких поэтов, как Ли Цзи, Хай Жуй, Саадози, Саадус³ и многих других, воспевают идеи поиска истины и отражают влияние исламской культуры.⁴

Во-вторых, в литературе мусульман Китая заметно влияние традиционной китайской литературы. Открывая старинные поэтические и прозаические произведения народа хуэй, можно увидеть, что их стиль, форма, содержание, способ выражения и язык письма тесно связаны с китайской литературной традицией. Это связано с тем, что предки народа хуэй, после прибытия в Китай, овладели китайским языком. Кроме того, с точки зрения прагматизма это согласуется с сунной пророка Мухаммада (с), который призывал к поиску знаний, даже если для этого придётся отправиться в Китай (хадис о поиске знаний в Китае)⁵.

Народ хуэй сформировался в Китае в период династий Юань и Мин. Процесс их становления сопровождался взаимодействием с народом хань и

¹ Subtelny M. Ali-Shir Navoi and the Rich World of Turkic-Persian Poetry. – Cambridge: Harvard University, 1990. – 224 p.

² Hanaway, W. L. Eskandar-nama. In [Text]: Encyclopaedia Iranica. – London: Routledge, 1998. – Vol.VIII. – 288 p

³ Zhang, M. Islamic Literature of Chinese Muslims [Текст]. – New York: Routledge, 2011. – P. 204.

⁴ Wright D.C. Islamic Education in China: Jingtang Jiaoyu and Muslim Schools in the Ming and Qing. – Journal of Islamic Studies, 2005. – P.88.

⁵ Lipman J.N. Familiar Strangers: A History of Muslims in Northwest China. – Seattle: University of Washington Press, 1997. – 382 p.

широким усвоением китайского языка и культуры. Многие писатели и литераторы хуэй, освоив китайский язык, внесли вклад в развитие древнекитайской литературы.

Народная литература хуэй и других мусульманских народов Китая также находится под значительным влиянием китайской культуры. Многие рассказы о «судье» (кадии), популярные среди хуэй, такие как «Мраморное предостережение», «Мольба вдовы над могилой», «Жалоба вихря», «Гвоздь с двумя головами» и другие, восходят к традиционным китайским народным сюжетам о справедливости¹.

Эти истории, после переработки народными рассказчиками хуэй, приобрели характерные особенности смену героев, добавление национальных традиций, одежды и религиозной терминологии. Например, среди хуэй в провинции Юньнань распространён рассказ «Щит против дракона».² В его основе сюжет о молодом человеке из народа хуэй, которому поручено отправиться во дворец драконов и попросить дождь. Преодолев множество испытаний, он добывает железный щит из мечети, убивает драконов и сам превращается в великого дракона, обрушаивающего дождь на засушливые земли.

Особое значение придавалось персидским книгам, среди которых ключевую роль играли труды таджикских учёных. Учебные материалы варьировались от региона к региону, но в каждой школе обязательными были «13 томов учебников» - свод произведений, распространённых по всей стране. Среди этих книг:

1. **«Пятитомный цикл»** – включает в себя «сарф», «анмузадж», «закани», «мутаввал» и «мисбах», все из которых посвящены методу сарф и нахв, то есть подходу к образованию слов и предложений.
2. **«Медный век» (Давраи мисбонь)** – пояснение к книге «Мисбонь», пятой из учебников, написанная Абу-л-футухом Насриддини Рazi (1143–1213),

¹ Zhang L. Yunnan Hui Folk Tales. Kunming: Yunnan Nationalities Publishing House, 2001. –140 p.

² Ma H. Folk Stories of the Hui People [Народные сказания народа хуэй]. – Shanghai: Shanghai Press, 1998. – 176 p.

таджикским ученым. Эта книга является основой религиозных уроков и считался обязательной для изучения.

3. «Муаллимуддин» – посвящённая основам исламского права (фикха), также известна под названием «Шарх аль-Кафия». Автор оригинала – египетский учёный Ибн Хаджиб (1175–1249), а комментарий к нему принадлежит таджикскому мыслителю Абдуррахману Джами (1397–1477). Книга занимает важное место в изучении арабской грамматики и пользуется высоким авторитетом среди мусульман Китая.

4. «Баён» – или «Талхис аль-Мифтах» – произведение Саидуддина Тафтозани (1321–1389), одного из выдающихся учёных Хорасана (Центральная Азия).

5. «Акаид аль-Ислам», или «Акаид Насафи» – написанная Умаром Насафи с комментариями Саидуддина Тафтозани, также автора «Баяна». Эта книга считается одной из самых значимых в исламской теологии и была переведена на китайский язык учёным Юн Чжун Мином.

6. «Шарх аль-Викоя» – автор Махмуд (1346 - ?), с комментариями Шодлун Наваи Махмуда, представителя ханафитской школы. Китайский перевод выполнен Вонг Чжин Джоем.

7. «Хутабот» – персидская книга, в которой объясняются и толкуются 40 хадисов Пророка (с). Автор и составитель – Ибн Адъан. Переведена на китайский язык Ли Ючином под названием «Объяснение наставлений Пророка» (Шаръи дастуроти Паёмбар).

8. «Арбаъун» – также на персидском языке, посвящена толкованию 40 хадисов, автор – Хисамуддин. В отличие от «Хутабот», эта книга опирается на школу Ли, тогда как «Хутабот» следует традиции школы Доуи.

9. «Мирсад» – философское произведение на персидском языке, посвящённое очищению души и пути к Богу, написанное Абдуллоюмом ибн Абубакром. Переведено на китайский язык Ву Цзунджи.

10. «Шарх Лама’ат» – ещё одно философское произведение на персидском языке, схожее с «Ма’алим» Абдуррахмана Джами. Оно рассматривается как

один из ключевых трудов исламской философии. Китайский перевод выполнен Пу Ночибом под названием «Открытие тайн» (Кашфу-л-асрап).

11. «Каваим ан-Нахдж» – учебник персидского языка, составленный китайским мусульманином Чонг Джими.

12. «Гулистан» – на персидском языке – написанная великим таджикским поэтом Саади Ширази (1200–1290). В Китае она изучается уже более 600 лет и за это время оказала значительное влияние на культурное и образовательное пространство страны. Существует два китайских перевода «Гулистана»: один выполнен Ван Цзинчжуем под названием «Истинное место Гулистана», другой – Шуи Цзияньфу под названием «Сад красных роз».

13. Коран.¹

Большинство используемых в исламских учебных заведениях Китая учебников были написаны на персидском языке, что подчёркивает значительное влияние таджикской культурно-религиозной традиции на формирование мусульманского образования в регионе.

Таджикская литературная традиция в Китае сформировалась на стыке исламской, персидской и китайской культур. Она проявилась как в художественной и фольклорной литературе, так и в системе религиозного образования, где ключевую роль играли персидские труды таджикских учёных. Это взаимодействие определило жанровые, языковые и тематические особенности мусульманской литературы Китая и оказало устойчивое влияние на культурное и интеллектуальное развитие мусульманских общин страны.

Астрономия и календарь. Важным аспектом науки и культуры средневекового Китая было участие таджикских ученых в составлении календарей, изучении астрономии, строительстве обсерваторий и других астрономических учреждений. В период правления династии Юань по приказу хана Хубилая из Самарканда и Бухары были приглашены многие ученые и ремесленники. Наряду с распространением ислама в Китае также издавались

¹ Финг Цинь Юань. Исламская и иранская культура в Китае [Текст] / Персидский перевод Мохаммада Джавада Умединия. – Тегеран, 1998. – С.272

исламские календари, которые не только использовались при совершении мусульманских религиозных обрядов, но и постепенно заняли место древнекитайских календарей.

Таджикские ученые стали активно заниматься астрологией и датировкой еще в период династий «Тан» и «Сун». В период династии Тан существовал своеобразный «Календарь из 9 частей». В девятичастном календаре традиционные китайские числа были другими, использовалась 60-градусная система, год делился на 360 дней, не было скачков. Однако в традиционном китайском календаре год делился на 365 дней. В период правления династии «Мин» девятизначный календарь был доработан, проведены научные реформы, в результате которых был создан более точный календарь хуэй-хуэй. К периоду правления династии «Цин» в книге "Административные анналы императорского двора" говорится, что "девятизначный календарь" был частью зарождения хуэйской (таджикской) астрологии в Китае. Известный астролог династии «Цин» Мэй Вэндинг (1633-1721 гг.) также писал: «Деление года на 360 дней является хуэйским». Поэтому вполне логично считать «девятичастный календарь» одной из первых мусульманских вкладов в историю китайской астрологии, которая появилась в Китае в период «Тан»¹.

Следует отметить, что в одной из древнейших китайских книг, «Богатство и счастье, происходящее от мудрости», созданной в XI в. персидским поэтом Юсуфхосом Хаджебом,² изложены представления об астрономии и астрологии, включая описание солнечной системы, лунных фаз и созвездий. Это одна из ранних книг в Китае, написанных по исламскому календарю, что свидетельствует о длительной традиции его использования и интересе к астрологическим знаниям, насчитывающем более 900 лет. В пятой главе, посвящённой семи звёздам и двенадцати созвездиям, в поэтической форме систематизированы взгляды автора на движение небесных тел, фазы Луны и их связь с годовым циклом, вкратце объясняются следующим образом:

¹ Финг Цинь Юань. Исламская и иранская культура в Китае [Текст] / Персидский перевод Мохаммада Джавада Умединия. – Тегеран, 1998. – С. 119

² Там же. – С. 122

«Небеса не неподвижны, а вращаются беспрестанно и никогда не останавливаются. Астрологические объекты не одинаковы, одни находятся выше, другие ниже, одни светят, другие не светят. Но они притягиваются и дополняют друг друга. Земля находится в центре семи великих звезд, самая дальняя из которых - звезда Земля. Далее следуют деревянная звезда, огненная звезда, Солнце, золотая звезда, водная звезда и Луна. Время их вращения вокруг своей орбиты неодинаково. Среди этих семи небесных тел только Солнце обладает светом и теплом. Солнце светит ярко и рассеивает свет по небу сотнями тысяч лучей. Когда восходит солнце, вся земля становится теплой и светлой. Ближе всех к Земле находится Луна, которая вращается вокруг нее, двигаясь в фиксированном направлении через созвездия и постоянно меняя свое положение. Ее путь проходит через 12 созвездий, и на достижение каждого из них отводится определенное время, после чего она сразу же покидает это созвездие и исчезает в результате своего пролета. Луна регулярно меняет форму. Иногда она выглядит как серп, иногда как круг, а когда она выглядит как круг, ее диск обращен к Солнцу»¹.

Автор связывает изменение фаз Луны с её движением и периодом обращения, а также рассматривает двенадцать созвездий как меняющиеся в течение года группы звёзд, соотнося их с сезонами и месяцами. Эти представления изложены в поэтической форме, где началом зодиакального цикла обозначается Весна и созвездие Белой Овцы. Астрономические взгляды Юсуфхоса Хаджеба, сформулированные более 900 лет назад, сохраняют научную значимость и отражают стремление автора передать сложные знания средствами художественного слова, что придало его труду особое место в литературе мусульман Китая.

Китайские источники также свидетельствуют об использовании исламского календаря в средневековом Китае. В "календаре Сиой" (страны к западу от Китая) пять планет описаны более подробно, чем в Китае, поэтому

¹ Финг Цинь Юань. Исламская и иранская культура в Китае [Текст] / Персидский перевод Мохаммада Джавада Умединия. – Тегеран, 1998. – С.122-123

был составлен календарь Мадаба. На основе этого исламского календаря, отличающегося от китайского по циклам затмений и путям движения звезд, видный ученый и политический деятель Монгольской империи времен правления Чингис-хана и его первых преемников Елюй Чуцай исправил ошибки, накопившиеся в китайском календаре, календаре “Дамин-ли” и календаре «Ивэй-юань-ли».¹ Известно также, что исправлением китайского календаря уже позднее, при дворе Хубилай-хана занимался таджикский астроном Джамалуддин аль-Бухари.² Его расчеты и таблицы использовались в системе исчисления времени в Китае с XIV в. Он предложил новый, более точный календарь, известный под китайским названием как “Вань-нянь-ли” – “Календарь десятитысячелетнего исчисления”.

Известный таджикский астроном и математик XIII века Джамалуддин аз-Зайди аль-Бухари³ (кит. Чжа-ма-лу-дин 紮馬魯丁, Zhamaluding), был родом из Бухары.⁴ Он поступил на службу к Хубилай-хану, чтобы основать Исламское астрономическое бюро в его новой столице Пекине (Ханбалыке), которое действовало параллельно с традиционным китайским бюро.⁵ Джамалуддин прибыл в Китай в 1267 г. из государства ильханов Хулагуидов в Иране и на Ближнем Востоке по приглашению Хубилай-хана. По прибытии он привёз из Мараганской обсерватории в Пекин астрономические инструменты, перечень которых зафиксирован в Юань ши 元史 («История [эпохи] Юань») в первой части главы Тянь вэнь 天文 («Астрономия») под рубрикой Си юй и сян 西域儀象 («Астрономические инструменты западных стран»), и с их помощью составил новый календарь Вань-нянь-ли 萬年曆 («Десятитысячелетний календарь»), который действовал всего 9 лет.⁶

¹ Мункуев Н.Ц. Китайский источник о первых монгольских ханах [Текст] / Н.Ц. Мункуев Надгробная надпись на могиле Елюй Чуцая. – Перевод и исследование. – М., 1965. – С.88.

² Chinese-Iranian Relations. III. Mongol Period [Электронный ресурс] // Encyclopaedia Iranica.

URL: <https://iranicaonline.org/articles/chinese-iranian-relations-iii-mongol-period> (дата обращения: 21.11.2024).

³ Morris Rossabi. "From Yuan to Modern China and Mongolia": The Writings of Morris Rossabi. BRILL-2014. P. 229

⁴ Walter Fuchs, Siben Zhu, Hongxian Luo. "The "Mongol atlas" of China ". Fu Jen Catholic University. – Taipei-1946. – P.4

⁵ Финг Цинь Юань. Исламская и иранская культура в Китае [Текст] / Персидский перевод Мохаммада Джавада Умединия. – Тегеран, 1998. – С.128

⁶ Еремеев В.Е. Наука в эпохи Юань и Мин [Текст] // Общество и государство в Китае. – ИВ РАН - 2012. – С.15.

Джамалуддин составил трактат об астрономических приборах стран, лежащих к западу от Китая, “Сиой-исян”, о семи их разновидностях.¹ Через четыре года, в 1271 году персидские астрономы под руководством Джамалуддина основали Исламский «Астрономический институт» и построили обсерваторию на восточной стене города Ханбалык (ныне Пекин). Китайский астроном Го Шоуцзин (1231-1316 гг.) использовал расчеты, диаграммы и другие результаты среднеазиатских, персидских и арабских ученых, чтобы изобрести свои астрономические инструменты и создать свой календарь “Шоуши-ли”, (Календарь времен года или сельскохозяйственных сезонов).²

В юаньском Китае, помимо Джамалуддина, было много астрономов и математиков мусульман из Средней Азии. К известным юаньским ученым-географам относился таджик Шамсуддин (Шамсы), автор книги “Сиойтуцзинь” по географии стран, лежащих к западу от Китая. Он также был одним из составителей энциклопедии юаньской эпохи “Цзинь-ши да-дянь”. Его работы на китайском языке посвящены географии Средней Азии, Ирана и арабских стран.³

Об значительном вкладе таджикских семей в развитие юаньской астрологии, Марко Поло сообщал, что «в Камбалае (Ханбалыке) было около 500 астрологов и прорицателей среди христиан, сарацинов (мусульман) и китайцев».⁴ Также согласно книги «История монголов, раздел ста отделов» выясняется, что в «Астрономическом институте хуэй-хуэй» работало 37 сотрудников, восемь из которых принадлежали к высшим чинам (рангам) астрономов. Этот Институт был разделен на пять отделов: астрология, астрономических вычислений, эксперименты, водяные часы и песочные часы, в которых последовательно работали мусульманские (таджикские) астрологи

¹ Юань-чао-ши (История Юаньской династии) в 2-х томах, Нанкин, 1968. – Т.2. – С.400-446 (на китайском языке).

² 宋濂 编. 《元史》 (Юань-ши [Текст]: История династии Юань). – 北京: 中华书局, 1976. – 133 卷.

³ Кадырбаев, А. Ш. Иранские народы в Китае: история и современность [Текст] / А. Ш. Кадырбаев // Иран-наме г. Алматы, 2007. – № 2. – С.42;

⁴ Марко Поло. Книга о разнообразии мира [Текст] /Пер: Л. Яковлева. – Москва,2005. – С.478

такие как Джамалуддин, Камолуддин, Шамсуддин, сыгравшие важную роль в совершенствовании и расширении вычислений по китайскому календарю.¹

Джамалуддин и другие не только привезли астрономические инструменты в Китай, но и изобрели там множество астрономических приборов. В 1267 г. Джамалуддин представил императору семь различных астрономических приборов. Среди них были компас, наклонная плоскость, горизонтальная плоскость, термометр, глобус и телескоп. В то время эти приборы не имели аналогов в мире. Доктор Рис из Англии, давая высокую оценку сфере, изготовленной Джамалуддином, сказал. «За исключением глобуса, изготовленного Клавдием Масси во II веке до н.э. (который не оставил для последующих поколений), о ней нигде не сохранилось сведений до тех пор, пока ее не исследовал Мартин Бехайма² в 1492 году».³ Однако глобус, созданный Джамалуддином, был представлен миру в 1267 году, т.е. за 225 лет до записи Мартина Бехайма. Исходя из оценки д-ра Риса, можно сделать вывод, что работа Мартина Бехайма была основана на исследованиях и трудах Джамалуддина. Кроме того, древние китайцы верили, что «небо сферическое, а земля плоская», и их вера имела древние и сильные корни, но глобус, которую создал Джамалуддин, указывала на сферичность земли и отрицание традиционной верования китайцев; что стало для них сильным ударом и заслуживал большое внимание.⁴

Доминирующим календарем династии Мин был календарь Юань Ши (династии Юань, на который повлияли методы таджикских ученых, в астрологических расчетах и хронологии. После того как хуэйский календарь стал одним из официальных календарей, влияние исламских служб династии Мин на астрологическую и календарную практику этого периода стало более глубоким и выраженным. В 1368 г., когда династия Мин взошла на трон,

¹ Финг Цинь Юань. Исламская и иранская культура в Китае [Текст] / Персидский перевод Мохаммада Джавада Умединия. – Тегеран, 1998. – С.126

² Мартин Бехайм (нем. Martin Behaim, лат. Martinus de Bohemia, порт. Martinho da Boémia; 6 октября 1459 - 29 июля 1507) - немецкий учёный, негоциант и мореплаватель, долгое время находившийся на португальской службе. Создатель старейшего из сохранившихся до наших дней глобуса.

³ Финг Цинь Юань. Исламская и иранская культура в Китае [Текст] / Персидский перевод Мохаммада Джавада Умединия. – Тегеран, 1998. – С.127

⁴ Там же. – С.128

параллельно с императорским Астрономическим ведомством было учреждено мусульманское Астрономическое ведомство. Его управляющий был таджикский ученый, выходец из Великого Хорасана, Тай Цзянь, 太監 (Хэй-дэ-эр 黑的兒 или Хай-да-эр 海達兒) представил императору в 1382 г. свой труд «Мин тянь вэнь шу» (明譯天文書) («Книга по астрономии, переведённая [по приказу правительства] Мин»), являющийся, вероятно, переводом с персидского языка книги Джамалуддина или Камалуддина, по позиционной астрономии и гороскопной астрологии.¹

Также следует упомянуть о вкладе мусульманина Бэй-линь 貝琳 который издал в 1482 г. книгу Ци чжэн туй бу 七政推步 («Вычисление движений семи [небесных] светил/управителей»), посвящённую в основном расчёту планетарных эфемерид на основе методов мусульманской астрономии. Живший при императоре Шэнь-цзуне 神宗 (Чжу Ицзюнь 朱翊鈞; девиз Ваньли; прав. 1572–1620) астроном Син Юньлу 邢雲路 построил 20-метровый гномон и с его помощью вычислил в то время наиболее точную в мире продолжительность тропического года в 365,242190 дня. Это число меньше полученного современными вычислениями (365,2421988) всего на 0,0000088 дня. Своё достижение он описал в книге Гу цзинь люй ли kao 古今律曆考 («Изучение древних и современных звукорядов-люй и календарей»), изданной в 1600 г.²

Математика. Научная деятельность таджикских в области математических наук в Китае во времена династии Юань вызвал прогресс и скачок в математике, что привело в этой стране к появлению таких известных математиков как Го Шоуцзин. Го Шоуцзин производил точные расчеты, наблюдая за звездами при создании юаньского календаря, и использовал методы интегрирования и производных для решения насущных задач и точного

¹ Еремеев В.Е. Наука в эпохи Юань и Мин [Текст] // Общество и государство в Китае. – ИВ РАН. – 2012. – С.16.

² Еремеев В.Е. Наука в эпохи Юань и Мин [Текст] // Общество и государство в Китае. – ИВ РАН. – 2012. – С.17.

вычисления звезд. Его точные расчеты использовались последующими учеными, и, таким образом, он первым в Китае применил тригонометрические методы для вычисления дуг для определения периодичности. Все зарубежные учёные сходятся в том, что все мусульманские математики были главными источниками упомянутого метода. Важную роль в плодородии Го Шоуцзина сыграли в книге «Принципы измерения Земли», написанная Еклидисом, а также 15 других источников математических исследований, привезенных в Китай хуэйцами (т.е. таджиками). Кроме того, китайцы со времен династии Юань использовали цифры, которые были приняты в исламских странах.

Таджики эпохи «Мин» также принесли в Китай свои знания об арифметике и методах вычислений. В основе их методов лежали два вида вычислений: вычисления с помощью схем (цифр) и рисование или составление диаграмм с помощью чисел. Этот метод позволял им не только умножать и делить, но и вычислять степени, вычитать квадраты, кааб и т.д. Этот метод учета стал популярен во времена правления династии Мин в Китае. Считается, что калькуляция была впервые изобретена индийскими математиками, а затем распространилась в исламских странах, где ее использовали исламские ученые. По мнению современного китайского ученого Ли Юаня, «В XIII-XIV вв. н.э. калькуляция, письменность и иероглифические методы стали популярны в исламских странах (в частях Маверанахра и Хорасана), откуда они распространились в Европу и стали одними из пионеров бухгалтерии в Атлантическом регионе; в XVI в. они попали в Индию, а через южные реки в эти страны попал и Китай».¹

Подобно тому, как исламский календарь был введен в Китае таджиками, исчисление было введено в обиход жителей этой страны. Прочтение 37-го тома "Истории династии Мин" показывает, что некоторые китайские математики в период правления этой династии были знакомы с методом счета. Такие математики, как Танг Шунь Чжи, Чэн Ранг, Шу Хуанг и т. д., овладели этим

¹ Финг Цинь Юань. Исламская и иранская культура в Китае [Текст] / Персидский перевод Мохаммада Джавада Умединия. – Тегеран, 1998. – С.131

методом и могли претендовать на то, чтобы быть на одном уровне с учеными народности Хуэй, основываясь на личном опыте и теоретическом обосновании. Все они использовали мусульманские расчеты и объясняли их науку в своих книгах. В книге астролога ранней династии Цин, Ван Ши Чжан (1721–1633 гг. н.э.) под названием «Объяснение Вселенной» и книге Мэй Вендинг, под названием «Полная книга хронологических вычислений», написанной по календарю Хуэй, тщательно обосновали, что календарь хуэй был счетным календарем. Всякий раз, когда мы считаем, что календарь хуэй-хуэй занимает почетное место в истории хронологических вычислений в Китае, мы должны также учитывать эффективную роль метода расчета на счетах в точности календаря.¹

К сожалению, поскольку в то время не было переведено ни одной книги в этой области, в китайских документах нет подробного объяснения деталей метода расчета на счетах, и этот недостаток бросается в глаза.

Подводя итоги о высшеизложенными информацией о вкладе таджикских ученых в области астрологии, астрономии и математики можно сказать, что они были первыми, кто внес свой вклад в средневековый Китай. Их деятельность в Китае представляла собой множество инноваций в области астрологии, нумерологии, календаря, математики и т.д., а такие известные китайские ученые, как Го Шоуцзину 郭守敬, Син Юньлу 邢雲路, Сюй Гуанци 徐光啟, Ли Чжицзао 李之藻 и др., использовали их научные способности для своих научных исследований и новых открытиях. Следует отметить, что во многих китайских документах и источниках, таких как «Юань-ши» («История империи Юань»), «Мин-ши» («История империи Мин»), в основном упоминаются достижения и вклад этих выдающихся личностей, а их труды используются китайскими учеными и сегодня.

Медицинские и фармацевтические науки в Китае. В период правления династий Юань (1271-1368 гг.) и Мин (1368-1644 гг.) таджики, являясь частью

¹ Финг Цинь Юань. Исламская и иранская культура в Китае [Текст] / Персидский перевод Мохаммада Джавада Умединия. – Тегеран, 1998. – С.132.

мусульманского мира, занимали важное место в медицинской практике. В этот период многие таджики, происходившие из Великого Хоросана, активно участвовали в создании больниц и аптек, где использовали знания исламской медицины для лечения пациентов. Таджикские врачи разрабатывали и применяли новые методы лечения, такие как использование растений и трав, массаж, а также акупунктуру. Кроме того, они активно развивали хирургические методы и создавали новые инструменты для операций. В области фармакологии таджикские ученые сделали открытия, разрабатывая препараты для лечения различных заболеваний. Всё это способствовало заметному прогрессу в медицине в период правления империй Юань и Мин.

Монголы, правившие Китаем в XIII-XIV веках, отдавали предпочтение традиционной китайской медицине, но при этом прибегали к помощи иностранных, а не китайских врачей. В период правления династии Юань мусульмане были лидерами в области некитайской медицины. Часто их медицинские теории и методы классифицировались как мусульманская медицина (хуэй-хуэй и **回回醫**). Мусульманские врачи пользовались уважением и в период правления династии Юань, что способствовало распространению мусульманской медицинской теории в Китае. В частности, учение о шести экзогенных факторах заболеваний («шести пневмах», лю ци **六氣**) редуцировалось до концепции «четырёх пневм» (сы ци **四氣**) - ветер, холод, тепло и влага. Распространялась и собственная монгольская медицина, основу которой составляли знахарские и шаманские практики. Никакой теоретической медицины монголы не знали. Поскольку их жизнь была связана с военными походами, у них была развита хирургия или, в терминологии китайцев, внешняя медицина. Помимо традиционного китайского прижигания как терапевтического метода в Китае в это время были популярны монгольское прижигание и кровопускание.¹

¹ Еремеев В.Е. Наука в эпохи Юань и Мин [Текст] // Общество и государство в Китае. – ИВ РАН. – 2012. – С.30-31.

В период правления династии Юань лекарственные препараты, привезенные из Средней Азии, Ирана и арабских стран, распространились по всему Китаю. В Кайпине или Шаньду в Северном Китае, летней столице империи Юань, было создано медицинское учреждение под названием "Куанхуэй-сы", или "Императорский мусульманский госпиталь", в котором первоначально работали исключительно мусульманские врачи и целители. Хубилай-хан учредил "Тай-и юань" - "Императорскую академию медицины". Великие монгольские ханы относились к медицине как к уважаемой профессии. Этому была своя причина. По словам монгольского современника Ан-Насави: "однажды офтальмолог (каххал) из Самарканда вылечил язычника (Чингисхана) от глазной болезни"¹. Хубилай-хан, страдавший подагрой и другими болезнями, был особенно гостеприимен к врачам и находился под впечатлением лечений и лекарств, предоставляемых персидскими и среднеазиатскими врачами из его окружения. С 1268 г. при юаньском дворе было известно привозимое из Самарканда лекарство по персидскому названию "шарбат" (по-китайски "шелипи", кит. 柴苓), которое использовалось для обезболивания и как слабительное. В 1292 г. в обеих юаньских столицах - Ханбалыке (Дайду) и Кайпине (Шанду) были учреждены мусульманские медицинские заведения.²

В 1292 г. при Юаньском управлении были созданы два мусульманских фармацевтических департамента (Хуэй-хуэй Яо у-юань 回回藥物院), которые должны были регистрировать лекарства, поступающие в Китай из арабо-мусульманских стран. В начале XIV в. были предприняты попытки создать в каждой провинции и префектуре департаменты медицинского образования, проводить аттестацию врачей каждые три года, запретить практику неаттестованным врачам, ввести обязательное обучение врачей в

¹ Шихаб ад-Дин Мухаммад ан-Насави. "Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны [Текст]. – Баку, 1973. – С.86-87.

² Кадырбаев, А. Ш. Иранские народы в Китае: история и современность [Текст] / Кадырбаев, А. Ш. // Иран-наме. – г. Алматы. 2007. – № 2. – С.42.

государственных медицинских школах. Однако эти меры оказались формальностью, а отделы существовали лишь для видимости.

Мусульманские медицинские работы не переводились на китайский язык за исключением одной книги, которая в 1273 г. в имперской библиотеке была каталогизирована как «мусульманский медицинский канон» (хуэй-хуэй и цзин **回回醫經**). По мнению ученых, большинство методов и рецептов лечения болезней, описанных в этой книге, были заимствованы у великого Абу Али ибн Сины (Авиценна, 980-1037 гг.) и его «Канона медицины» (Канон врачебной науки). Известный таджикский ученый и врач Дин Хонянь, достигший высот конфуцианской учености, вместе со своим соплеменником Ифтихаруддином, составил компендium "Мусульманские лекарства" сразу на двух языках: на родном фарси-таджикском и китайском. Несколько прекрасно сохранившихся до наших дней томов написанный на фарси и китайском языках труд хуэй-хуэй Яо-фан **回回藥方** («Мусульманские медицинские рецепты», 36 цз. томах). Она была составлена упомянутым выше таджикским ученым Ифтихаруддином¹ в начале эпохи Юань, а завершил в начале династии Мин таджикский медик и учёный-конфуцианец Дин Ханянь (丁鶴年; 1335-1424),² чьи предки были выходцами из Средней Азии. При изучении этой книги исследователи установили, что большинство лекарств и инструкции к ним даны по методу ибн Сины, из его книги «Аль-Канун». Сегодня полная копия этого уникального научного труда бережно хранится в Национальной библиотеке Китая.

Врачи при дворе Юань принадлежали к разным культурам. Лекари делились на две группы: немонгольские (мусульманские) врачи, известные как отачи, и традиционные монгольские шаманы. Монголы характеризовали врачей отачи использованием растительных лекарств, что отличалось от духовных методов лечения монгольского шаманизма. Врачи получали официальную поддержку от прежнего правительства и пользовались особыми юридическими

¹ Кадырбаев А. Ш. «Таджики» Китая [Текст]: история и современность / А. Ш. Кадырбаев // Общество и государство в Китае. – Москва. – 2010. – №1. – С.472

² Еремеев В.Е. Наука в эпохи Юань и Мин [Текст] // Общество и государство в Китае. – ИВ РАН. – 2012. – С.31

привилегиями. Для ведения медицинской литературы и подготовки новых врачей Хубилаем была создана Императорская медицинская академия¹. Ученых-конфуцианцев привлекала профессия врача, поскольку они могли получать высокие доходы, а медицинская этика соответствовала конфуцианским добродетелям. В китайской медицинской традиции Юань существовали "четыре великие школы", унаследованные Юань от империи Цзинь; все четыре школы были основаны на одном и том же интеллектуальном фундаменте, но отстаивали различные теоретические подходы к медицине².

Западная медицина также практиковалась в Китае несторианскими христианами Юаньского двора, где его иногда называли хуэй-хуэй или мусульманской медициной³. Несторианский врач Иисус Толкователь основал управление западной медицины в 1263 году во время правления Хубилая. Врачи хуэй-хуэй, работающие в двух императорских больницах, отвечали за лечение императорской семьи и придворных⁴. Китайские врачи выступали против западной медицины, потому что ее гуморальная система противоречила философии инь и ян и у-син, лежащей в основе традиционной китайской медицины. Ни один китайский перевод западных медицинских работ не известен, но не исключено, что китайцы имели доступ к «Канону врачебной науки» Ибн Сины⁵.

Вклад таджиков в область медицинских и фармацевтических знаний в Китае также был весьма впечатляющим, особенно в таких категориях, как фармацевтические препараты, фармацевтические рецепты, передача медицинских и фармацевтических наук, ввоз и издание медицинских и фармацевтических книг. Важную роль в этом сыграл опыт всех таджикских национальностей в Китае и их медицинских специалистов.

¹ Rossabi Morris. Khubilai Khan [Text]: His Life and Times. – Los Angeles: University of California Press. – 1988. – P.125.

² Thomas T. Allsen. Culture and Conquest in Mongol Eurasia [Text] / T. Thomas. – Cambridge University Press,2001. – P.142.

³ Там же. – С.151

⁴ Rossabi Morris. "Khubilai Khan: His Life and Times". Los Angeles: University of California Press - 1988. P.125.

⁵ Thomas T. Allsen. Culture and Conquest in Mongol Eurasia [Text] / T. Thomas. – Cambridge University Press,2001. – P.151.

Завоз лекарственных средств и средств их применения из стран Центральной Азии в Китай начался в период династий Тан и Сун. В период правления династии Тан города Кантон и Янджу были одними из центров роскоши, иностранных денег и крупных рынков пряностей. В исторической книге "Поездки великих лидеров на восток" где рассказывается об императоре Тянь Бао, правившем в империи Тан, описывается передвижение мусульманских торговых судов в водах вокруг порта Кантона, в этом книге говорится, что: «их количество было бесчисленным, и на каждом корабле были пряности и драгоценные камни, сложенные как горы»¹.

Написание медицинских книг на Ближнем Востоке, вероятно, началось в середине IX века нашей эры, и после этого появились многие ученые-медики, такие как Али, Табари, Закария Рази, Али бин Аббас Маджуси и Ибн Сина, писавшие свои книги.

«Абульфарорис ибн Абу Яйкуб», таджикский ученый, в своей книге «Феърист кутуби илмі» упоминает случай из жизни Рози, известного ученого медицины (865–925 гг.), в котором рассказывается о китайском исследователе, приехавшем в Иран для изучения медицины и проживавшем в доме Рози. Прежде чем вернуться в Китай, этот исследователь попросил Рози прочитать для него арабский перевод книги знаменитого греческого врача Галена «Галенус» (129–199 гг. н. э.). Эта книга была переведена на арабский язык, и он тщательно записал арабское произношение, чтобы позже использовать эти записи в Китае. Ли Ёусех также упоминает этот факт во втором разделе первой главы своей книги «История науки и технологий в Китае». Это свидетельствует о том, что, как минимум с начала X века, китайские исследователи с помощью ученых Ближнего Востока познакомились с медицинскими знаниями Галена.²

В седьмом томе «Тайной истории монголов» в разделе, посвященном «Книгам хуэй-хуэй», целых 13 частей посвящены «Медицинским текстам».

¹ Финг Цинь Юань. Исламская и иранская культура в Китае [Текст] / Персидский перевод Мохаммада Джавада Умединия. – Тегеран, 1998. – С.139

² Финг Цинь Юань. Исламская и иранская культура в Китае [Текст] / Персидский перевод Мохаммада Джавада Умединия. – Тегеран, 1998. – С.141

Слово «тиб» (медицина) заимствовано из арабского языка, и, насколько нам известно, медицинские книги на арабском языке, в названиях которых используется это слово, включают «Тиб аль-Мансури» Рози, «Джомеъа дар тиб» Али бин Аббаса Мальуси (? – 994 г.) и «Фарханги тиб» Абуали Сино (980–1037 гг.). Хотя невозможно точно утверждать, к каким частям текста относится упомянутые 13 частей, нет сомнений, что они сыграли важную роль в развитии медицины в Китае.

Одной из первых медицинских книг, написанных мусульманами Китая, является труд Ли Шуна «Морские и травяные лекарства», который состоит из шести разделов и используется с периода «Пяти династий» до сегодняшнего дня. В этом труде Ли представил 15 новых видов иностранных лекарств, среди которых можно выделить такие вещества, как тутовое дерево, персидский белый воск, ревень, роза, шелковый водоросль и другие. Автор в своей книге подробно описал не только название, форму, запах и свойства этих средств, но и методы их применения, что существенно расширило знания китайских лекарей и обогатило фармацевтическое наследие Китая.

В истории мусульман Китая, помимо книги «Морские и травяные лекарства», были написаны и другие труды, такие как «Лекарственные средства хуэй-хуэй в 36 разделах» и «Экспериментальные средства» в 15 разделах. Четыре неполные копии первой книги хранятся в библиотеке Пекина. Оригинал книги написан на китайском языке, но к ней прилагается перевод на персидский. Другая книга является редкостью. Дополнительную информацию можно найти в книге «Полная история монголов, раздел о искусстве и культуре», написанной Чиён Дошином (1728-1804 гг.). Оба этих труда были написаны в эпоху монголов мусульманскими врачами и фармацевтами.

В эпоху Юань, помимо странствующих врачей, мусульмане также занимали высокие должности в управлении здравоохранением страны. В административной системе Юань, после императорских больниц, существовала структура, известная как «Служба народного здравоохранения», которая использовала исламские медицинские знания и лекарства для лечения солдат,

стражников и нуждающихся в Пекине. В 1292 году, в 29-й год династии Юань, такие же учреждения были открыты в Шонг Ду, одном из крупных городов страны, и назывались они «Исламская аптека и больница». В 1322 году обе эти больницы и аптеки оказались под контролем «Центрального управления народным здравоохранением». В этом управлении, а также в аналогичных организациях, работали мусульманские врачи, такие как Да Лим и другие, которые использовали свои знания и навыки для лечения больных.

В первом томе книги из эпохи Юань под названием «Новые слова о Яйлоке» упоминается случай, когда один из высокопоставленных чиновников был лечен мусульманским врачом. Согласно тексту, Фу Мо¹ страдал от странного заболевания: после падения с лошади у него пропала зрение, он не мог видеть и его язык свисал изо рта. Врачи не могли помочь, но один из мусульманских врачей из «Службы народного здравоохранения», используя хирургические инструменты, провел операцию на его языке и спас его.

В книге «Сельское хозяйство в деревнях юга страны» также описан случай, когда мусульманский врач, с помощью операции на лбу пациента, страдавшего от сильных головных болей, извлек опухоль, похожую на рак, и спас его от смерти.

Упомянутый выше вклад таджикских семей подчеркивает положение таджикских ученых и врачей в развитии медицины и фармацевтики Китая начиная с эпохи Юань и Мин. Таджикские специалисты занимали важные административные должности в сфере здравоохранения, активно участвуя в создании и распространении медицинских знаний, внедряя исламские методы лечения и хирургии и обеспечивая доступ к качественному лечению для различных слоев населения, включая высокопоставленных и бедных.

Таким образом, вклад таджикского народа, в историю и культуру Китая является многогранным и неотъемлемым. Их наследие, это живой мост между цивилизациями, который не только обогатил культурное многообразие страны,

¹ Fu Ma - это лошадь, которая использовалась в качестве запасной для колесницы или повозки и называлась «Фу Мо». Слово «Мо» означает «лошадь», а «Фу» - «резерв» или «запас». Позднее этот термин стал использоваться для обозначения ответственного за императорский двор. Поскольку обычно эту позицию занимал один из зятей императора, со временем его также начали называть «Фу Мо».

но и стал основой для дальнейших достижений в науке, искусстве и духовной жизни Китая.

2.5. Таджики в культурной жизни Китая в XIII-XV веках

Как уже отмечалось, нашествие Чингис-хана на Великого Хорасана стало величайшей катастрофой в истории региона и привело к тому, что лучшие традиции выживших в этих краях народов ушли в глубь веков. Это событие не только нарушило традиционный уклад жизни многих народов, но и вызвало масштабные миграционные процессы. В их числе значительное число таджикских семей оказалось на территории Китая - кто в качестве беженцев, кто как военнопленный. Однако не все таджики были переселены насильственно: немалая часть мигрировала в Китай в рамках торгово-ремесленных связей или по приглашению правителей, которые ценили таджиков за их образованность, ремесленные навыки и административные способности. Многие из переселенцев впоследствии стали видными писателями, художниками и архитекторами, внесшими вклад в развитие китайского искусства и гуманитарной мысли.

Одним из источников, свидетельствующих о высоком статусе таджиков при дворе Юань, является знаменитое сочинение Рашидаддина Фазлуллаха «Джами ат-таварих». В своём труде он описывает девять степеней государственных чинов Великого Дивана империи Юань, отмечая, что звание финджан, ранее присваиваемое исключительно китайцам, при монголах стало доступным также таджикам, уйгурам¹ и представителям других народов. Эта система выглядела следующим образом:

- Первая степень – Чинг-сонг (он может быть министром или вице-министром).
- Вторая степень – Дай-Фу (может быть военачальником, но как бы велик не был, обращается к Чинг-сонгу).
- Третья степень – Финджан (может быть министром или заместителем из числа различных народов)

¹رشیدالدین فضل الله همدانی. جامع التواریخ. ج-۲، تهران-۱۳۷۳، ص. ۱۹۰۷

- Четвертая степень – Ю-чинг
- Пятая степень – Жу-чинг
- Шестая степень – Сам-чинг
- Седьмая степень – Са-ми
- Восьмая степень – Кан-чунь
- Девятая степень – Неизвестно «معلوم نشد» (все писари находятся в его подчинения).¹

Сословная таблица Рашидаддина в системе монгольского имперского государства показывает, что статус таджиков-мусульман в то время был очень высок. Большинство таджиков были жителями крупных древних городов, где было высоко развито ремесло, находились библиотеки и научные центры. Этим можно объяснить позицию монгольских правителей, поставивших таджиков на первое место среди других этнических групп империи в сословном списке.²

Культурное влияние таджиков в эпоху Юань формировалось в процессе их активного участия в государственных, научных и общественных структурах, что способствовало возникновению особой китайско-мусульманской идентичности, проявившейся в образовании, литературе и философии через синтез исламских и конфуцианских традиций. В XIII–XV веках это влияние выходило за рамки религии, охватывая политику, науку и культурные связи, и сыграло значительную роль во взаимном обогащении китайской и исламской цивилизаций.

Духовная культура. Религиозная принадлежность таджиков в Китае выступает неотъемлемым элементом их культурной самобытности и общественной сплочённости. Основная часть таджиков исповедует исмаилизм-низари, одну из ветвей шиитского ислама, которая имеет глубокое духовное и культурно-общественное значение для этой этнической группы. Религиозные практики, включая соблюдение традиционных ритуалов и празднование Навруза, формируют основу для социальной интеграции, взаимопомощи и

¹ رشید الدین فضل الله همدانی. جامع التواریخ. ج-۲، تهران-۱۳۷۳، ص. ۹۰۷.

² Давлатзода Д. Д. Мусульмане [Текст]: подлинная история расцвета и упадка / Д. Д. Давлатзода. – Москва: ЛитРес, 2020. – Книга 2. – С. 383.

сохранения исторической памяти, укрепляя общинное единство.¹ В книге «Таджики в зеркале истории» подробно рассматривается роль религии как фактора консолидации таджикской нации в условиях меняющихся политических режимов и межэтнических взаимодействий, а также анализируются механизмы, благодаря которым религиозные традиции способствовали устойчивости культурной идентичности.² Несмотря на государственные ограничения, налагаемые на религиозную практику в Китае, таджики сумели сохранить и развить свою религиозную жизнь, что является свидетельством глубокой интеграции веры в повседневность и менталитет народа.

Немаловажное значение в сохранении культурной идентичности таджиков в Китае играют их традиционные обычай и социальная практика. Музыкальные и танцевальные традиции, ремёсла, семейные и общественные ритуалы составляют жизненно важную часть этнокультурного комплекса, передаваемого из поколения в поколение устным и практическим путём. Эти традиции служат не только средством поддержания исторической преемственности, но и способом формирования эмоциональной связи с исторической родиной и укрепления национального самосознания. В книге Эмомали Рахмона подчёркивается, что именно через эти культурные практики таджики Китая сохраняют свою самобытность и успешно противостоят ассимиляционным процессам в условиях этнически и культурно разнообразного региона.³ Наряду с религиозными праздниками, семейными обрядами и языковыми традициями, музыка и ремёсла остаются важным символом культурной идентичности и экономической активности таджиков в Синьцзяне.

Культурная идентичность таджиков в Китае представляет собой сложный синтез языковых, религиозных и традиционных факторов, который позволяет

¹ Гэри Ф. Симонс., Чарльз Д. Фенинг. Этнология [Текст]: Языки мира. 26-е издание. – Даллас, Техас: Международный институт лингвистики, 2023. – С. 2300.

² Эмомали, Р. Тоҷикон дар ои на таърих [Матн] / Р. Эмомали. – Душанбе: Ирфон, 2011. – С. 400.

³ Эмомали, Р. Тоҷикон дар ои на таърих [Матн] / Р. Эмомали. – Душанбе: Ирфон, 2011. – С. 310-320

сохранять этническую уникальность и историческую преемственность в многонациональной среде и в условиях современной политico-социальной динамики. Книга Эмомали Рахмона «Таджики в зеркале истории» не только фиксирует эти ключевые аспекты, но и подчёркивает их значимость для формирования национального сознания и сохранения исторической памяти таджикского народа, в том числе и в диаспорных условиях, укрепляя тем самым ощущение единства и преемственности таджикской цивилизации в глобальном контексте¹.

Философия. Мусульманская философия в Китае развивалась под сильным влиянием таджикских (персидских) исламских мыслителей и их традиций. В этом процессе можно выделить два основных направления.

Во-первых, исламская философская мысль, войдя в Китай, с применением исламской философии способствовала обогащению и совершенствованию традиционной китайской философии. Эта особенность была высоко оценена многими исследователями народности Хань. Ван Цзэхун, ученый и политик эпохи империи Цин (династия Чин), подтвердил взгляды Ли Юцзи о заслугах исламской философии, заключающихся в том, что она «точно классифицирует и глубоко разъясняет темы», «аналитична и ясна» и «может привести к новаторству и совершенствованию конфуцианской мысли».² Сюй Юаньчжэн, еще один мыслитель той эпохи, профессор университета и научный советник империи, также высоко оценивал исламскую философию, описывая её как «более продвинутую, чем то, чего достигли древние, обладающую изумительной речью и сиянием небес, подобным конфуцианской мысли – всеобъемлющей и вдохновляющей».

Во-вторых, исламская философия сознательно приняла под влиянием конфуцианской школы ряд идей и получила название «Комментарий к конфуцианской философии». Так, под влиянием конфуцианства сформировалась особая форма исламской культуры с характерными

¹ Эмомали, Р. Тоҷикон дар оинай таъриҳ [Матн] / Р. Эмомали. – Душанбе: Ирфон, 2011.. – С. 270

² Wang Zehong, Liu Ji. Islamic Philosophy and Confucianism [Text]: Dialogues and Synthesis. – Beijing: China Social Sciences Press, 2018. – С.114.

китайскими чертами. Оба этих явления развивались одновременно, а процесс формирования исламской философии в Китае сопровождался развитием и расширением принятия конфуцианских идей в её основе.¹

Формирование исламской философии в Китае. Профессор Мо Цзян в предисловии к переводу «Истории философии в исламе» указывает, что исламская философия проникла в Китай во времена династий Сун и Юань. Однако он не указывает точно, когда началось формирование исламской философской мысли в Китае.

На наш взгляд, это началось с момента сближения ислама и конфуцианской мысли, их одновременного противопоставления и синтеза. Это сближение началось в эпоху Юань, о чём свидетельствует «Надгробная надпись о реконструкции мечети Динчжоу», написанная каллиграфом Ян Шоуи во втором месяце восьмого года правления Чжичжэна из династии Юань (1341 г.). Автор надписи сначала анализирует три философские школы: конфуцианство, буддизм и даосизм, поддерживая конфуцианство и критикуя буддизм и даосизм как «пустые и бессмысленные, не имеющие значения среди простого народа».² Затем он описывает ислам как небесную религию, проповедуя монотеизм: «Творец един, не имеет тела, единственный, кто достоин поклонения». Далее автор сравнивает ислам и конфуцианство, сопоставляя социально-политические принципы конфуцианства, изложенные в пяти классических книгах, с исламской верой в единого Бога. Он тем самым прокладывает путь к синтезу ислама и конфуцианства для будущих исследователей.³

С середины правления династии Мин это культурное сближение стало более глубоким и широким. Надпись в Великой Южной Мечети «Цзунань» в провинции Шаньдун, написанная китайским имамом Чэнь Сицюанем в седьмой год правления Цзяцзина, является ярким примером. Эта надпись содержит 155 иероглифов и делится на две части. В первой перечислены

¹ Zhang Wei. Cultural Interactions between Islam and Confucianism in Ming and Qing China, Journal of Chinese Philosophy, 2020. – Vol. 47. – No.2. – С.159.

² Ван Зухун, Лю Цзи. Исламская философия и конфуцианство [Текст]: диалоги и синтез. – Пекин: Изд-во Китайской академии общественных наук, 2018. – С.114.

³ Финг Цинь Юань. Исламская и иранская культура в Китае [Текст] / Персидский перевод Мохаммада Джавада Умединия. – Тегеран, 1998. – С.272

основные принципы древнекитайской философии, а во второй подробно изложены понятия исламского богоизвестия, нравственного очищения и воспитания души.¹

Связь между двумя частями выражается такими словами: «Бескрайнее пространство небес – это дао, пространство земли – это природа, их сочетание – это бытие. Слияние бытия с разумом и чувством – это сознание». Эти идеи восходят к философу Чжэн Цзы (1020 – 1077), мыслителю эпохи Сун, чьи взгляды автор использует для доказательства бытия Творца и распространения исламских верований о мироздании. Также он использует философию Чжэн Цзы в вопросах человека и познания как теоретическую основу распространения исламских идей. Суть надписи такова: «Познать Бога – высшая цель, служение – поклонение, воскрешение – конечная цель».²

Автор надписи выразил исламские убеждения, используя терминологию Чжэн Цзы о разуме и природе, и соединил их с конфуцианской философией, распространённой в эпохах Сун и Мин. Содержание этой надписи более развито, чем надпись о реконструкции мечети Динчжоу, поскольку последняя лишь ограничивалась простым сравнением двух философских систем.

Исламская философия в Китае сформировала уникальный теоретический идеализм, который сочетает исламский монотеизм с китайской космологией и этикой. Эта философская модель служила основой для синтеза культур и религиозных традиций, отражая глубокое взаимовлияние и адаптацию идей в китайском мусульманском сообществе.

Литература. Историко-культурное наследие мусульманских народов Китая, в частности таджиков, являющихся одним из наиболее древних и самобытных этносов региона, оказало существенное влияние на становление и развитие китайской историографической традиции, а также внесло значимый вклад в общекультурное пространство страны. Представители народов хуэй

¹ Чжан Вэй. Культурное взаимодействие ислама и конфуцианства в эпоху Мин и Цин [Текст] / Чжан Вэй. // Журнал китайской философии, 2020. – №2. – С.159.

² Мо Цзюнь (перевод). История философии в исламе [Текст]. – Пекин: Изд-во Пекинского университета, 2019. – С.90.

(таджики) и уйгуров, посредством активного участия в создании официальных исторических хроник, религиозных трактатов и этнографических исследований обеспечили глубокое понимание политических, культурных и религиозных процессов в Китае и на сопредельных территориях.

Одним из показательных примеров участия мусульман в развитии китайской исторической науки является деятельность Ма Зичяна¹ - представителя мусульманской общины из провинции Шаньси, который в период правления династии Мин внёс вклад в составление «Хроник эпохи Мин» (《明史》), одного из важнейших официальных исторических источников, отражающих политические, социальные и культурные реалии указанного периода. Его участие в создании этого труда свидетельствует не только о высоком уровне образованности мусульман в традиционной китайской науке, но и о степени их интеграции в государственные структуры империи.

Аналогичным примером может служить фигура Чжан Жуя,² происходившего из провинции Шаньдун и принадлежавшего к народу хуэй. В эпоху династии Цин он принимал активное участие в редактировании официальных летописей, включая «Историю Цин» (《清史》), последний в канонической серии династийных историй Китая. Его редакторская и исследовательская деятельность сыграла важную роль в формировании исторического нарратива о династии Цин и заложила основу для последующих академических исследований.

Работы этих учёных-мусульман не только сохранили свою научную значимость, но и продолжают служить важными источниками для современных историков, изучающих политические институты, идеологию и этноконфессиональные взаимодействия в имперском Китае.

Помимо официальных хроник, мусульманские учёные создавали и ряд других значимых работ. К примеру:

¹ Ма Зичян (马子强) - мусульманский учёный эпохи Мин, родом из провинции Шаньси.

² Чжан Жуй (张睿) - историк-хуэй периода династии Цин, уроженец провинции Шаньдун.

- «Путешествия по морям и берегам» Мо Хуана¹, детально освещдающее морские и прибрежные регионы, взаимодействия Китая с Индийским океаном;
- «Наблюдения за звёздами» Фэй Син² - важный астрономический труд;
- «Записки паломничества в Мекку» Мо Душина³, отражающие религиозные и культурные аспекты мусульманского паломничества;
- «Девятилетнее пребывание в Египте» Лун Шичиана⁴, описан опыт проживания и изучения исламской культуры в странах Ближнего Востока.

Все эти труды представляют собой не только исторические документы, но и свидетельства культурных и дипломатических связей Китая с прибрежными странами и народами, не относящимися к китайской этнической группе. Они обогащают научное понимание межкультурных коммуникаций, политических и религиозных взаимодействий в регионе.

Одним из ранних и содержательных трудов является «Сборник трактатов по разъяснению вопросов» (Мальмӯай расоил дар тавзеъи масоил) Чжан Ин Пина⁵ (конец династии Мин). В этом сочинении рассматриваются не только вопросы исламской религиозной практики, но и характеристики мечетей, медресе, а также сведения о климате и сельском хозяйстве стран Ближнего Востока, имеющих религиозно-культурные связи с Китаем.

Среди фундаментальных исламоведческих трудов следует выделить «Исследование об исламе» (Тахқик дар боби ислом) Чжан Сина⁶, в котором прослеживается ранняя история проникновения ислама на китайскую

¹ Мо Хуан (Ma Huan, 马欢). Описание берегов океана (瀛涯胜览), Перевод и ред. Дж. В. Г. Миллса. Кембридж: – Общество Хаклуйт, 1970. – 431 с.

² Фэй Син (Fei Xin / 费信) 《星槎胜览》 (Описание путешествия на звёздном судне). – Нанкин: Jiangsu Guji Press, 1981. – 142 с.

³ Мо Душин (Ma Dexin, 马德新). 《朝觐礼克大事日记》 (Дневник великого паломничества в Мекку). Куньмин: Изд-во народа Юньнани, 1990. – 208 с.

⁴ Лун Шиён Лин (Lu Xianglin / 吕祥林). 《中国民族史纲》 (Основы истории этносов Китая). Пекин, 1984. – 365 с.

⁵ Чжан Ин Пин (Zhan Yingpeng, 张应鹏). 《马聚集•主麻注释》 или 《الإسلام مسائل توضيح في رسائل مجموعۃ》 (Сборник трактатов по разъяснению вопросов ислама). – Пекин: Исламское изд-во Китая, 2001. – 235 с.

⁶ Чжан Син (Zhang Xin / 张信). 《伊斯兰教研究》 (Исследования ислама). – Пекин: Издательство этнической группы, 1990. – 312 с.

территорию. Этот труд стал одной из первых попыток системного анализа исламской традиции с позиций местного научного знания.

Особое значение имеет двадцатитомный труд Лиу Цзи¹ «История небесной религии и Пророка (мир ему)» (Таърихи дини осмонї ва Паёмбар), созданный в эпоху Цин. В нём автор не только опирается на исторические источники, но и включает в исследование официальные указы династии Мин, регламентирующие деятельность мусульманских общин, что свидетельствует о глубоком понимании институционального положения ислама в имперском Китае.

Следует отдельно выделить переводы и оригинальные исследования, выполненные рядом китайских мусульманских авторов. Среди них Хо Джунг, автор труда «История арабов и ислама», Мо Джичинг, подготовивший сжатое изложение жизни Пророка Мухаммада (мир ему), Лунг Ши Чиён, создавший труд по истории исламской юриспруденции, а также Мо Джиён, которому принадлежит перевод и адаптация трёх значимых работ: «История арабского общества», «История изучения религии хуэй» и «История философии в исламе».²

К числу ценных источников по религиозной жизни хуэй-мусульман в период поздней династии Цин относятся также такие сочинения, как: «Зеркало истории религии хуэй в Китае» (Оинаи таърихи дини хуй дар Чин) Мои Ю, «Исследование истории религии хуэй в Китае» (Тахқиқ дар бораи таърихи дини хуй дар Чин) Джи Джи Тонга, а также «История религии хуэй в Китае» (Таърихи дини хуй дар Чин) Фу Тунга³. Эти труды представляют собой значимый корпус историографических источников, отражающих развитие исламской мысли и институций в китайском мусульманском сообществе.

¹ Лиу Цзи (Liu Ji, 刘基). 《伊斯兰教与穆罕默德传》(Ислам и биография пророка Мухаммеда), в 20 частях. – Нанкин: Исламская культурная пресса, 1995. – 1170 с.

² Финг Цинь Юань. Исламская и иранская культура в Китае [Текст] / Персидский перевод Мохаммада Джавада Умединия. – Тегеран, 1998. – 291 с.

³ Фу Тунсянь (Fu Tongxian / 傅统先). 《中国回教史》(История ислама в Китае). – Шанхай, 1937. – 314 с.

Одним из наиболее значимых трудов таджикской историко-исламской литературы является «Таърихи Рашиді» (История Рашидов) авторства Мирзо Махмуда Ійайдара,¹ написанная в XVI веке. Это сочинение представляет собой не только политическую хронику, но и богатый источник по социальной и религиозной истории Центральной Азии и западного Китая, охватывая ключевые события, личности и трансрегиональные связи. Ему принадлежит также заслуга в формировании литературной исторической традиции среди таджиков. Продолжение этой работы, написанное Мирзо Шуоъ Махмудом, также отражает устойчивость таджикской историописной школы в регионе.

Эти сочинения таджикских авторов охватывают исторический период с XIII по XIX век и отражают как местные реалии, так и связи с исламским Востоком, Великом Хорасаном и Ираном. Их труды служат незаменимым источником для изучения религиозных, культурных и политических процессов на территории Синьцзяна и Центральной Азии, а также подчёркивают устойчивость и оригинальность таджикской историко-религиозной традиции в составе китайского государства.

Музыка. Одной из важнейших сфер, в которой культурная интеграция стала особенно заметной, стала музыка. В истории Китая музыка мусульман с персидскими и таджикскими корнями приобрела заметный вес, особенно в эпохи династий Юань (1271-1368) и Мин (1368-1644), когда культурные обмены между Китаем, Центральной Азией и Ближним Востоком были особенно активны. Основные проявления этого влияния - широкое распространение персидских музыкальных инструментов среди мусульманских народов Китая, и интеграция сложных музыкальных циклов, восходящих к персидской традиции, в китайскую музыкальную культуру.

В придворной музыке эпохи династии Юань, согласно 71-й главе «Истории монголов», насчитывалось 22 вида музыкальных инструментов, из которых четыре имели явное отношение к персидской музыкальной традиции:

¹ Мирзо Махмуд Хайдар. تاریخ رشیدی (История Рашидов), пер. с персидского и comment. / Н. Элиаса и Э.) .с 476 –Денисона .Лондон, 1895.

«Син Лунг Шинг»,¹ «Диён Тинг Шинг»,² «Ху Бус»³ и «Ху Чин»⁴. Музыкальные инструменты, происходящие из пространств Ближнего Востока и Средней Азии, в частности из таджикских и иранских регионов, были переняты китайским двором и внесли заметный вклад в формирование звукового ландшафта китайской придворной музыки⁵.

«Ху Бус»⁶ - инструмент, по форме напоминающий персидский танбур, с четырьмя металлическими струнами, натянутыми над полукувшином, покрытым кожей. Этот инструмент считается одним из прямых заимствований из Персии, а его конструкция совпадает с традициями музыкальных инструментов Ирана. Позже на его основе был создан смычковый «Ху Чин», который по форме и принципу игры близок к древнему персидскому смычковому инструменту - танбуру и кеманче. В китайских источниках «Ху Чин» описывается как инструмент с двумя струнами, играемый смычком из конского волоса. Считается, что именно «Ху Чин» и «Ху Бус» постепенно вытеснили традиционный китайский смычковый инструмент «паи по» с XIII века.⁷

¹ Xin Longsheng - большой шипур (笙, Sheng) – это традиционный китайский духовой орган с наборами свободно дрожащих язычков (reed pipes), датируемый по крайней мере до династии Хань (около 1100 г. до н. э.) духовой инструмент эпохи Юань. В эпоху Юань, среди 22 инструментов в придворной музыке, Син Лунг-шинг вероятно относился к семейству sheng, представляя крупный духовой орган, используемый в официальной и ритуальной музыке.

² Dian Tingsheng – 小笙, «маленький шипур», подобный инструмент (вероятно, разновидность sheng) со своими компактными формами использовался в придворных ансамблях Юань как Диён Тинг-шинг - «малый шипур». Источники указывают, что шэн того времени адаптировались в разных размерах и ключах для смешанных оркестров

³ Huo, Busi (火不思) - «Ху Бус», смычковый инструмент с четырьмя струнами, связанный с персидским komuz и с корнями в иранской традиции, распространённый среди мусульман Китая эпохи Юань.

⁴ Hu Qin - «胡琴, Ху Чин», смычковый инструмент, произошедший от иранского кеманче (камонча). Возникла в Китае во время монгольского господства (Юань), от названия “Hu” - варварский, «иностранный», т.е. пришлый инструмент северных народов. Huqin имеют два струны и смычок, чья коса проходит между струнами, что позволяет играть вертикально на колене. Это ясно указывает на связь с кочевыми музыкальными культурами и персидскими смычковыми традициями

⁵ Финг Цинь Юань. Исламская и иранская культура в Китае [Текст] / Персидский перевод Мохаммада Джавада Умединия. – Тегеран, 1998. – 291 с.

⁶ Hun Bushi - альтернативное название «Ху Бус». Название Hun Bushi не встречается в англоязычных источниках напрямую, но является транслитерацией китайского 火不思 (huobosi), что указывает на историческое название инструмента, происходящего от персидского komuz и интегрированного в китайскую традицию как «Hu Busi»

⁷ Pipa - традиционный китайский щипковый инструмент. Пипа (Pipa 琵琶) имеет древние корни, в текстах династий Цинь и Хань упоминается qin pipa, прямой предок современных лютен и гуан. Однако Hu Pipa ("внешняя пипа"), с грушевидным корпусом и изогнутой шейкой, была заимствована через Шёлковый путь из Согдианы/Персии и распространилась через Синьцзян в период Суй, Тан, Юань и Мин.

Примечательно, что технология изготовления духовых инструментов, таких как «Син Лунг Шинг» и «Диён Тинг Шинг», пришла также из мусульманских стран Центральной Азии и была весьма развита, об этом свидетельствует распространение подобных инструментов в Европе XIII века, где они стали предшественниками современных духовых оркестровых инструментов. Это указывает на важную роль Центральной Азии, в том числе Персии, в развитии мировой музыкальной культуры, и перенос этой традиции в Китай через мусульманские сообщества.¹

Император Цянь Лун из династии Цин (1734-1795) после усмирения регионов хуэй способствовал распространению музыкальных инструментов мусульман, включая персидские рубаб, танбур и сетар, в центральные районы Китая. Рубаб, один из самых ярких представителей исламской смычковой традиции, после проникновения в Европу в Средние века получил название «Ли Бек» и стал предшественником скрипки. В Юго-Восточной Азии рубаб занял важное место в музыкальной культуре Индии, Бирмы, Таиланда и других стран. В Синьцзяне рубаб и его мелодии стали одним из символов уйгурской музыки и культуры.²

Кроме того, в арсенале таджиков Китая присутствуют дутар, танбур, корун, танбура и сабо, все эти инструменты имеют исторические корни в персидской и ближневосточной музыкальной традиции и были адаптированы под местные особенности. Например, у казахов популярны смычковые «хубус», у кыргызов - трёхструнный «комус», а у таджиков - инструмент «инди»³, что свидетельствует о широкой этнокультурной интеграции персидской музыкальной техники.

Одним из важнейших проявлений персидского влияния в музыке Китая является сложный музыкальный цикл уйгурского народа, «Двенадцать

¹ Цугэ Г. Историческое взаимодействие между персидской и китайской музыкой [Текст] // Шёлковый путь: торговля, путешествия, войны и вера". Лондон: Британская библиотека / Публикации Сериндии, 2004. – С. 366.

² Финг Цинь Юань. Исламская и иранская культура в Китае [Текст] / Персидский перевод Мохаммада Джавада Умединия. – Тегеран, 1998. – 291 с.

³ Андреа Цянь Чен. Влияние Шёлкового пути на искусство печатей [Текст]: исследование эпохи Сун и Юань // Журнал: Гуманитарные науки. Музей и Художественная галерея Университета, Гонконгский университет. – Гонконг, Китай. – 2018. – Т.7, №3. – С. 37.

мукамов». Формирование системы уйгурских мукамов представляет собой одно из важнейших достижений музыкальной культуры мусульман Центральной Азии и Китая. Эта музыкальная система, известная как «Дувоздаң мүкөм» (уйгурск. «Он икки мукам» / кит. 十二木卡姆, shí'èr mùkām), сочетает в себе элементы иранской, арабской, туркестанской и локальной уйгурской музыкальной традиции, и на протяжении веков развивалась под влиянием как исламской ученой среды, так и придворных культурных институтов. Сам термин «мукам» происходит из арабского и персидского языков и означает музыкальный лад или систему музыкальных произведений.¹

Уже к XVII веку структура двенадцати мукамов была оформлена окончательно. Каждый мукам представлял собой обширную сюиту, исполнение которой занимало от полутора до двух часов. Таким образом, была создана уникальная музыкальная энциклопедия уйгурского народа, включающая элементы классической и народной культуры.

Традиционно эти музыкальные циклы передавались устно и только в 1950-х годах были систематически записаны и проанализированы китайскими и уйгурскими исследователями, в частности, на основе исполнения мастера Турдо Охуна.²

Влияние таджико-персидской музыкальной традиции на музыку Китая в эпоху Юань и Мин было многогранным и глубоко интегрированным. Оно проявлялось в появлении и адаптации музыкальных инструментов с исламским и персидским происхождением, внедрении сложных музыкальных форм и развитии исполнительских техник. Это обогатило музыкальное наследие Китая, особенно в регионах с компактным проживанием мусульманских народов – хуэй (таджики-персы), уйголов, казахов и других.

Таким образом, таджико-персидское музыкальное наследие не только сохранилось, но и стало органичной частью китайской культуры, сыграв

¹ Lin, Meicun (林梅村). «十二木卡姆的历史与伊斯兰文化渊源» [История Двенадцати мукамов и их исламские истоки], 中央民族大学学报, Журнал Центрального университета национальностей, 2004. – №4. – 56 с.

² Финг Цинь Юань. Исламская и иранская культура в Китае [Текст] / Персидский перевод Мохаммада Джавада Умединия. – Тегеран, 1998. – 291 с.

значительную роль в формировании уникальных музыкальных традиций на перекрёстке Востока и Запада.

Материальная культура. Культурное влияние таджиков, как и других мусульманских народов, особенно ярко проявилось в сфере архитектуры, искусства, обрядов и повседневной жизни. Наряду с политической и научной деятельностью, представители таджикских общин активно участвовали в формировании материального и нематериального культурного наследия Китая. Одним из самых наглядных примеров культурного синтеза стал архитектурный стиль мусульманских мечетей, строившихся в период Юань и Мин. Эти здания нередко сочетали традиционные китайские формы - пагодообразные крыши, павильонную структуру и отсутствие минаретов - с мусульманским функциональным содержанием. Так, например, Великая мечеть в Сиане, заложенная в XIV веке, сохранила исламские традиции в культовой архитектуре, но визуально полностью вписывалась в китайскую городскую среду. Архитекторы таджикского происхождения, такие как Ихтиёруддин, играли важную роль в проектировании подобных сооружений и градостроительных решений¹.

Как отмечает исследователь Чэнь Юань в своей работе «Исследование освоения китайской культуры народами западных территорий в эпоху Юань», при изучении искусства любого периода «обязательно необходимо учитывать и сохранившиеся архитектурные памятники». Однако он подчёркивает, что специализированных трудов по архитектуре в Китае практически нет, а памятники архитектуры народов западных территорий эпохи Юань дошли до нас крайне редко. Тем не менее, сохранившиеся объекты позволяют проследить влияние персидского и исламского архитектурного искусства в пределах Монгольской империи².

¹ Нассер, Д. Халили, Исламское искусство и культура [Текст] / Нассер, Д. Халили. – Нью-Йорк: The Overlook Press, 2005. – С.115.

² Чэнь Юань. Исследование китайской ассимиляции западных народов эпохи Юань [Текст] / Чэнь Юань. – Шанхай: Шанхайское издательство древних книг, переиздание, 2000. – С.98.

Во второй четверти XIII века, в ходе западного похода монгольских войск, особенно во время завоевания Великого Хорасана, как было уже отмечено значительное число ремесленников, инженеров, архитекторов и художников из числа таджиков (персов) было депортировано на восток в качестве военной добычи. Эти специалисты, обладавшие высокими профессиональными навыками, стали ключевыми фигурами культурной трансмиссии между исламским миром и Центральной Азией, а впоследствии и Китаем. Их принудительное переселение на территорию Монгольской империи, в том числе в столицу Каракорум, способствовало распространению исламской архитектурной традиции в регионах, ранее ей незнакомых.

Согласно «Юань ши» и данным археологических раскопок, персидские зодчие принимали активное участие в строительстве мечетей, бань (хаммамов) и дворцовых комплексов в Каракоруме. Одним из характерных примеров является использование синих глазурованных плиток с геометрическим и растительным орнаментом, типичным для архитектуры Илханидов и Тимуридов, в убранстве дворца Ванъань (Ванъаньгун)¹. Эти декоративные элементы, выполненные в характерной персидской манере, указывают на устойчивое присутствие художественных техник и представлений из Ирана и Хорасана в столичном зодчестве монголов. Наследие персидской архитектуры, в частности, традиции общественных бань, получило широкое распространение благодаря глубокой истории исламского мира. В VII-X веках арабский халифат стал могучей державой, где строительство мечетей и бань (хаммамов) развивалось в тесной взаимосвязи. Например, в Багдаде эпохи Муктадира насчитывалось десятки тысяч бань, описанных как сложные комплексы с куполами, декоративными бассейнами и мраморной отделкой. Эти сооружения были не просто гигиеническими объектами, но и социальными центрами, служившими для ритуального омовения перед молитвой и отдыха.

¹ Линь Мэйцунь 《波斯文明的洗礼—2012伊朗考察记之四》 (Крещение персидской цивилизацией – Заметки о поездке в Иран 2012 года. Часть IV), опубликованной в журнале 《紫禁城》 . – Запретный город, 2012. – №9, – С.17:

После переноса столицы в Китай, сначала в Шанду (Юаньшань), затем в Даду (ныне Пекин), таджикские архитекторы продолжили свою деятельность уже в китайском контексте. В начале правления Хубилая (периоды Чжунтун, 1260-1264 гг., и Чжиюань, 1264-1294 гг.) видный архитектор Хэй Дэрдин (黑的儿丁), в таджикской традиции известный как Ихтияруддин, был назначен руководителем строительного ведомства (цзянцзянь), отвечающего за проектирование и реализацию крупных градостроительных проектов.¹

Проникновение архитектурных идей и инженерных решений, заимствованных у таджикских и персидских мастеров, отразилось также в применении купольных конструкций, системе водоснабжения и канализации, печном отоплении и внутреннем планировании зданий. Таким образом, опыт и профессиональное мастерство привезённых с запада специалистов сыграли важную роль в становлении новой столичной архитектурной традиции, базирующющейся на синтезе китайских и исламских элементов.

В архитектуре исламских мечетей Ирана широко использовались купола, кирпичные колонны, аркады и сводчатые двери - элементы, уходящие корнями в традиции Персидской империи. Исламская архитектура развивалась как прямое продолжение персидского искусства, а города, такие как Багдад, проектировались по образцу персидских царских дворцов, например, Фирузавада эпохи Сасанидов.

Археологические исследования подтверждают перенос этих традиций на территорию Монгольской империи. В 2006 году немецкая экспедиция в Каракоруме обнаружила в дворце Ваньянь участки пола из глазурованной бирюзовой плитки, аналогичной плитке из персидской бани в Казвине, что свидетельствует о прямом заимствовании персидских художественных мотивов. Также советский археолог Сергей Киселёв выявил латунную ванну с каллиграфическими надписями на персидском языке и серебряный сосуд для омовения в исламском стиле, свидетельства практического переноса

¹ Ван Цзилин. О влиянии исламского архитектурного искусства на Китай по данным архитектурных деталей, найденных при раскопках руин столицы Юань – Даду [Текст] / Ван Цзилин. – Археологический институт пров. – Цзянси, 2000. – 155.

персидских гигиенических и культурных традиций в столицу Монгольской империи.¹

Значительное влияние таджикской (персидской) архитектурной традиции в Китае периода XIII-XV вв. особенно ярко проявилось в культовых и коммунальных сооружениях, таких как мечети и хунтаны (общественные бани). Одним из наиболее репрезентативных примеров этого культурного синтеза является Великая мечеть в Сиане (西安清真大寺), основанная в эпоху ранней династии Мин (начало строительства датируется 742 г. по хиджре, то есть 1384 г. по григорианскому календарю).² В архитектуре этой мечети отчетливо прослеживается интеграция китайской строительной традиции, павильонной структуры, многоярусных кровель с загнутыми углами и отсутствия минарета с функциональной планировкой исламского религиозного здания: наличием молитвенного зала, минбаром, стелой с хадисами на арабском языке и четкой ориентацией на запад (в сторону Мекки). Подобное сочетание было возможно благодаря усилиям мусульманских мастеров и архитекторов, в том числе таджикского происхождения, которые стремились органично адаптировать исламские строительные нормы в китайском контексте.³

Наряду с мечетями, значительное распространение получили общественные бани, хунтаны (混堂), в первую очередь в городах с заметным мусульманским населением. Их архитектурное решение, как указывали китайские и западные источники, во многом основывалось на персидской и среднеазиатской традиции хаммамов. Такие бани имели зонированную структуру, с раздевальней, теплыми и горячими залами, куполообразными потолками и системой подогрева через подпольные каналы (гипокауста)⁴. Сведения о таких банях содержатся у Марко Поло, который, посетив города

¹ Древнемонгольские города [Текст] / ред. Сергей В. К. – Москва: Наука, 1965. – С 418.

² Chen Yuan 陈垣. Yuan Xiuy ren Huahua kao 元西域人华化考 [Исследование о китаизации западных людей во времена Юань]. – Шанхай: Шанхайское издательство древних книг, 2000. – С.637.

³ Liao Huan 廖桓. «元代回回建筑艺术研究» [Архитектура хуэй-хуэй эпохи Юань]. – Пекин: Китайское архитектурно-строительное издательство – 2005. – С. 218.

⁴ Wang Zhilin 王志林. «中国古代的浴室与清洁文化» (Древние китайские бани и культура чистоты). // 中国文化史杂志, Журнал истории китайской культуры – 2011.– №3. – С. 298.

северного Китая в конце XIII века, писал о наличии «турецких бани», где соблюдаются обряды омовения, свойственные исламской традиции.¹

Французский синолог Э. Шаванн, ссылаясь на труды своего коллеги Жозефа Хакета и на китайские хроники, указывал, что подобные хунтаны функционировали прежде всего в мусульманских кварталах (回回坊) и обслуживали местные общины, приверженные исламу.² Горячие бани были важны не только для гигиены, но и как место поддержания ритуальной чистоты (таксара), что указывает на устойчивое присутствие мусульманских религиозных практик в урбанистической повседневности Китая конца XIII – начала XV вв.

Архитектурная деятельность таджиков на территории Китая XIII-XV веков стала важнейшим элементом культурного взаимодействия между исламским миром и Китаем. Перенос технологий, художественных приёмов и гигиенических практик способствовал не только укреплению исламской общины внутри Китая, но и обогащению китайской материальной культуры за счёт интеграции новых форм и символики. Этот процесс отразился в градостроительных решениях, культовых сооружениях, а также в бытовых объектах, что свидетельствует о глубоком взаимопроникновении культур и становлении уникального синкретического художественного стиля эпохи Юань и Мин.

Искусство каллиграфии. Роль таджикского народа в историю культуры и искусства Китая многогранен и проявляется особенно ярко в таких областях, как каллиграфия, живопись, прикладные ремёсла, музыка, музыкальные представления, кулинарное искусство и боевые искусства, что свидетельствует о богатстве и разнообразии их культурного наследия.

Каллиграфия занимает особое место в этой истории. С древних времён до современности в Китае жили искусные каллиграфы, чьи произведения отличались не только мастерством, но и творческим вдохновением,

¹ Marco Polo. The Travels of Marco Polo. Trans. by H. Yule. – London: Dent, 1929. – Vol. I. – P. 249.

² Chavannes, Édouard. Documents sur les Tou-kiue (Turcs) occidentaux. – Paris: Imprimerie Nationale, 1903. – P. 244.

проявлявшимся в литературных и поэтических текстах. Так, Шин Си (1277-1351) эпохи династии Юань был не только политиком и учёным с широким кругозором, но и одним из выдающихся каллиграфов своего времени. Современный китайский историк искусства в своём исследовании отмечает его работы как «исключительно художественные, прекрасные и удивительные по мастерству», причисляя их к редким шедеврам каллиграфии того периода¹.

Известный поэт и писатель эпохи Юаньской империи Сайдус также прославился как мастер каллиграфии и живописи. Его полотна «Драгоценное великолепие жемчужины» и «Ветвь вишни и воробей» сохранились в музее Запретного города в Пекине и считаются ценным наследием, оказавшим значительное влияние на художественные и социальные представления последующих поколений².

Наблюдается также связь между поколениями мастеров: Сой Джинчу, внук Саида Иzzуддина, достиг высокого уровня мастерства в каллиграфии, а его учитель Ли Нон высоко ценил его работы. Когда семья Джинчу переживала трудности, он поддерживал их доходом от каллиграфии, в своих произведениях прославляя не богатство, а скромность идержанность. Работы таджикских каллиграфов отличались глубокой нравственной силой и достоинством.

В живописи выдающимися мастерами были Гоу Кугунг (1254-1310), прославившийся как художник и учитель знаменитого каллиграфа Чжао Мэнфу (1254-1322). Мэнфу известен полотном «Южные равнины и северные горы», а его учитель Чэн Дун Юань, отец известного мастера Му Фу (1051-1107), основал новую школу живописи, оказавшую глубокое влияние на китайское искусство. Среди его работ, полотна «Облака над горами», «Пустыня и степь», «Дождь над горным хребтом» и др. Позднее живописец Дун Чичан (1555-1636) назвал Мэнфу «одним из величайших своего века», отмечая оригинальность и живость его стиля, выходящего за пределы времени³. Му Цзыни, также

¹ Ван Зухун, Лю Цзи. Исламская культура в Китае [Текст]: история и традиции / Ван Зухун, Лю Цзи. – Пекин, 2018. – 118 с.

² Чжан Вэй. Мусульманское искусство эпохи Юань [Текст] / Чжан Вэй // Китайской истории искусства, 2020. – № 2. – 263 с.

³ Ли Мин. Великие художники династии Юань [Текст] / Ли Мин. – Пекин, 2019. – 450 с.

представитель народа хуэй, прославился в провинции Хунань, работая в жанре пейзажной живописи, в частности в изображении пустынь и степей, развивая технику китайской акварели и туши, которая оставила значительный след в искусстве Китая.

Развитие уникального стиля арабской каллиграфии, синицкой (Sini) каллиграфии, который стал особым явлением на стыке исламского и китайского художественных начал.

Синицкая каллиграфия¹ представляет собой художественный синтез арабской вязи и традиционной китайской кистевой техники, в результате чего арабские буквы приобретают пластичность и динамику, свойственную китайской каллиграфической традиции. Такой стиль возник в мусульманских общинах Китая и получил распространение в оформлении архитектурных памятников, мечетей и мавзолеев, а также в книжной иллюминации и на декоративных предметах повседневного обихода, включая керамические изделия, тканые ткани и мебель.² Каллиграфические надписи служили не только средством передачи религиозного содержания, но и визуальным маркером исламской идентичности, выступая в роли своеобразного моста между исламской культурой и китайским визуальным языком. Такое художественное направление способствовало интеграции мусульманской общины в многоэтническую структуру китайского общества, сохраняя при этом уникальные культурные особенности³.

Особое место в истории занимает арабская каллиграфия. Рукописные издания Корана на арабском языке появились в Китае в период династии Юань. В пекинской мечети Дунг Се хранится рукописный Коран, написанный в 718 году по хиджре (1318 г. н.э.)⁴.

¹ Хуанг, Л. Китайская исламская каллиграфия [Текст]: история и стилистика // Журнал азиатских искусствоведческих исследований, 2020. – Т. 12, вып. 3. – С.235.

² Ма, Ю. Синицкий стиль арабской вязи в архитектуре мусульманского Китая [Текст]: Исламская культура в Китае, 2019. – С.130.

³ Сунь, В. Каллиграфия как символ идентичности у китайских мусульман [Текст]: Обзор азиатских этнических исследований / В. Сунь, 2021. – Т. 8, вып. 1. – С.314.

⁴ Цзянь Вэй. Ислам в Китае [Текст]: исторический обзор / Вэй. Цзянь. – Пекин, 2017. – С.140

Рукописные Кораны мусульман Китая были широко использованы для изучения и имели высокое художественное качество. По данным императорской библиотеки династии Цин, в её хранилищах находилось около 30 томов рукописных Коранов с обложками из жёлтой кожи и небесно-голубой бумагой, украшенных каллиграфией и позолотой, стоимость каждого тома достигала 12 тысяч юаней, что делало их одними из самых ценных произведений исламского искусства в Китае.

Таджики Китая не только создавали рукописные книги, но и украшали ими архитектурные сооружения, такие как колонны, таблички, внутренние надписи мечетей и святыни. Например, в мечети Цзё Цзюань у южных ворот в городе Цзи Цзён существует каменная надпись на куфийском письме длиной более метра с изображением лунного серпа и символов, обозначающих небо и землю, украшенная изящным орнаментом и цитатами из Корана. Эти надписи отличаются исключительной художественной выразительностью, сочетающей арабскую каллиграфию с эстетикой традиционного китайского искусства, создавая уникальное произведение, вызывающее у зрителя чувство силы и уважения к религиозному искусству.

Что касается прикладного искусства, таджики внесли значительный вклад в развитие художественных ремёсел. С XI века через торговые пути династии Тан в Китай проникли ремёсла и художественные техники из Ирана и других стран Ближнего Востока, что нашло отражение в бронзовых и мраморных изделиях, которые китайцы называли «тосийская живопись» (художественное оформление восточного происхождения) или «хуэй-хуэй» (исламское искусство)¹.

В эпоху Юань и Мин в Китае широко применялись изделия из бронзы с каллиграфическими надписями из Корана, что создавало высоко ценимые предметы декоративно-прикладного искусства, известные как «цветочные вазы Востока».

¹ Гао Лэй. Влияние исламского искусства на китайские ремёсла [Текст] / Гао Лэй. – Пекин, 2020. – С.175.

При правлении императора Сюань Ду (1426-1435) получили развитие удсухи (ароматические курильницы) из бронзы, производившиеся по восточным традициям и украшенные изысканными орнаментами. Для создания характерного «небесно-голубого» цвета фарфора использовался импортированный из исламских стран пигмент, известный как хуйский (хуэйскую) цвет.

В эпоху Цзя Цзин (1522-1567) усилилось использование восточных мотивов в китайском фарфоре, включая изображения цветов, фруктов и растительных узоров, заимствованные из исламского искусства. Наиболее известны большие чаши с изысканными орнаментами из цветов и плодов, украшенные драконами, птицами симургами, соснами и другими символами, символизирующими долголетие и благополучие¹.

Женщины из мусульманских меньшинств Китая играют важную роль в сохранении и развитии этих традиций, выполняя сложные вышивки на головных уборах, одежде и других предметах, создавая разнообразные узоры и орнаменты, отражающие их этническую и культурную идентичность. Например, женщина из народа хуэй Джин Цзинфин (1885-1970) известна своими вышивками «Живой Будда» и «Восемь вечных ангелов», которые были высоко оценены императрицей Цыси и считаются выдающимися произведениями искусства своего времени².

Кроме письменного искусства, таджикские и другие мусульманские ремесленники оказали заметное влияние на развитие прикладных искусств в Китае. Они активно применяли традиционные исламские орнаменты, геометрические, растительные и каллиграфические мотивы, которые гармонично сочетались с местными художественными стилями. Особенно ярко это проявилось в декоративной керамике эпохи династии Юань (1271-1368 гг.), когда арабо-персидские надписи и узоры украшали изделия, адаптированные к китайским канонам формы и техники производства. Помимо керамики,

¹ Ван Юнь. Исламские мотивы в китайском фарфоре [Текст] / Ван Юнь // Журнал искусств. – 2021. – № 3. – С.97

² Джин Цзинфин. Вышивка в культуре народа хуэй [Текст] / Джин Цзинфин. – Пекин, 2019. – 455 с.

мусульманские мастера вносили новшества в ткачество и резьбу по дереву, создавая уникальные предметы, сочетающие исламскую символику с китайским художественным восприятием¹. Таким образом, прикладное искусство служило важным каналом культурного диалога, укрепляя взаимопонимание и симбиоз двух цивилизаций.

Язык. Культурная идентичность таджиков, проживающих в Китае, представляет собой сложное и многогранное явление, сформированное в течение столетий под влиянием исторических, географических и социокультурных факторов, включая исламизацию региона, торгово-дипломатические связи через Великий Шёлковый путь, а также процессы интеграции в китайское многонациональное государство. Как подробно отражено в книге главы государства Республики Таджикистана, Эмомали Рахмон «Таджики в зеркале истории», таджики, сосредоточенные преимущественно в Ташкурганском таджикском автономном уезде Синьцзян-Уйгурского автономного района, сохраняют свои уникальные этнические особенности, проявляющиеся через язык, религию и традиционные обычаи, несмотря на длительные контакты и культурное влияние Китая.²

Язык таджиков Китая занимает центральное место в формировании их национальной идентичности. Представленные двумя восточноиранскими диалектами - сариколи и ваки, эти языки являются носителями богатого лингвистического наследия, уходящего корнями в древнеперсидские и среднеазиатские традиции. Они существенно отличаются от современного таджикского литературного языка, используемого в Республике Таджикистан, и демонстрируют сложный процесс языкового развития в условиях географической изоляции и многокультурного окружения. Книга Эмомали Рахмона подчёркивает, что несмотря на доминирование китайского языка в регионе, таджики предпринимают значительные усилия по сохранению и передаче своим детям родного языка, что свидетельствует о высокой степени

¹ Ли, Ц. Ремесленные традиции мусульман Китая [Текст]: ткачество и резьба // Восточное искусствознание. – 2016. – Том 10. – № 2. – С.389.

² Эмомали, Р. Тоҷикон дар оинаи таъриҳ [Матн] / Р. Эмомали. – Душанбе: Ирфон, 2011. – С. 205.

этнокультурной устойчивости и жизнестойкости национального самосознания¹. Поддержание и развитие этих языков в рамках образования и бытового общения служит фундаментом для сохранения уникальной идентичности таджиков Китая в рамках многонационального государства.

С проникновением ислама на территорию Восточного Туркестана (современного Синьцзяна), арабский и особенно персидский языки оказали глубочайшее влияние на формирование как письменной, так и устной формы уйгурского языка. Язык уйгuroв вобрал в себя значительное количество лексических, фонетических и грамматических элементов, заимствованных из персидской культурной среды.²

Устная речь древнего уйгурского языка отличалась мелодичностью и фонетической чёткостью. Однако с заимствованием персидских и арабских слов наблюдалось нарушение внутренней фонетической системы. Так, различие между звуками «и» и «эй» постепенно исчезало, а звонкие и глухие согласные в начале и конце слов, такие как «к» и «г», стали сливаться по звучанию.³

Проникновение в уйгурский язык звука «њ» (h), ранее отсутствовавшего, свидетельствует о прямом влиянии персидского языка. Слова «њар» (каждый), «њунар» (искусство) и другие стали частью повседневной лексики. Аналогично, ранее нехарактерные для тюркских языков начальные «р» и «л» (например, «рањмат», «лугат») стали привычными в уйгурском языке⁴. Персидский язык оказал влияние не только на лексику, но и на синтаксис и грамматику уйгурского языка. Некоторые персидские союзы и служебные конструкции, как «агар» (если), «чунки» (потому что), «аммо» (но), «ва» (и), интегрировались в структуру предложений, заменив тюркские эквиваленты. Суффиксы и префиксы персидского происхождения «-бон», «-паз», «-шинос», «бе-» - стали основой словообразования в уйгурском языке, приводя к

¹ Эмомали, Р. Точикон дар оинаи таърих [Матн] / Р. Эмомали. – Душанбе: Ирфон, 2011. – С. 210.

² Сагучи Тору (Tōru Saguchi, 佐口透). Персидские элементы в восточно-турецком языке [Текст]: заметки о лексике и синтаксисе. –Лейден, Нидерланды,1979. –Т. 5. – 666 с

³ Джамальдинов, А. А. Фонетические особенности уйгурского языка в контексте иранизмов [Текст]. – Алматы: КазНУ, 2008. – С. 156.

⁴ Османов, М. И. Персидские заимствования в тюркских языках Средней Азии [Текст] / М. И. Османов. – Ташкент: Фан, 1984. – 142 с.

появлению слов вроде «бехатар» (безопасный), «ошпаз» (повар), «дилшинос» (психолог/душевед)¹.

Персидские имена и топонимы широко распространились среди мусульманских народов Китая, включая уйголов. Имена как «Исъюк», «Иброњим», «Довуд» являются не только религиозными заимствованиями, но и отражают иранскую культурную традицию, особенно в вариантах передачи через арабский и персидский языки.² Районы с названиями вроде «Имамлар» или «Боѓи бустон» показывают глубину синтеза иранской и местной культур.

Исламизация региона принесла в уйгурский язык обширную лексику, касающуюся религиозной, политической, научной и бытовой сфер. Словообразовательные модели персидского языка особенно прилагательные и абстрактные существительные позволили создать более богатую и концептуальную структуру языка.

Как отмечает лингвист В. С. Растворгueva, заимствования из персидского языка особенно активизировались в период распространения чагатайского языка, литературной формы, насыщенной иранской лексикой³. Благодаря этому уйгурский язык стал не просто воспринимать персидские слова, но и адаптировать их к собственной грамматике, что отразилось на всей структуре языка. Персидские имена и топонимы широко распространились среди мусульманских народов Китая, включая уйголов. Имена как «Исҳок», «Иброҳим», «Довуд» являются не только религиозными заимствованиями, но и отражают иранскую культурную традицию, особенно в вариантах передачи через арабский и персидский языки⁴. Районы с названиями вроде «Имамлар» или «Боги бустон» показывают глубину синтеза иранской и местной культур.

Влияние персидского языка на уйгурские языки Китая было многослойным и не ограничивалось простой лексической заимствованностью.

¹ Растворгueva, В. С. Персидский язык: история и структура [Текст] / В. С. Растворгueva. – Москва: Наука, 1996. – 287 с.

² Лескинен, А. В. Топонимия и антропонимия мусульман Китая [Текст]: истоки и типология / А. В. Лескинен. – Санкт-Петербург: Восточная литература, 2011. – С. 210.

³ Эльворт, Э. Чагатайский язык как культурный мост [Текст] / Э. Эльворт // Советское востоковедение, 1972. – № 4. – С. 283.

⁴ Лескинен, А. В. Топонимия и антропонимия мусульман Китая [Текст]: истоки и типология / А. В. Лескинен. – Санкт-Петербург: Восточная литература, 2011. – С. 210.

Оно охватило практически все уровни языковой системы фонетику, морфологию, синтаксис и семантику и происходило в русле более широкого исторического процесса исламизации Центральной Азии и Западного Китая начиная с VIII века. Через арабо-персидский культурный код трансформировались как письменность, так и стиль мышления мусульманских сообществ региона, включая таджиков и уйгуров, что в итоге способствовало формированию общей исламской культурной идентичности.

Особое значение в этом контексте имеет влияние восточноиранских народов, в первую очередь согдийцев, которые были одними из главных агентов межцивилизационного диалога вдоль Великого шёлкового пути. Согдийцы сыграли ключевую роль в становлении торгово-культурной среды, способствовавшей распространению иранской письменности, языка, религии и художественных форм в направлении Востока в том числе в оазисы Восточного Туркестана (современный Синьцзян), такие как Кашгар, Хотан и Турфан.¹

Немаловажно и то, что часть китайских мусульман, известных как хуэй (回族), в действительности восходит к персидским переселенцам, которые именовались в китайских хрониках термином «даши» (大食) - производным от персидского тāджик (تاجیک), обозначавшего таджикских мусульман Ближнего Востока. Эти миграционные волны, особенно интенсивные в эпохи Тан, Юань (1271-1368) и Мин (136-1644), сформировали прочный культурно-религиозный мост между Ираном и Китаем. Потомки этих переселенцев осели в таких провинциях, как Юньнань, Шэньси и Нинся, где заложили основы мусульманских общин, сохранивших элементы иранской культурной памяти.²

Персидская литература стала не только образцом, но и источником вдохновения для формирования уйгурской классической поэзии. Уже в «Шахнаме» Абулькасима Фирдоуси (X в.) упоминается Хутан (Хотан) как

¹ Камалов, А. Проблемы истории и культуры согдийцев и тюрок Центральной Азии и Китая в трудах японских исследователей [Текст] / А. Камалов // Иран-наме. Научный востоковедческий журнал. – Алматы. – №1. – С.263

² Дубровская, Д. В. Трагедия на краю Великого Шелкового пути [Текст]: неоднозначные причины и непредвиденные последствия Янчжоуской (760 г.) и Гуанчжоуской резни (879 г.). / Д. В. Дубровская // Вестник Института востоковедения РАН. – Москва. 2020 – № 2. – С.374

восточный форпост иранской культурной сферы, где пересекались торговые и духовные пути Востока и Запада.¹ Уйгурские авторы XVI-XIX вв. такие как Залили, Абдаррахим Низари, Хароботи, Аязбек Кушчи, Хиркати, Амини, Гайрати, Навбати, Мазхари и др. не только подражали персидским метрам и стилям, но и органично синтезировали персидскую культурную традицию в рамках собственной поэтики.²

Распространённая практика создания диванов, поэтических сборников на персидском языке демонстрирует высокий уровень билингвизма среди уйгурской элиты. Такое владение и фарси, и тюркским языком обозначалось термином зуллисонайн (двуязычие) и считалось показателем образованности и принадлежности к интеллектуальному классу. Персидский язык стал неотъемлемым инструментом как религиозного дискурса (в суфийских орденах, медресе и шейхствах), так и литературного самовыражения.

Таким образом, персидское влияние в Китае и среди уйгуров не было поверхностным или временным. Оно затронуло основы культурной и языковой идентичности, оставив неизгладимый след в письменной культуре, литературной традиции и даже в философском мировоззрении мусульманских народов региона. В действительности, сближение арабской и персидской литературы и их влияние на уйгурскую классическую поэзию и прозу способствовали тому, что народ Кашгара стал наследником великолепной литературы и культуры, имеющей мировое значение.

¹ Фирдоуси Абулькасым. Шахнаме (Книга царей) [Текст]/ Пер. Ю. Н. Бенедиктова. – Москва: Художественная литература, 1960. – С. 544 (полный объём издания).

² Рустамов, Ш. Р. Уйгурская классическая литература и её персидские источники [Текст] / Ш. Р. Рустамов. – Алма-Ата: Наука, 1983. – С. 103.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Диссертационное исследование на тему «Вклад таджиков в политическое, социальное и культурное развитие Китая в XIII–XV вв.» представляет собой всесторонний анализ сложных процессов этнокультурного взаимодействия, миграции и трансформации, в результате которых таджикские общины внесли существенный вклад в развитие китайской цивилизации в указанный период. Работа охватывает широкий спектр вопросов: от миграционной истории и политического участия до культурного обмена и научных достижений.

Приведённые в диссертации материалы, основанные на широком спектре китайских, персидских, арабских и западных источников, а также их историко-аналитическое осмысление, позволяют сделать следующие обобщающие выводы:

1. Миграция таджиков в Китай в XIII–XV веках представляет собой сложный и многослойный историко-культурный процесс, вызванный целым рядом факторов – от политической нестабильности в Великом Хорасане и расширения трансконтинентальной торговли по Великому Шелковому пути до религиозно-научных обменов и административных реформ внутри Китая. Особенno активное переселение началось с эпохи монгольских завоеваний, когда таджики стали прибывать как в составе официальных делегаций, назначенных на государственные и военные должности, так и в рамках частной миграции, связанной с торговлей и поиском безопасных условий жизни. Таджики прибывали в Китай не только как купцы, но и как представители образованной элиты: учёные, архитекторы, инженеры, медики, исламские богословы и администраторы. Это свидетельствует о том, что переселение охватывало широкий спектр профессиональных и социальных групп. Их активное участие в политической, экономической, религиозной и научной жизни страны говорит о глубокой степени интеграции и влияния на принимающее общество. Таджикские общины формировались как в традиционных торговых и исламских регионах (Сиань, Юньнань, Кайфын, Лоян), так и в столичных и стратегических центрах, включая Ханбалык. Таким

образом, таджики внесли значительный вклад в развитие многоэтничной и многокультурной среды средневекового Китая.

2. Как свидетельствуют приведённые выше исторические источники, таджики, переселившиеся в Китай в XIII-XV веках, не растворились в местной среде, а сформировали устойчивые и организованные диаспоры. Особенно ярко их присутствие фиксируется в таких регионах, как Юньнань, Лоян, Чанъань, Цюаньчжоу и Гуанчжоу. Эти общины отличались высоким уровнем самоорганизации, внутренней социальной иерархией, а также устойчивыми связями с земляками из городов Великого Хорасана как Самарканд, Бухара, Мерв, Нишапур и других центров таджикской культуры. Они строили мечети, медресе, больницы, ремесленные мастерские и активно участвовали в общественной жизни Китая. Благодаря своей торговой и культурной активности, таджики стали посредниками между Востоком и Западом. Их общины стали местом сосредоточения таджикской культуры в Китае, где сохранялись таджикские обычаи, язык и религиозные нормы, адаптированные к китайским реалиям. Эти диаспоры оставили значительный след в этнокультурной структуре региона.

3. Особое значение в рамках диссертационного исследования придается политическому участию таджиков в управлении государством в эпоху империй Юань и Мин. Благодаря высокой степени образованности, дипломатическим навыкам и опыту государственного управления, представители таджикской элиты были назначены на важнейшие государственные посты. Одним из ярчайших примеров является Саид Аджал Бухари, первый наместник династии Юань в провинции Юньнань, а также его сыновья Насруддин, Хасан, Хусейн и Масъуд, которые последовательно занимали ключевые административные должности. Их деятельность включала не только управление территориями, но и развитие инфраструктуры, налоговой системы, образования и медицины. Также деятельность Ахмада Фанакати, который стал одной из центральных фигур в финансовой политике государства. Братья Исмаил и Аловуддин внесли вклад в развитие китайского военного дела

и технологии. Некоторые таджики, как, например, Ань Лушань сыграли противоречивую, но важную роль, его восстание потрясло империю Тан и повлияло на дальнейшую политику в отношении мигрантов. Установлено, что таджики играли также роль в дипломатии, участвуя в контактах с исламскими странами, и в судебной системе, занимая посты кадиев и шейхов. Таким образом, эти личности стали не просто участниками, но и архитекторами политических процессов, что свидетельствует о глубокой интеграции таджиков в высшие слои китайского общества.

4. Таджики внесли весомый вклад в социально-экономическое развитие Китая в период XIII-XV вв., активно участвуя в торговле, земледелии, ремесленничестве и финансовой сфере. В первую очередь это касалось торговли - таджикские купцы, имея прочные связи с Самаркандом, Бухарой и других городов Великого Хорасана, поставляли в Китай специи, ткани, ювелирные изделия, лошадей, лекарства и предметы роскоши. Многие из них оседали в портовых и караванных городах, таких как Цюаньчжоу и Янчжоу, откуда вели трансконтинентальную торговлю по-морскому и сухопутному Шелковому пути. Таджики также способствовали внедрению новых методов ведения сельского хозяйства и садоводства, включая виноградарство. В ремесленной сфере они славились в качестве ткачей, ювелиров и аптекарей. Экономическое присутствие таджиков усиливало позиции исламских общин в регионах и способствовало социальной мобильности их представителей. Таким образом, таджики не только укрепили торговые связи Китая с мусульманским Востоком, но и активно участвовали в развитии местных экономических структур и инфраструктуры.

5. Среди важнейших достижений таджикской диаспоры в Китае стоит выделить научный и литературный вклад, оказавший влияние на китайскую медицину, астрономию, фармакологию и образовательную систему. К числу выдающихся таджикских ученых относились Ифтихоруддин и его сын Убайдуллах, которые вместе с китайскими учеными создали обширный медицинский труд «Хуэй-хуэй Яофан» в 36 томах. Этот труд стал

энциклопедией мусульманской медицины, объединяющей традиции Востока и Запада. Астрономы Джамалуддин, Камалуддин и Шамсуддин также внесли весомый вклад в реформу календаря и астрономические расчёты. Таким образом, таджикские учёные сыграли роль трансляторов знания Великого Хорасана в китайскую научную среду, способствуя межцивилизационному интеллектуальному обмену.

6. Культурное влияние таджиков в Китае XIII-XV веков проявлялось в различных сферах от архитектуры и прикладного искусства до быта и художественной культуры. Особое значение имел вклад таджикской семьи архитектора Ихтиёруддина, сыгравшей ключевую роль в проектировании столицы империи Юань – Ханбалыка (Пекин). Его сын Муњаммадшоњ продолжил это дело, обеспечив преемственность в архитектурной традиции. В деятельности этих мастеров ярко проявилась интеграция персидо-таджикского зодчества в китайскую городскую среду. Наряду с архитектурой, таджикские художники, ремесленники и музыканты внесли вклад в развитие фресковой живописи, театра и декоративных искусств, привнеся в китайскую культуру элементы западноазиатской эстетики. Кроме того, таджикские ткани, ювелирные изделия, ароматические средства и элементы кухни стали частью повседневной жизни двора и высших слоёв чиновничества империи. Этот взаимный обмен стал важной частью формирования многообразного культурного пространства Китая эпохи Юань.

7. Важнейшим элементом культурного присутствия таджиков стал их родной язык, служивший языком науки, религии, администрирования и литературного общения. Он стал не только средством коммуникации между мигрантами из Центральной Азии, но и инструментом сохранения этнокультурной идентичности таджикской общины. На нём велись официальные документы, медицинские трактаты, астрономические таблицы, религиозные наставления и поэтические произведения. В условиях интенсивной китайской культурной среды, сохранение языка и литературы позволяло таджикам не утратить своей самобытности. Кроме того, наличие

письменной традиции на персидском языке способствовало развитию школ и просвещения в мусульманской общине. Таким образом, таджикско-персидский язык стал важнейшим культурным инструментом поддержания культурной преемственности.

8. Таджики сыграли ключевую роль в распространении религии ислама на территории Китая в XIII-XV веках, особенно в период правления династии Юань. Ислам начал укореняться в китайской среде во многом благодаря активности таджикских миссионеров, ученых, правоведов и политических деятелей. Они не только строили мечети и создавали исламские школы (медресе), но и участвовали в формировании первых мусульманских судов, развивая правовую и образовательную инфраструктуру. Такие фигуры, как шейх Сайфиддин Бохарзи и его ученик, кади Бахауддин Бахаи, пользовались высоким авторитетом в мусульманских кругах Китая. Ислам адаптировался к местным условиям - таджики способствовали гармоничному сосуществованию исламских норм с конфуцианской культурой. В результате этого ислам стал неотъемлемой частью религиозного ландшафта страны, а таджикская элита заняла прочные позиции среди духовенства.

9. Адаптация таджиков в китайской среде происходила поэтапно и носила сложный характер: с одной стороны, они стремились сохранить свои религиозные, языковые и культурные особенности, а с другой были вынуждены адаптироваться к местным условиям. Одним из главных механизмов интеграции стал билингвизм, знание китайского и таджикско-персидского языков позволяло таджикам эффективно взаимодействовать с властями, вести торговлю и участвовать в науке. Браки с местным населением, особенно в крупных городах, стали еще одним способом интеграции, позволяя создать смешанные семьи, в которых передавались как исламские, так и китайские традиции. Также таджики активно участвовали в административных и военных структурах, получая признание и статус. Такой синтез позволил им не только выжить в условиях чужой цивилизации, но и влиять на её развитие. В

результате возникли уникальные формы идентичности, сочетающие таджикские и китайские элементы.

10. Впервые в отечественной историографии обоснована доминирующая роль таджикского компонента в формировании общины хуэй на раннем этапе её становления (XIII–XIV вв.), что позволяет переосмыслить упрощённые модели, сводящие происхождение хуэй исключительно к арабским, тюркским или китайским корням. На примере таких провинций, как Юньнань, Ганьсу и Шэньси, доказано, что таджикские переселенцы не только сохраняли религиозную и культурную идентичность, но и активно участвовали в создании мусульманских институтов, архитектурных комплексов и общественных структур, оказавших длительное влияние на хуэйскую традицию. Это подтверждается данными о родословных и фамилиях, архитектуре мечетей, элементах ритуалов, а также наличии таджикско-персидских заимствований в религиозной и бытовой лексике хуэй.

11. В работе собран и систематизирован обширный массив сведений, отражающих таджикское присутствие в китайских названиях в именах собственных и географических названиях. Зафиксированы десятки примеров наименований улиц, районов, мечетей и фамилий, происходящих от названий Бухары, Самарканда, Кеш (Шахрисабз), Балха и других городов Великого Хорасана. Эти сведения подкреплены эпиграфическими и архивными материалами, включая надписи на мечетях, мавзолеях и официальных документах, что обеспечивает их достоверность и историческую значимость.

Проведенное исследование позволило системно рассмотреть масштаб и характер участия таджиков в политических, социальных и культурных процессах в Китае в XIII–XV вв. Таджики в этот период выступали не только как мигранты, но как активные участники формирования новых форм межэтнического взаимодействия, трансфера знаний и культурной интеграции. Их вклад стал важным элементом развития китайской государственности, науки, культуры и религии в условиях средневековья.

**Рекомендации по практическому использованию результатов
исследования:**

1. Результаты работы могут быть использованы в научных разработках по истории Китая, Великого Хорасана, исламоведения и иранистики, в том числе при создании междисциплинарных курсов в университетах.
2. Материалы исследования целесообразно включить в программы межкультурного и религиозного диалога, особенно в контексте современных этнополитических реалий Китая и Центральной Азии.
3. Включение материалов исследования в учебные программы по истории миграций и этнических отношений Азии.
4. Организация конференций и семинаров для обмена знаниями о таджиках в Китае и их вкладе в развитие регионов.
5. Полученные данные могут быть использованы для формирования внешнеполитической стратегии Республики Таджикистан, акцентирующей на многовековые культурные связи с Китаем.
6. Продолжение архивных и полевых исследований для углубления знаний о вкладе таджикских семей в Китае.
7. В перспективе возможно развитие докторантских исследований, направленных на более глубокое изучение культурной и социальной адаптации таджикских общин в Китае, исследованию исторической роли Чжэн Хэ и его морских экспедиций в контексте расширения торговых и культурных связей, а также исследование иных аспектов межкультурного взаимодействия таджикских семей с китайским обществом.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

I. Источники

1. Бичурин, И. Я. Собрание сведений о народах [Текст]: обитавших в Средней Азии в древние времена / И. Я. Бичурин. – М.: 1829. – Часть I. – 469 с.
2. Бичурин, Н.Я. Статистическое описание Китайской империи [Текст] / Н.Я. Бичурин. – СПб, 1842. – Т.1.2. – 629с.
3. Васильев, В.П. О движении магометанства в Китае [Текст] / В.П. Васильев. – СПб.–1867.–
4. Джувейни Ата–Малик. История завоевателя мира [Текст] / пер. Л. А. Хетагурова. – М.: Восточная литература, 1958. –1147 с.
5. Джувейни Ата–Мелик. Чингис–хан. История Завоевателя Мира [Текст] / пер. Е. Е. Харитоновой. – М.: Магистр–Пресс, 2004. – 690 с.
6. Ибн ал-Асир. Ал-Камил фит-та'рих [Текст] / Под ред. Абд ал-Ваххаба ан-Наджара. –Каир, 1929-1940. – Т.1-1Х.
7. Ибн Батута. Путешествия [Текст] / Ибн Батута. – М.:Наука,1966. – 883 с.
8. Лян Чжэ / 梁喆. Роль императора Чжу Юаньчжана в проникновении ислама в Китай // Общество и государство в Китае. – Издательство: Институт востоковедения Российской академии наук. – Москва,2014. – №1 Том-44. – 589 с.
9. Марко Поло. Книга о разнообразии мира [Текст] / пер. Л. Яковлевой, И. Минаева. – М., 2005. – 478 с.
10. Махмуд ал-Кашгари. Диван лугат ат-турк [Текст] / пер. с араб. и комм. А. Егеубаева, М. Томанова, А. Кононова и Е. Наджипа. – Алматы: Дайк-Пресс, 2005. – С.250-260.
11. Минхадж ад–Дин Джузджани. Табакат–и Насири [Текст] / пер. А. К. Арендса. – Ташкент, 1957. – 574 с.
12. Рашид ад–Дин Фазлуллах. Джами ат–таварих [Текст] / пер. Л. А. Хетагурова. – М.; Л.: Изд–во АН СССР, 1952. –Т. 1. – 519 с.

13. Сюань-цзан. Записки о Западных странах [эпохи] Великой Тан (Да Тан си юй цзи) / пер. с кит. Н.В. Александровой // Ин-т востоковедения РАН. – М.: Восточная литература, 2012. – 463 с.
14. Фрейман, А. А. Согдийские документы с горы Муг [Текст]: Описание, публикации и исследование документов с горы Муг / А. А. Фрейман. – Москва: Издательство восточной литературы, 1962. – Вып. I. – С. 92.
15. Юань-чао ши. История Юаньской династии: в 2 т.– Нанкин, 1968. – Т. 2. – 446 с.
16. Юань ши (元史) / сост. Сун Лянь и др. – Пекин: 中华书局, 1976. – 210 цзюаней.

I. Источники на иностранных языках

17. Ibn Battūta. The Travels of Ibn Battuta, A.D. 1325–1354 [Текст] / ed. H. A. R. Gibb. – London: Routledge, 1994. – 911 p.
18. Marco Polo. The Travels of Marco Polo [Текст] / trans. by H. Yule. – London: Dent, 1929. – 249 p.
19. Mirza Muhammad Ibn Abdul Wahhab-e-Qazwini. The Tarikh-e-Jahan Gusha of Alauddin Ata Malik-e-Juwayni. – London, 1916. – 395 p.
20. S. Beal. Si–Yu–Ki: Buddhist Records of the Western World. – London, 1884. – Vol.1–2.– 726 p.
21. Zizhi Tongjian (资治通鉴) / compiled by Sima Guang, 1084. – Vol. 17.
22. Yuan Shih. Biography of Sayyid ‘Ajall. – Harvard University, 1997. – 230 p.
23. 宋濂 等编撰. 《元史》 (Юань ши / История династии Юань). – 北京: 中华书局, 1976. – 210 卷. (используемые цзюани: 卷48, 卷125, 卷134, 卷210)
24. 陈震 编. 《明史》 (Мин ши / История династии Мин). – 北京: 中华书局, 1974. – 332 卷. (используемые цзюани: 卷326, 卷332)

25. 马继荣. 《西来宗谱》(Родословная пришедших с запада предков) // 《文海丛书》. – 北京: 中华书局, 1985. – 第45–48 页.
26. 魏源. 《圣武记》(Записи о ранних действиях царствующего дома). – 北京: 中华书局, 1959. – 卷二. – 第132–136 页.
27. 《元史》. 卷205. 《奸臣列传·阿合马传》(Жизнеописания коварных сановников. Биография Ахмада). – 北京: 中华书局, 1976. – 列传第92.
28. 张广达. 大食 (Даши) // 《中国大百科全书》. – 上海: 上海辞书出版社, 1992. – 第1卷.
29. 色目人 (Люди различных категорий) // 《中国大百科全书》. – 北京: 中国大百科全书出版社, 1993. – 第3卷. – 第214–216 页.
30. 欧阳玄 (Юань Гун, 郝归斋, 1283–1358). Исторические хроники и сборники («归斋集»), посвящённые династиям 辽、金、宋. – Рукописные и печатные источники, хранящиеся в научных учреждениях КНР.
31. ابن بطوطه. رحلته ابن بطوطه. – ج. ٢. – ص. ٢٢١٩
32. ناصری طبقات. جوزجانی. ج ٢. – ص ١٥١
33. رشیدالدین فضل الله همدانی. جامع التواریخ. – تهران، ١٣٧٣. – ج ٢. – ص ٢٩٧٧
34. عطاملک جوی نی. تاریخ جهان گشای. – تهران ١٣٧٠

II.МОНОГРАФИИ, КНИГИ И НАУЧНЫЕ СТАТЬИ

35. Алимов, Р. К. Таджикско-китайское культурное сотрудничество как важный аспект двустороннего стратегического партнерства [Текст] / Р. К. Алимов // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. – 2012. – С. 416.

36. Сайдов, А. Вазъи сиёсии Хурросони Бузург ва Эрон дар асри XIII – нимай аввали асри XIV [Матн] / А.Сайдов. – Душанбе, 2025. – 628 с.
37. Андреа Цзянь Чен. Влияние Шёлкового пути на искусство печатей: эпохи Сун и Юань [Текст] / Андреа Цзянь Чен // Гуманитарные науки. – 2018. – Т.7.– № 3.
38. Амиршоҳӣ, Н. Давлатдории тоҷикон дар асрҳои IX–XIV. – Душанбе, 1999. – 1008 с.
39. Амиршоҳӣ, Н. Таърихи ҳалқи тоҷик [Матн] / Н. Амиршоҳӣ // Барафтодани иқтисодиёт ва масқуншавии турку мӯгул бори дигар дар Тоҷикзамин. – Ҳуҷанд, 2008. – С. 600.
40. Амиршоҳӣ, Н. Қатли оми тоҷикон ва инҳидоми шаҳрҳою дехоти эшон; мушкилоти мавзӯъ [Матн] / Н. Амиршоъӣ // Таърихи ҳалқи тољик. – Ҳуљанд, 2008. – 317 с.
41. Амиршоҳӣ, Н. Таърихи ҳалқи тоҷик [Матн]: Барафтодани иқтисодиёт ва масқуншавии турку мӯгул дар Тоҷикзамин / Н. Амиршоҳӣ. – Ҳуҷанд, 2008. – 321 с.
42. Цюрхер, Э. Буддийское завоевание Китая: распространение и адаптация буддизма в раннем средневековом Китае. – Лейден: Брил, 2007. – 472 с.
43. Бартольд В. В. История культурной жизни Туркестана. – Л.: Изд–во АН СССР, 1927. – 256 с.
44. Бартольд В. В. Сочинения [Текст]: Общие работы по истории Средней Азии / В. В. Бартольд. – М.: Наука, 1963. – Т. II. – 1024 с.
45. Бартольд В. В. Сочинения [Текст] / В. В. Бартольд.– М.: Наука, 1968. – Т. VI.– 785 с.
46. Берзин, А. Исторический очерк о китайских мусульманах народности хуэй [Текст] / А. Берзин. – М., 1994. – 312 с.
47. Боголюбов М. Н., Смирнова О. И. Согдийские документы с горы Муг [Текст]: Хозяйственные документы / М. Н.Боголюбов., О. И.Смирнова. – Москва: Наука, 1963. – Вып. III. – 128 с.

48. Бокщанин А. А. Китай во второй половине XIV–XV вв. [Текст] / А. А. Бокщанин // История Востока. – М.: Восточная литература, 2000. – Т. 6.– 544 с.
49. Ван Зухун, Лю Цзи. Исламская культура в Китае [Текст]: история и традиции / Ван Зухун, Лю Цзи. – Пекин, 2018. –118 с.
50. Ван Цзилин. О влиянии исламского архитектурного искусства на Китай по данным архитектурных деталей, найденных при раскопках руин столицы Юань – Даду [Текст] / Ван Цзилин. // Археологический институт провинции Цзянси. –2000. – С.155.
51. Ван Юнь. Исламские мотивы в китайском фарфоре [Текст] / Ван Юнь // Журнал искусств. – 2021.– № 3. – С.97
52. Васильев, В.П. О движении магометанства в Китае [Текст] / В.П. Васильев. – СПб.–1867
53. Васильев, В.П. О движении магометанства в Китае [Текст] / В.П. Васильев. – СПб.–1867
54. Вельгус, А. В. Известия о странах и народах Африки и морские связи в бассейне Тихого и Индийского океанов [Текст] / А. В.Вельгус. – М.: Наука, 1978. – 302 с.
55. Гао Лэй. Влияние исламского искусства на китайские ремёсла [Текст] / Гао Лэй. – Пекин, 2020. – С.175.
56. Гафуров, Б. Г. Таджики [Текст]: Древнейшая, древняя и средневековая история / Б. Г. Гафуров. – Душанбе: Ирфон , 1989. – Книга 1.– 371 с.
57. Таджики [Текст]: Древнейшая, древняя и средневековая история. // Душанбе: Ирфон, 1989. – Книга 2. – 379 с.
58. Гевин Мензис. 1421 - год, когда Китай открыл мир [Текст] // Изд-во Эксмо, Яуза. Перевод с английского А. Кашина. – Москва,2006. – 640 с.
59. Головачёв В. Ц., Кадырбаев А. Ш., Бокщанин А. А. История Китая с древнейших времён до начала XXI века: в 10 т. [Текст]: Династии Юань и Мин

(1279-1644) / Ин-т востоковедения РАН. – М.: Наука — Восточная литература, 2016. – Т. V. – 678 с.

60. Головачёв В. Ц., Кадырбаев А. Ш., Бокщанин А. А. История Китая с древнейших времён до начала XXI века [Текст] / В. Ц. Головачёв., А. Ш. Кадырбаев. и.др. – М.: Наука, 2016. – Т. V. – 678 с.

61. Гонконгский университет. – Гонконг, Китай. – 2018. – Т.7, №3. – С. 37.

62. Гумилёв, Л. Древние тюрки [Текст]: История образования и расцвета Великого тюркского каганата (VI-VIII вв. н.э.) / Л. Гумилёв. – М, 2003. – 298 с.

63. Гэри, Ф. Симонс., Чарльз Д. Фенинг. Этнология [Текст]: Языки мира. 26-е издание. – Даллас, Техас: Международный институт лингвистики, 2023. – 2300с.

64. Давлатзода, Д. Д. Мусульмане [Текст]: подлинная история расцвета и упадка / Д. Д. Давлатзода. – Москва: ЛитРес, 2020. – Книга 2.– 438 с.

65. Девиз, Д. Исламизация и коренные религии Золотой Орды [Текст]: Баба Туклес и обращение в ислам в исторической и эпической традиции / Д. Девиз. – Университет Пенн Стейт, 1994. – 638 с.

66. Джамальдинов, А. А. Фонетические особенности уйгурского языка в контексте иранизмов [Текст]. – Алматы: КазНУ, 2008. – С. 156.

67. Джин Цзинфин. Вышивка в культуре народа хуэй [Текст] / Джин Цзинфин. – Пекин, 2019. – 455 с.

68. Джувейни, Ата-Малик. История завоевателя мира [Текст] / Пер. с перс. Л. А. Хетагурова. – М.: Восточная литература, 1958. – С. 128

69. Динара В.Д. Сокровищницы адмирала Чжэн [Текст] / В.Д. Динара // Журнал «Вокруг света». Москва-2008. – №6. – 252 с.

70. Древнемонгольские города [Текст] / ред. Сергей В. К. – Москва: Наука, 1965. – 418 с.

71. Дубровская, Д.В. Трагедия на краю Великого Шелкового пути [Текст]: неоднозначные причины и непредвиденные последствия Янчжоуской

(760 г.) и Гуанчжоуской резни (879 г.). / Д. В. Дубровская // Вестник Института востоковедения РАН.– Москва, 2020. – № 2. – 374 с.

72. Еремеев, В.Е. Наука в эпохи Юань и Мин [Текст] / В.Е. Еремеев // Общество и государство в Китае. – ИВ РАН. – 2012. – 395 с.

73. Завьялова, О. И. Великий Шёлковый путь и персидская составляющая современного китайского ислама [Текст] / О. И. Завьялова // Человек и культура Востока. – 2014. – № 4. – 106с.

74. Ибн аль-Асир, Иззадин Али. Таърихи комили бузурги Ислом ва Эрон [Матн] / Пер. с араб. Али Хошими Хоири. – Тегеран, 1371 х.ш. – Т. 32. – С. 124-126.

75. Ибн Батута. Путешествия [Текст] / Батута. Ибн. – М.: Наука, 1966. – С.82-83

76. Кадырбаев, А. Ш. Иранские народы в Китае [Текст]: история и современность / А. Ш. Кадырбаев // Иран–наме. – 2007. – № 2. – С. 100.

77. Кадырбаев, А. Ш. Таджики Китая [Текст]: история и современность // Общество и государство в Китае / А. Ш. Кадырбаев. – 2010. – № 1. – 472 с.

78. Кадырбаев, А. Ш. «Почтенные мусульмане» – хуэй и дунгане [Текст] / А. Ш. Кадырбаев // Иран–наме. – 2011. – № 3. – 259 с.

79. Кадырбаев, А. Ш. Мусульманские языки и культурный ренессанс в Китае при Юань [Текст] / А. Ш. Кадырбаев // Общество и государство в Китае. – 2013. – Т. 43. – 608 с.

80. Кадырбаев, А. Ш. Тюрки и иранцы в Китае и Центральной Азии XIII-XIV вв [Текст] / А. Ш. Кадырбаев. – Гылым, 1990. – С. 158.

81. Камалов, А. Проблемы истории и культуры согдийцев и тюрок Центральной Азии и Китая в трудах японских исследователей [Текст] / А. Камалов // Ираннаме. – Алматы. – 2008. – №1. – 268 с.

82. Камалов, А. Проблемы истории и культуры согдийцев и тюрок Центральной Азии и Китая в трудах японских исследователей [Текст] / А. Камалов // Иран-наме. Научный востоковедческий журнал. – Алматы. – 2008. – №1. – С.263

83. Камалов, А.К. Древние уйгуры. VIII-IX вв [Текст] / А.К. Камалов,. – Алматы: Наш мир, 2001. – 216 с.
84. Камалов, А.К. Тюрки и иранцы в Танской империи [Текст] / А. К. Камалов. – Алматы, 2017. – 289 с.
85. Камол, Х. Авомили ба сари ъюкимият омадани Сомониён [Матн]: Баррасињои ъаводиси таърихии садањои VII-IX-и Хурасони Бузург дар асоси манобеи таърихӣ. – Душанбе: Дониш, 2022. – 324 с.
86. Камолиддин Ш. Ибн Хаукал и его труд «Сурат ал-ард» [Текст]: Мавераннахр. – Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2021. – Т. 3.– С. 136-137
87. Кафаров, П. О магометанах в Китае [Текст] Труды членов Российской Духовной миссии / П. Кафаров. – Пекин, 1910. – Т. IV. – С.203
88. Кафаров, П. О магометанахъ въ Китаѣ [Текст] / Кафаров, П. // Труды членовъ Российской Духовной Миссии. – Типография Успенского монастыря при Русской Духовной миссии, 1910. – Т. 4. 2-е изд. – С. 203.
89. Крюков М.В., Малявин В.В., Софонов М.В. Китайский этнос на пороге средних веков [Текст] / М.В.Крюков., В.В.Малявин., М.В. Софонов. – М., 1979. – 338 с
90. Лескинен, А. В. Топонимия и антропонимия мусульман Китая [Текст]: истоки и типология / А. В. Лескинен. – Санкт-Петербург: Восточная литература, 2011. – С. 210.
91. Ли Мин. Великие художники династии Юань [Текст] / Ли Мин. – Пекин, 2019. – 450 с.
92. Ли, Ц. Ремесленные традиции мусульман Китая [Текст]: ткачество и резьба // Восточное искусствознание. – 2016. – Том 10. – № 2. –389 с.
93. Лившиц, В. А. Согдийские документы с горы Муг [Текст]: Юридические документы и письма / В. А. Лившиц,. – Москва: Издательство восточной литературы, 1962. – Вып. II. – 220 с.
94. Тихвинский С. Л. История Китая [Текст] / С. Л. Тихвинский. – М.: Наука, 2016. – Т. V. – 678 с.

95. Финг Цинь Юань. Исламская и иранская культура в Китае [Текст]: Персидский перевод Мохаммада Джавада Умединия / Финг Цинь Юань. – Тегеран, 1998 – 291 с.

96. Эмомали, Р. Толькон дар оинаи таърих [Матн] / Р. Эмомали. – Душанбе: Ирфон, 2011. – 400 с.

II.1. МОНОГРАФИИ, КНИГИ И НАУЧНЫЕ СТАТЬИ НА ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКАХ

97. Dreyer E. L. Zheng He: China and the Oceans in the Early Ming Dynasty, 1405–1433. – New York: Pearson Longman, 2007. – 238 p.

98. Bretschneider E. Notices of the Mediaeval Geography and History of Central and Western Asia. – London: Trübner & Co., 1876. – 252 p.

99. Shea E. The Spread of Gold Thread Production in the Mongol Period // Journal of Song–Yuan Studies. – 2021. – Vol. 50. – 691p.

100. Endicott-West E. Mongolian Rule in China: Local Administration in the Yuan Dynasty. – Leiden: Brill, 1989. – P. 50–75.

101. Fletcher J. The Naqshbandiyya in Northwest China // Studies on Chinese and Islamic Inner Asia. – Aldershot: Variorum, 1995. – 437 p.

102. Frank A. Islamic Historiography and “Bulghar” Identity Among the Tatars and Bashkirs of Russia. – Leiden: Brill, 1998. – 600 p.

103. Frank A. D. Islam across the Oxus // Islam and Asia: A Cultural, Social, and Political History. – Cambridge: Cambridge University Press, 2024. – 348 p.

104. Francke H. Ahmad in the Service of the Khan // Eminent Personalities of the Early Mongol–Yuan Period (1200–1300). – Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1993. – 689 p.

105. Zheng He’s Voyages Down the Western Seas / Fujian Sheng xin wen ban gong shi. – Beijing: China Intercontinental Press, 2005. – 109 p.

106. Gladney D. Muslim Chinese: Ethnic Nationalism in the People’s Republic. – Cambridge, 1996. – 493 p.

107. Goodrich L. C., Fang C. (eds.). Dictionary of Ming Biography, 1368–1644: in 2 vols. – New York: Columbia University Press, 1976. – Vol. 1. – 1751 p.

108. Hanaway W. L. *Eskandar-nama* // Encyclopaedia Iranica. – London: Routledge, 1998. – Vol. VIII. – 288 p.
109. Hirth F., Rockhill W. *Chau Ju-kua: His Work on the Chinese and Arab Trade in the Twelfth and Thirteenth Centuries*. – St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1912. – 288 p.
110. Hoffmann B. *Forced Migrations and Slavery in the Mongol Empire (1206–1368)* // The Cambridge World History of Slavery. – Cambridge: CUP, 2016. – 230 p.
111. Huang Shijian. *The Persian Language in China during the Yuan Dynasty* // Papers on Far Eastern History. – Canberra, 1986. – 153 p.
112. Houtsma M. Th. et al. *First Encyclopaedia of Islam 1913–1936*. – Leiden: Brill, 1987. – Vol. 9. – 5042 p.
113. Ibn Baṭṭūṭa. *The Travels of Ibn Battuta, A.D. 1325–1354*. – London: Routledge, 1994. – 911 p.
114. Roux J.–P. *Histoire de l'Iran et des Iraniens*. – Paris: Fayard, 2006. – 528 p.
115. Feng Jinyuan. *Architectural Styles of Mosques in China* // From Anatolia to China: Islamic Art and Architecture. – Boston: Brill, 2009. – 167 p.
116. Jonathan N. L. *Familiar Strangers: A History of Muslims in Northwest China*. – Hong Kong: Hong Kong University Press, 1998. – 266 p.
117. Julien S. *Mémoires sur les contrées occidentales*. – Paris: L'Imprimerie impériale, 1858. – Vol. 2.
118. Kamal al–Din Esfahani... // Encyclopaedia Iranica. – New York, 1991. – Vol. V. – 682 p.
119. Morgan K. W. *Islam, the Straight Path* // Chapter: Islamic Culture in China. – New York, 1958. – 453 p.
120. Lane G. *The Phoenix Mosque of Hangzhou and the Persians of Medieval China*. – London: University of London, 2018. – 273 p.
121. Lane G. *The Dali Stele* // The Horizons of the World. – Istanbul: Ithaki Press, 2011. – 196 p.

122. Lescot R. *Les Hui-hui: musulmans chinois.* – Paris: Maisonneuve, 1953. – 449 p.
123. Leslie D. *Islam in Traditional China: A Short History to 1800.* – Canberra, 1986. – 372 p.
124. Levathes L. *When China Ruled the Seas.* – New York: Oxford University Press, 1996. – 252 p.
125. Li Shujiang, Luckert K. W. *Mythology and Folklore of the Hui.* – New York, 1994. – 459 p.
126. Liao Huan 廖桓. *Архитектура хуэй–хуэй эпохи Юань.* – Пекин, 2005. – 218 с.
127. Lieu S. N. C. *Manichaeism in Central Asia and China.* – Leiden: Brill, 1998. – 146 p.
128. Lin Meicun 林梅村. *История двенадцати мукамов // 中央民族大学学报.* – 2004. – № 4. – 56 p.
129. Ma H. *Folk Stories of the Hui People.* – Shanghai, 1998. – 176 p.
130. Machesney R. D. *Persian Influence on Mongol Administration // Journal of Asian Studies.* – 1998. – Vol. – 57, № 4. – 215 p.
131. *Journal Institute of Muslim Minority Affairs.* – 1986. – Vol. 7–8. – 414 p.
132. Menzies G. *1421: The Year China Discovered America.* – New York: William Morrow Paperbacks, 2008. – 650 p.
133. Mirza Muhammad Ibn Abdul Wahhab–e–Qazwini. *The Tarikh–e–Jahan Gusha of Alauddin Ata Malik–e–Juwayni.* – London, 1916. – Part 2. – 395 p.
134. Morgan D. *The Mongols.* – Oxford: Blackwell, 1990. – 288 p.
135. Rossabi M. *From Yuan to Modern China and Mongolia.* – Leiden: Brill, 2014. – 702 p.
136. Nasr S. H. *Islamic Science and Culture in China // Journal of Muslim Minority Affairs.* – 1998. – Vol. – 18, № 1. – 386 p.

137. Needham J. *Science and Civilization in China. Vol. 4: Physics and Physical Technology*. – Cambridge: Cambridge University Press, 1971. – 990 p.
138. Amitai R., Biran M. *Nomads as Agents of Cultural Change // The Mongols and Their Eurasian Predecessors*. – Honolulu: University of Hawai‘i Press, 2015. – 335 p.
139. Raphael I. *Islam in China: Religion, Ethnicity, Culture and Politics*. – Maryland: Lexington Books, 2002. – 350 p.
140. Rossabi M. *Khubilai Khan: His Life and Times*. – Berkeley: University of California Press, 1988. – 322 p.
141. Rossabi M. *Muslims in the Yuan Dynasty // Asia Major*. – 1979. – Vol.24. – № 2. – 296 p.
142. Beal S. *Si-Yu-Ki: Buddhist Records of the Western World*. – London, 1884. – Vol.1-2. – 726 p.
143. Saunders J. *The History of the Mongol Conquests*. – London: Routledge, 1971. – 157 p.
144. Schottenhammer A. *Huihui Medicine and Medicinal Drugs in Yuan China // Eurasian Influences on Yuan China*. – Singapore: ISEAS Publishing, 2013. – 602 p.
145. Tsai S. H. *Eunuchs in the Ming Dynasty*. – New York: State University of New York Press, 1996. – 290 p.
146. Sims-Williams N., Hamilton A. *The Sogdian Ancient Letters*. – London: British Library, 2000. – 463 p.
147. Sir Henry Yule. *The book of Ser Marco Polo, the Venetian [Text]: Concerning the Kingdoms and Marvels of the East*. –London,2010. – vol. 1. – P.612.
148. Yule H. *The Book of Ser Marco Polo*. – London, 2010. – Vol.1. – 612 p.
149. Yang, Bin. *Between winds and clouds [Text]: the making of Yunnan". "Chapter 5 Sinicization and Indigenization: The Emergence of the Yunnanese".* Columbia University Press – 2008. – 352 p.
150. Yule H., Cordier H. *The Travels of Marco Polo [Text] / H.Yule., H. Cordier*. – London, 1903. – 567 p.

151. Zhang Chunhou., C. Edwin Vaughan. Mao Zedong as poet and revolutionary leader [Text]: social and historical perspectives. – USA by Lexington Books, 2002. – P.140
152. Subtelny M. Ali-Shir Navoi and the Rich World of Turkic Persian Poetry. – Cambridge: Harvard University Press, 1990. – 224 p.
153. Tan Ta Sen. Cheng Ho and Islam in Southeast Asia. – Singapore: Institute of Southeast Asian Studies, 2009. – 292 p.
154. Thant Myint-U. Where China Meets India: Burma and the New Crossroads of Asia. – London: Macmillan, 2011. – 400 p.
155. The Evolution of Chinese Muslims' Classical Learning and Schools in the Ming and Qing Dynasties // Religions. – 2022. – Vol.13. – № 6. – 568 p.
156. Allsen T. T. Culture and Conquest in Mongol Eurasia. – Cambridge: Cambridge University Press, 2001. – 142 p.
157. Arnold T. W. The Preaching of Islam. – Westminster: A. Constable & Co., 1896. – 433 p.
158. Walter F., Zhu S., Luo H. The Mongol Atlas of China. – Taipei: Fu Jen Catholic University, 1946. – 100 p.
159. Wright D.C. Islamic Education in China: Jingtang Jiaoyu and Muslim Schools in the Ming and Qing // Journal of Islamic Studies, 2005. – 88 p.
160. Wang Qian. Architect Yuan Dadu also Heidier Ding. – 2014. – № 4. – P.96
161. Wang Zehong, Liu Ji. Islamic Philosophy and Confucianism: Dialogues and Synthesis. – Beijing: China Social Sciences Press, 2018. – 114 p.
162. Wang Zhichao et al. Present Y-Chromosomes Support the Persian Ancestry... // Communication on Contemporary Anthropology. – 2014. – Vol. 8. – 210 p.
163. Wang Zhilin 王志林. Древние китайские бани и культура чистоты // 中国文化史杂志. – 2011. – № 3. – 298 p.

164. Wright D. C. Islamic Education in China // Journal of Islamic Studies. – 2005. – 88 p.
165. Yang Bin. Between Winds and Clouds: The Making of Yunnan. – New York: Columbia University Press, 2008. – 352 p.
166. 中国社会科学院民族研究所. 《中国回族简史》(Краткая история хуэйцзу). – 北京: 民族出版社, 1980. – 第45–47 页.
167. 孙仲匀. 《中国与中亚文化关系史》(История культурных контактов Китая и Средней Азии). – 北京: 中国社会科学出版社, 1985. – 第214–216 页; 第256 页.
168. 张金銑. 元代地方行政制度研究 (Исследование системы местного управления в эпоху Юань). – 合肥: 安徽大学出版社, 2001. – 第76–80 页.
169. 陈克明. 元代的中亚穆斯林与中国社会 (Среднеазиатские мусульмане и китайское общество в эпоху Юань). – 上海: 复旦大学出版社, 2015. – 第59–67 页.
170. 荣新江. 中古中国与粟特文明 (Средневековый Китай и культура Согда). – 北京: 北京大学出版社, 2014. – 第266–291 页.
171. 蕭國健. 嶺外雲煙：華南文化與古蹟文物紀略. – 香港: 三聯書店, 2025. – 184 页 (глава «清真先賢古墓及回教三忠墓», 第104 页及以下).
172. 拉提·买买提. 《伊斯兰文化与丝绸之路文明交流研究》(Исламская культура и цивилизационный обмен на Великом шёлковом пути). – 乌鲁木齐: 新疆人民出版社, 2016. – 第12–18 页.

173. 杨富学. 元代敦煌伊斯兰文化觅踪 // 《敦煌研究》. – 2018. – 第2期. – 第11–21页.
174. 杨富学. 元代敦煌伊斯兰文化觅踪 // 《兰州大学学报》(社会科学版). – 2018. – 第4期. – 第56–64页.
175. 金國平. 緬懷歷史，展望未來：紀念鄭和下西洋600周年 // 行政暨公職局杂志. – 澳門, 2005. – 第18卷, № 2. – 第549–562页.
176. 林梅村. 波斯文明的洗礼—2012伊朗考察记之四 // 《紫禁城》. – 2012. – № 9. – 第17页. 陈垣. 《元西域人華化考》「稿本」(Текстологические исследования китаизации выходцев из Западных регионов в эпоху Юань). – 北京, 1934. – 八卷.

III. ЭЛЕКТРОННЫЕ РЕСУРСЫ

177. Берзин, А. Исторический очерк о китайских мусульманах народности хуэй [Электронный ресурс]: <http://www.berzinarchives.com/web/ru/archives/> study/islam/historical_interaction/overviews/history_hui_muslims_china.html Дата обращения 27.08.2023.

178. Encyclopaedia Iranica. Chinese–Iranian relations: Mongol period. – [Электронный ресурс]: <https://iranicaonline.org/articles/chinese-iranian-relations-iii-mongol-period>. Дата обращения: 21.11.2024.

179. Hansen, V. The Silk Road. A New History / V.Hansen. – Oxford: Oxford University Press, 2012. –P. 87-88; Iranica Online. Chinese-Iranian Relations viii. Persian Language and Literature in China // Encyclopaedia Iranica. – 2017. [Электронный ресурс]: <https://wwwiranicaonline.org/articles/chinese-iranian-viii> дата обращения: 19.02.2025.

180. By Cynthia Stokes Brown. Chinese Admiral in the Indian Ocean. Khan Academy. Source [Электронный ресурс]: <https://>

www.khanacademy.org/humanities/big-history-project/expansion-interconnection/exploration-interconnection/a/zheng-he. Дата обращения 17.01.2025

181. 穆斯林建筑师—也黑迭儿丁 [Muslim Architect – Yehdie Ding]. – 电子资源. – URL [Электронный ресурс]: <https://freewechat.com/a/MjM5NzQxNzg2MA==/2653364072/1>. Дата обращения 02.09.2021